

З.К. Дербишева

ЯЗЫК И ЭТНОС

Монография

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2017

УДК 81:39
ББК 81-02
Д36

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *И.А. Стернин* (Россия);
д-р филол. наук, проф. *К.З. Зулпукаров* (Кыргызстан)

Дербишева З.К.

Д36 Язык и этнос : монография / З.К. Дербишева. — М. : ФЛИНТА :
Наука, 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-9765-2921-2 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-039312-7 (Наука)

Монография написана в русле лингвокогнитивного и лингвокультурного направлений современного языкознания. В работе принята попытка составить вербализованный портрет кыргызского этноса, используя лексико-фразеологические ресурсы кыргызского языка. Этнонациональное «видение» мира, своеобразие житейских представлений зафиксированы в языке, в его словарном составе, фразеологизмах, пословицах и поговорках кыргызского языка.

Для специалистов гуманитарного профиля.

УДК 81:39
ББК 81-02

ISBN 978-5-9765-2921-2 (ФЛИНТА)

© Дербишева З.К., 2017

ISBN 978-5-02-039312-7 (Наука)

© Издательство «ФЛИНТА», 2017

Оглавление

Предисловие	4
Вводно-теоретическая часть	5
§ 1. Экскурс в историю кыргызского этноса	5
§ 2. Менталитет кыргызского народа	13
§ 3. Язык и культура	18
§ 4. Единицы и понятия когнитивного анализа языка	26
Лингвокогнитивное исследование кыргызского этноса	39
§ 1. Концептосфера «Жизненные ценности»	39
§ 2. Концептосфера «Пространство и движение»	67
§ 3. Концептосфера «Время»	98
§ 4. Концептосфера «Родственные узы»	119
§ 5. Концептосфера «Этноязыковой портрет»	132
§ 6. Концептосфера «Женщина»	178
§ 7. Концептосфера «Эмоции»	191
§ 8. Концептосфера «Слово»	219
Заключение	241
Использованная литература	247

Предисловие

Язык является неотъемлемой частью этноса, его главным атрибутом. Язык создает неповторимый образ этноса.

В лингвистической традиции долгое время язык интересовал нас как средство коммуникации и как особое системное устройство. Однако с активизацией антропоцентрического и этнолингвистического вектора исследований в современном языкознании язык стал также рассматриваться как ментальный «портрет» этноса, который эксплицирует его языковое мировосприятие, вербально аккумулирует духовный и материальный опыт народа.

Антрополог К. Клакхон пишет: «Каждый язык есть также особый способ мировоззрения и интерпретации опыта. В структуре любого языка кроется целый набор неосознаваемых представлений о мире и жизни в нем».

В предлагаемой монографии предпринята попытка через язык «обрисовать» контуры ценностной картины мира кыргызов, проследить то, как в языке отражаются мировоззрение, жизненная философия кыргызов, жизненные приоритеты и установки, взглянуть через призму языка на национальные традиции.

В исследовании находит подтверждение теория Л.Н. Гумилева об этносе как порождении ландшафта и биосферных факторов, поскольку языковая интерпретация пространства и времени в кыргызском языке отражает способ и формы существования кыргызов.

Для изучения проблемы связи языка и этноса был исследован основной лексико-фразеологический и паремиологический фонд кыргызского языка, зафиксированный в современных лексикографических источниках. В совокупности потенции, заложенные в лексико-фразеологическом фонде национального языка, в целом формируют концептосферу народа. Кыргызская лексика, идиомы, пословицы и поговорки помогли «сконструировать» портрет кыргызского этноса. Языковые номинации способствовали раскрытию культуры, характера, образа жизни народа, кыргызского менталитета.

ВВОДНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

§ 1. ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА

Этнос — естественноисторически сложившаяся устойчивая общность людей, основными стадийными типами которой считаются племена, нации, народности. Условиями возникновения этносов являются общность территории и общность языка, обычно выступающих затем в качестве признаков этноса. В ходе развития хозяйственных и других связей, под влиянием особенностей природной среды, контактов с другими народами и иных причин внутри этноса складываются характерные черты материальной и духовной культуры, групповых психологических характеристик, вырабатывается этническое самосознание, видную роль в котором играет представление об общности происхождения или исторических судеб входящих в этнос людей; реальным проявлением этого самосознания является употребление общего самоназвания, или этнонима. Эти элементы этноса могут выступать и в роли его признаков. Иногда формированию этноса способствует общность религии входящих в него групп людей, а также их близость в расовом отношении или возникновение значительных переходных метисных групп (например, у бразильцев, кубинцев и др.). Сформировавшийся этнос выступает как социальный организм, самовоспроизводящийся путем этнически однородных браков и передачи новому поколению языка, традиционной культуры и быта, этнической ориентации, этических и эстетических норм и т.д. [Прохоров 2005].

В кыргызском языке понятию «этнос» соответствует одно обозначение-термин «эл». Сам этноним «кыргыз» обозначал, по-видимому, первоначально род, затем — племенной союз, и уже потом сложилась современная народность, оформившаяся на определенной территории, с экономической, языковой и культурной общностью. При этом кыргызский этнос впитывал в себя и ассимилировал другие народы, вырабатывал свой генофонд и менталитет. Хронологически этот процесс продолжался с первого тысячелетия н.э. в условиях разных этнокультурных общностей на огромном

пространстве — от Монголии до Тянь-Шаня и Памира, от Байкала и Южной Сибири до Великой Китайской стены.

Важным этапом оформления народности стало объединение всех племен в два «крыла» — традиционное деление тюркских кочевников, начиная с гуннов. В онг канат — «правое крыло» вошли такие крупные племена, как сары-багыш, саяк, солто, кытай, кушчу, саруу, монгол, ават, мундуз, басыз, черик. В сол канат — «левое крыло» вошли племена адыгине, кыпчак, каратегин, багыш, бёрю, найман, жору, долес. Оба объединения включали как кыргызские, так и давно уже отореченные монгольские племена на равноправной основе. Все племена, вошедшие в систему двух «крыльев», а также третье объединение ичкилики Ферганы стали именоваться общим этнонимом «кыргыз». Этот важный исторический акт произошел в конце XV — начале XVI в. и был завершающим этапом более чем двухтысячелетнего процесса сложения кыргызской народности. С этого времени историки говорят об образовании современной кыргызской народности на Тянь-Шане как единой исторической общности, поднявшейся над родом и племенем и включающей в себя множество других, не кыргызских, родоплеменных образований как местного автохтонного происхождения, так и пришлого из Центральной Азии конгломерата племен.

Современные данные науки о происхождении кыргызской народности сводятся к следующему:

— истоки формирования кыргызского этноса и его государственности уходят своими корнями более чем в двухтысячелетнюю древность и связаны с территорией Центральной Азии III в. до н.э.;

— в первой половине I тысячелетия н.э. на Енисее (Минусинская котловина) в результате смешения местных (динлины) и пришлых (кыргызы) племен формируется новая этническая общность — енисейские кыргызы;

— в эпоху «великодержавия» (IX в.) енисейские кыргызы расселялись от Монголии до Тянь-Шаня с востока на запад, от Байкала до Китая с севера на юг. В результате смешения местного и пришлого населения образовался ряд новых субэтносов. Значение термина «кыргыз» изменилось: он становится не только этнонимом, но и этнополитонимом, т.е. кыргызами стали называть себя и

не кыргызские по происхождению племена, находившиеся в политической зависимости от кыргызов;

— один из таких кыргызских субэтносов в IX—X вв. образовался на Алтае и в Джунгарии. Здесь енисейские кыргызы в результате длительных взаимосвязей с численно преобладающими местными народами, входившими в кимако-кипчакское объединение, приобрели новое этническое лицо (включая язык), но сохранили этноним «кыргыз»;

— в XV в. алтайские кыргызы, входившие в государство Моголистан, после походов Тимура, которые были чрезвычайно разорительными, заняли земли Тянь-Шаня и Притяньшанья. Они ассимилировали местные тюркомонгольские племена и стали основным ядром нового этнического образования — кыргызской народности современного облика.

Главным условием формирования кыргызской народности на завершающем (тянь-шаньском) этапе в конце XV — начале XVI в. оказалось как саморазвитие древнекыргызских этнических компонентов, так и ассимиляционные взаимодействия и контакты с новой этнической средой (древне-тюркской, монгольской, исламизированной восточноиранской). Хронологически одновременно с кыргызской образовались казахская, узбекская и каракалпакская народности.

С формированием кыргызской народности современного облика общественно-политический строй на Тянь-Шане не изменился, политическая обстановка менялась: на севере укреплялось Казахское ханство, на северо-востоке набирало силу объединение ойратов, в Восточном Туркестане возродился Моголистан. Взаимоотношение этих новых объединений и определило развитие кыргызского народа с XVI до середины XVIII в. В начале XVI в. во главе кыргызских родо-племенных объединений Тянь-Шаня стал Мухаммед-кыргыз, один из родоначальников, ставка которого была на Иссык-Куле, в местности Борскон. Вся жизнь этого человека — борьба за независимость кыргызов. В ней он ориентировался на союз с окрепшим Казахским ханством. При Мухаммед-кыргызе кыргызские племена стали выступать почти как самостоятельное государственное объединение. В конце XVI — начале XVII в. значительно возросло могущество военно-политического союза кыр-

гызских и казахских племен, игравших все более важную роль в политической жизни Средней Азии и Восточного Туркестана.

Возникшее в XVII в. на территории Западной Монголии Джунгарское ханство в начале XVIII в. завоевало Восточный Туркестан, разгромив последних могольских правителей и оттеснив кыргызов и казахов с их исконных земель. Однако, как свидетельствует посол Петра I к калмакам капитан И. Унковский (1722—1724), много кыргызов осталось на своих землях. Кыргызы называли жителей Джунгарии калмаками, хотя их самоназвание было ойрат. Ойраты называли кыргызов бурутами, но их этническое самоназвание было кыргыз. Борьба с джунгарской агрессией перемежалась с распрями теократических наследников кашгарских правителей, разделившихся на белогорскую и черногорскую партии. Обе партии пытались привлечь на свою сторону кыргызских биев, которые охотно откликались на предложения, приносившие военную добычу и дополнительные прибыли. Особенно отличился в этом предводитель тяньшанских кыргызов, глава племени кушчу Кубат-бий, который пытался, но безуспешно, сплотить кыргызские племена, феодалы которых не желали расставаться со своими вольностями. Этим воспользовался возвысившийся правитель Коканда Ирдана, начав наступление на кыргызскую территорию.

К этому времени под ударами цинских войск в 1757—1759 гг. пало Джунгарское ханство. Оттесненные калмаками в Фергану кыргызские племена стали возвращаться на Тянь-Шань, занимая свои прежние кочевья. Попытки маньчжуроцинских наместников Синьцзяна, впервые столкнувшихся на Тянь-Шане с кыргызскими отрядами, подчинить кыргызов успеха не принесли. Китайцы ограничились тем, что договорились с кыргызскими биями о ненападении и соблюдении границ.

Существенно ослабевшие южные кыргызы тут же стали объектом завоевания кокандских правителей. С них Ирдана и начал свои завоевательные походы. В 1762 г. он напал на Узген. Когда местные ополченцы под руководством Хаджи-бия отступили, кокандцы захватили г. Ош, а сам кыргызский правитель Хаджи-бий вскоре был пленен.

Нарбута-бий (1770—1800) — преемник Ирданы на кокандском престоле — продолжил его завоевательную политику, подчинив

к 80-м годам XVIII в. всю предгорную южноферганскую территорию, занятую кыргызами, а также Алай. Здесь были возведены кокандские крепости, которые служили местом дислокации для кокандских гарнизонов и сборщиков налогов, а также пограничными форпостами с соседним Синьцзяном. После этого кокандские агрессивные устремления были направлены на северные районы Кыргызстана.

Чтобы избежать угрозы порабощения от сильных соседей, вождь племени сарыбагыш Атаке-бий в 1785 г. направил в Санкт-Петербург свое посольство, которое возглавил купец Абдурахман Кучаков. Атаке-бий просил могущественную российскую императрицу Екатерину II о покровительстве и направил ей в подарок три барсовые и две рысьи шкуры. Презент императрица приняла, обещала покровительство (что оказалось лишь вежливым дипломатическим жестом) и одарила Атаке 800 рублями серебром.

А кокандские правители в это время расширили свои завоевания. В 1809 г. войска Алим-хана взяли Ташкент и подступили к территории Северной Кыргызии. Омар-хан неожиданным ударом завоевал в 1821 г. Кетмень-тюбе, его наследник Мадали-хан присоединил Чуйскую долину, где на месте старой кыргызской крепости построил в 1825 г. крепость Пишпек (ныне Бишкек). В 1831 г. Мадали начал завоевание Иссык-Куля и возведение здесь линии укреплений. Разобщенные кыргызские племена отчаянно сопротивлялись, но не могли серьезно противостоять вооруженному напору ханства. В результате весь Кыргызстан попадает в колониальную зависимость от Коканда.

Завоевание Кыргызстана кокандскими ханами заметно изменило обстановку в Средней Азии и положение кыргызского народа. Если родоплеменная верхушка в лице биев, которые исполняли и судебные функции, склонилась к сотрудничеству с завоевателями, то положение обездоленного народа — букары, оказавшейся под бременем жестокого гнета, ухудшилось. Кыргызы продолжали заниматься преимущественно скотоводством, но появилось хлебопашество, с началом кокандской колонизации в 1762 г. стали разводить даже рис. Но товарно-денежные отношения не были развиты, кыргызы не имели даже собственной денежной единицы, пользовались кокандскими и китайскими деньгами. Они, как и прежде,

жили по законам патриархально-традиционных общественных отношений, патриархальный быт сопровождался усилившимся налоговым гнетом. Кокандский административный аппарат достиг виртуозного совершенства в выкачивании налогов. Основным налогом со скота кочевников был зякет, но брали и за землю, за воду, за торговлю на базаре, за сбор колючки, за топливо, за свадьбу, за развод, за наследство и т.д. Взимали подати и собственные феодалы. Многие из них верно служили хану, некоторые даже выбились в важные придворные чиновники. Так, алайский родоправитель Алымбек много лет был хакимом (правителем. — Д.З.) Андижанского вилайета, а в 1858 г. стал даже первым визирем ханства.

В 1860—1862 гг. Алымбек попытался было объединить кыргызов в самостоятельное государство, но в ходе придворных интриг в Коканде был убит.

Ему наследовала мудрая и дальновидная супруга Курманджан, сумевшая сохранить власть на Алае и получившая подтверждение своих прав — титул датки от эмира Бухары и хана Коканда. Курманджан-датка вошла в историю как уникальная женщина Востока, видный политический деятель, поэтесса. Она жила интересами своего народа, отстаивая свободу и независимость.

Кокандский деспотизм, налоговый гнет возмущали свободолюбивых кочевников. Восстания следовали одно за другим. Уже в 1842 г. восставшие иссык-кульские кыргызы изгнали ханские гарнизоны и разрушили их крепости. В 1845 г. восстали ошские кыргызы, но были жестоко подавлены. Восстание тянь-шаньских кыргызов против кокандских завоевателей возглавил народный герой Тайлак-батыр. Вождь казахских повстанцев против российской колонизации последний казахский хан Кененсары Касымов в 1847 г. потерпел поражение от кыргызских манапов в окрестностях Пишпека и Токмака и погиб. Сарыбагышский манап Ормон предпринял было попытку объединить кыргызов под своей властью и был даже провозглашен ханом, но не получил признания других кыргызских родоправителей и не избавился от кокандского ига.

Не желая терпеть ханский произвол, иссык-кульские кыргызы, еще в 1813 г. отправившие послов в Россию, в январе 1855 г. принимают в Омске присягу на подданство России. Инициатор этой важнейшей политической акции манап (представитель верхушки

кыргызской феодально-родовой знати. — Д.З.) племени бугу Боромбай получает звание полковника и титул верховного манапа, а непосредственный исполнитель — посол Качибек Шералин — чин капитана.

В 1862 г. манап Байтик возглавил мощное восстание в Чуйской долине. Он сумел выманить коменданта крепости Пишпек Рахматуллу-датку в свои кочевья и расправился с ним и его джигитами. Восставшие обратились за помощью к русским. Подошедший с войсками полковник Колпаковский при помощи кыргызского ополчения взял Пишпек и до основания разрушил его стены. Чуйские кыргызы, а затем в 1863—1867 гг. и кыргызы Центрального Тянь-Шаня приняли российское подданство.

Таким образом, Северный Кыргызстан добровольно, по инициативе собственных предводителей вошел в состав России. И главная причина этого заключалась в нежелании дальше терпеть кокандское иго, в опасении быть поработенными соседями.

Некоторые манапы, однако, продолжали придерживаться прококандской ориентации. Так, несмотря на то, что племя черик приняло присягу на подданство России еще в 1863 г., один из его манапов — Осмон — сын знаменитого Тайлака со своими джигитами напал на небольшой отряд майора Загряжского, прибывшего на Тянь-Шань с военной рекогносцировкой. На помощь русским пришел другой, сарыбагышский манап Шабдан Джантаев. Совместно они разбили Осмона, который вынужден был искать спасения в Синьцзяне, но в 1867 г. вернулся на родину и принял российское подданство.

Южные кыргызы все это время находились в составе территориально урезанного Кокандского ханства (в 1865 г. русские под руководством генерала Черняева взяли и Ташкент), потерявшего внешнеполитический суверенитет и попавшего в 1868 г. в вассальную зависимость от России. Худояр-хан, не желая расставаться с прежними прибылями, усилил налоговый пресс, что вызвало новые восстания кыргызов. В 1873—1876 гг. восстание, превратившееся в настоящую антикокандскую войну, охватило все ханство. Появились свои народные предводители.

Повстанцы выбрали своего хана. Им стал кыргыз мулла Исхак Хасан уулу (1844—1876 гг.), принявший имя Пулат-хана (внука

Алим-хана, отказавшегося возглавить повстанцев). Энергичный, умный и склонный к авантюрным приключениям Исхак в сопровождении 200 кыргызов-повстанцев появился на Чаткале и возглавил выступление кочевников. Народный вожак антикокандского восстания познал взлеты и падения. Но ни месячное заключение в тюрьму-зиндан, ни угроза физической расправы не смогли заставить его отказаться от избранного пути. В кыргызском фольклоре Исхак изображается как бесстрашный и решительный народный герой.

На помощь кокандскому хану Худояру выступили русские войска во главе с полковником Скобелевым. После ряда сражений повстанцы были разбиты. Вся долинная часть Ферганы оказалась во власти царских войск. Раненый Исхак с остатками разбитых отрядов бежал в горы, но был коварно схвачен своими сподвижниками и выдан М.Д. Скобелеву. В марте 1876 г. Исхак Хасан уулу — Пулат-хан был публично повешен в г. Маргелане.

Вся территория Кокандского ханства указом императора Александра II от 19 февраля 1876 г. была присоединена к России как Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Ее первым военным губернатором стал теперь уже генерал М.Д. Скобелев. Однако горные районы Южной Кыргызии, в частности Памиро-Алай, еще оставались непокоренными. Сыновья Курманджан-датки, верные сподвижники Пулат-хана, создав отряды из кыргызов-ополченцев, пытались остановить карателей. Но силы оказались слишком неравными. Русские войска под предводительством Скобелева захватывали одну позицию за другой. К тому же в покорении Алая в 1876 г. Скобелеву активно содействовал сарыбагышский манап Шабдан со своими джигитами.

После ряда поражений Абдулла-бек, старший сын Курманджан, бежал в Афганистан, где вскоре умер. Сама Курманджан-датка была задержана на границе и с почетом доставлена в г. Маргелан. М.Д. Скобелев устроил ей теплый прием, назвал «алайской царницей» и отпустил с миром. Курманджан заключила со Скобелевым договор, по которому признала присоединение к России. Возвратились другие сыновья Курманджан-датки, которые все были определены волостными управителями в Ошском уезде — в новой территориальной администрации царизма в завоеванном крае. Таким

образом, Южный Кыргызстан был завоеван русскими силой оружия. Оценивая последствия присоединения Кыргызстана к России, кыргызские историки считают, что они были неоднозначны. С одной стороны, кыргызы были освобождены от жестокого ханского ига, была снята угроза порабощения их соседями. С другой стороны, кыргызы попадали в колониальную зависимость от царизма, вступили в новые общественные отношения и вскоре почувствовали пресс капиталистических отношений. Кыргызстан превращается в колонию России.

Использованные источники

1. Прохоров Б.Б. Экология человека: понятийно-терминологический словарь. Ростов н/Д., 2005.
2. Плоских В.М. История кыргызов и Кыргызстана: учебник для вузов. Бишкек, 2003. С. 67—70.

§ 2. МЕНТАЛИТЕТ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

Менталитет (*лат.* образ мыслей) — это те духовно-нравственные и культурные ценности, которые составляют основу мировидения и миропонимания отдельного человека или сообщества, в свою очередь, определяющих их поведение. Менталитет определяют как образ чувств и мыслей, влекущих за собой определенные действия. Это сложное духовно-интеллектуальное образование, складывающееся веками, тысячелетиями как историко-генетическая память человека и народа в целом [4].

Менталитет — это совокупность констант, включающих жизненные установки, принципы, модели поведения, эмоции и настроения, опирающихся на глубинные (во многом дорефлексивные) зоны смысла (которые присущи данному обществу, его социальному наследию и культурной традиции), а потому имеющих системообразующий характер для национальной культуры и ее истории, для становления и развития данной цивилизации [6].

Если говорить о народе в целом, то его менталитет определяется особенностями общенациональной культуры. Если же сопоставлять различные национальные культуры и рассматривать социо-

культурные миры, которые объединяют разные народы, то можно заметить, что общность между культурами этих народов проявляется в сходстве их менталитетов. Каждому социокультурному типу мира или типу культуры соответствует особый тип менталитета. Напротив, различным социокультурным мирам и типам культуры соответствуют различные типы менталитету [8].

Предки кыргызов — кочевники заложили основы психического склада мышления, которые с течением исторического времени приобретали черты национального характера, образуя единую историческую традицию, так сложился менталитет кыргызской нации, проявляющий целостность и индивидуальность системы культуры. Традиционное мышление кыргызов играет определяющую роль в становлении самосознания, создавая изначальную модель мира, однако с переходом к оседлому образу жизни претерпели изменения многие черты характера, произошло взаимообогащение кочевых и оседлых принципов миропонимания, от этого и некоторый синкретизм в мышлении современного кыргыза. Номадическая цивилизация являет собой определенную систему культуры, отражающую специфические черты традиционного мышления: пространственность и созерцательность, богатое воображение и тонкую чувствительность, природовосприимчивость и интуитивность, философскую умозрительность и нерелигиозность, символичность и космичность. Феномен номадизма позволяет восстановить некогда разорванную целостность культуры и воссоздать неординарный в своем многообразии и однозначности тип мышления [7].

Кыргызский менталитет — один из типов менталитета по национальным признакам. Как социокультурное явление менталитет кыргызов обусловлен культурой и общественными отношениями данной нации [3]. Проф. Айтбаев А. в своем исследовании дает развернутое определение кыргызского менталитета: «Кыргызский менталитет как системообразующий вид восточного менталитета включает в себя следующие особенности: 1) созерцательность; 2) умозрительность; 3) интуитивность; 4) нерелигиозность; 5) символичность; 6) природовосприимчивость, т.е. экологичность; 7) приверженность к локальным ценностям; 8) внутренняя обусловленность родо-племенными отношениями; 9) преемственность, т.е. духовное родство с предками; 10) изначальная воспри-

имчивость к переменам, обусловленная кочевым сознанием. Позитивными сторонами кыргызского менталитета являются такие непреходящие качества этноса или народа, как коммунитарность, толерантность, храбрость, патриотизм, стремление к знаниям, образованность, интеллектуальность, любовь и уважение к культуре, традициям и обычаям своего народа, своевременная адаптация к тем или иным социоприродным условиям. К негативным сторонам кыргызского менталитета автор относит такие качества, как трайбализм, беспечность, зависть, лень [1, с. 20].

Кыргызы, принявшие в историческом прошлом мусульманскую веру, фанатично незакомплексованы религиозностью, хотя придерживаются внешних религиозных атрибутов, и к светским условиям и стандартам жизни более восприимчивы. Вместе с тем добрые нравственные постулаты мусульманства нашли отклик в сердцах кыргызов и восприняты ими. Открытость духовная, быстрая адаптированность к современной цивилизации, может быть, связаны с тем, что у кыргызов была своя древняя культура, письменность [5].

В кочевом обществе кыргызов важная роль принадлежала генеалогической структуре общества. Общественный строй кочевников представлял собой сообщества солидарных людей, которые были сильны своим коллективизмом. Государственные структуры возникали в среде кочевых народов главным образом с целью организации внешней экспансии. В мирное время роль государственных образований была сведена до минимума и не играла существенной роли в жизни социума [3]. Стоит отметить, что и патриотизм в традиционном кыргызском понимании во многом связан именно с понятием своего племени и его территории. Для кыргызского общества характерно глубоко укоренившаяся идентичность со своим родом и кочевым племенем. Родо-племенная дифференциация кыргызского общества, их погруженность в небольшую общину, является одним из отличительных признаков нашего этноса, ее основным зерном, создающим кыргызское общество и государство [3].

А. Айтбаев и Э. Апасматова в своей монографии «Менталитет кыргызского народа» считают, что менталитет народа выражается в отражении определенных общественных отношений, закрепленных в сознании людей, мыслях, переживаниях (связанных с принадлежностью к определенной нации [2, с. 52].

Исследователи отмечают, что кыргызский этнос имеет свой архетип в образе кочевника, складывающегося из древних кочевых племен на протяжении многих веков, и в настоящее время культура кыргызов представляет собой одну из ветвей самобытной в своей уникальности культуры Центральной Азии.

Обычаи и обряды у кыргызов представляют собой богатый и сложный по своему содержанию этнокультурный комплекс. В нем переплелись обычаи и обряды, возникшие в различные исторические эпохи на разных уровнях социально-экономического и культурного развития. Идеологическое освещение обычаев и обрядов имело синкретичный характер, в них наряду с исламскими традициями можно обнаружить целый пласт доисламских верований, культов и обычаев, связанных с жизненным циклом человека, различными культами и т.д. [2, с. 57]. Все обычаи и обряды можно условно классифицировать следующим образом: обычаи и обряды, связанные с жизненным циклом человека, со сватовством, помолвкой, свадьбой, похоронно-поминальным циклом, календарем, кочевкой, материальными объектами культуры и др. Сегодня они являются бесценной памятью нации, ее генетическим кодом. Обряды и обычаи были школой преодоления своих недостатков, самовоспитания. Обычаи оказания хорошего приема любому гостю заставляли преодолеть собственный эгоизм, жадность, скупость, переносить хлопоты, неудобства [2, с. 58]. Основным содержанием и сутью почти всех кыргызских обычаев было проявление (причем бескорыстно) ко всем людям уважения и почтения, доверия и искренности, готовности сделать любую по-настоящему услугу. Это было великой житейской мудростью, поскольку без таких взаимоотношений невозможно было обеспечить единство, согласие, мир и сплоченность (не только семьи, но и рода, племени и всего общества), а значит быть сильным, противостоять всем невзгодам и жизненным испытаниям, оказывать бескорыстную помощь любому путнику, сородичу, показывать широту души, приучать к доброте, прививать чуткость и отзывчивость. Многие обычаи не позволяли, а точнее исключали унижение одних другими (грубостью, оскорблениями, обидами, пренебрежением, невниманием, откровенным игнорированием и т.п.). Этим самым подчеркивалось равенство и справедливость между людьми (независимо от богатства или причастности к власти) Ведь сейчас стало обыденным, когда тон, голос,

манера разговора отражают зависимость людей друг от друга, богатство, власть одних и подчиненность, подобиюстрастность и заискивание других [2, с. 59].

Смысложизненные ориентиры кочевого мировоззрения находят реальное воплощение в истории развития кыргызских племен, а с течением времени нации, наиболее ярким подтверждением принадлежности кыргызов к кочевому типу служит соотношение пространственно-временных характеристик бытия. В системе кыргызского мировосприятия пространство превалирует над временем, определяя таким образом пространственность мышления [2, с. 60].

Важной чертой национального самосознания, менталитета кыргызов является бережное отношение к знаниям, мудрости, слову, языку. Умные, владеющие словом кыргызы высоко поднимались в общественном мнении. У истоков общественно-политической мысли и национального самосознания кыргызов стояли реальные люди, которые затем превращались в легендарные фигуры: Асан-кайгы, Толубай сынчы и Санчы-сынчы, Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч [2, с. 65].

Одной из существенных характеристик менталитета кыргызов является то, что психический склад кыргызов, такие черты характера, как храбрость, героизм, самопожертвование, формировались под влиянием кочевого образа жизни, постоянной борьбы за самостоятельность и независимость.

Суть традиций, оставленных нам предками, состоит в следующем:

- Приоритет духовных ценностей над материальными, коллективных интересов над частными. В условиях кочевой жизни люди могли выжить только вместе, коллективом.
- Высшая власть никогда не передавалась по наследству и всегда была только выборной.
- Кыргызы не знали дискриминации женщин.
- Кыргызы жили в условиях военно-демократического, гражданского общества.
- Их кочевая жизнь протекала в полном согласии, единстве и гармонии с природой, неотъемлемой частью которой они себя считали [2, с. 59].

Природные условия дали щедрую возможность кыргызам в историческом прошлом жить безбедно, или отвлечься от всех дру-

гих общественных условий и факторов, влияющих на жизнеобеспечение. До переселения на кыргызские земли других этнических групп щедрая богатая природа была достаточна для незначительного по своей численности кыргызского народа. Бытовавший, далекий от современной цивилизации уклад жизни предопределил ограниченный набор потребностей, и желания людей очень мало и очень редко выходили за его рамки, и это продолжалось достаточно долго в многовековой истории кыргызского народа. Природные богатства, узкая однонаправленная хозяйственная специализация привили кыргызам определенную беспечность и черту довольствоваться малым, как говорится, данным Богом существованием [5].

Использованные источники

1. Айтбаев А.А. Менталитет кыргызского народа: теория и практика. Бишкек, 2006.
2. Айтбаев А.А., Апсаматова Э.Д. Менталитет кыргызского народа. Бишкек, 2013.
3. Асеинова С.Э. Менталитет кыргызов в условиях глобализации. Бишкек: КНУ, 2014. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=browse&nad=holder&browse=13&page=59>
4. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.
5. Койчуев Т.К. Менталитет кыргызов: история и современность // Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. Экономика Кыргызстана на переломном этапе. Бишкек, 2007.
6. Кондаков И.В. «Менталитет — глубинная структура культуры». Русская культура: краткий очерк истории и теории. М.: Университет, 2000.
7. Урманбетова Ж.К. Культура кыргызов в контексте развития цивилизации: автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. Бишкек, 1997.
8. Шейко В.М. и др. Культурология. Киев, 2012.

§ 3. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Культура передается посредством языка, способность к которому отличает человека от всех других существ. Благодаря языку воз-

можна культура как накопление и аккумуляция знаний, а также их передача из прошлого в будущее.

Крупнейший философ XX в. М. Хайдеггер пишет по этому поводу: «...человеческая деятельность понимается и организуется как культура. Культура теперь — реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств. Из сущности культуры вытекает, что в качестве такого культивирования она начинает в свою очередь культивировать и себя, становясь таким образом культурной политикой» [Хайдеггер 1986].

Но культура — это не просто совокупность артефактов, т.е. вещного мира, созданного руками человека, это мир смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность. Создание новых смыслов само становится смыслом деятельности в духовной культуре — в искусстве, религии, науке.

Каждая национальная культура формируется в специфических исторических и природных условиях, создаст свою картину миру, свой образ человека и свой язык общения. Язык одновременно является составной частью культуры, а также одной из форм трансляции культуры. Посредством языка передаются и фиксируются символы, нормы, обычаи, модели поведения, верования, идеи, чувства, ценности, установки.

Роль языка в процессах человеческого общения стала предметом научного анализа с начала Нового времени. Ее изучали Д. Вико, И. Гердер, В. Гумбольдт и др., заложив тем самым основы лингвистики. Большие успехи в изучении языка и речевого общения принес XX в., когда ученые связали язык и культуру. На разработку проблем взаимоотношения языка и этноса, этнокультуры огромное влияние имеют антропоцентристские идеи В. фон Гумбольдта. Последователи Гумбольдта, неогумбольдтианские школы наделяют язык лингвокреативной силой, которая создает благодаря своей классифицирующей и структурирующей роли своеобразный мир языковых смыслов. Процессы мыслительного структурирования мира и формирования мировидения членов определенной языковой общности сводятся к действию внутренней формы языка. Сторонниками гумбольдтианского направления демонстрируется творческая роль языка в упорядочении хаотичного опыта и конструирования картины мира как связного целого, в процессах

мышления и познания, в построении культуры, соответствующей данному языку. Подчеркиваются различия между картинами мира у носителей разных языков.

Исследования в области связи языка и культуры были продолжены американским культурным антропологом Ф. Боасом и британским социальным антропологом Б. Малиновским. Боас еще в 1911 г. указал на эту связь, проиллюстрировав со сравнением двух культур через их словарный состав. Так, для большинства североамериканцев снег — это просто погодное явление и в их лексиконе это понятие обозначают только два слова: «snow» (снег) и «slush» (слякоть), а в языке эскимосов существуют более 20 слов, описывающих снег в разных состояниях. Отсюда видно, что является важным в каждой из этих культур.

Существенный вклад в понимание связи языка и культуры внесла известная лингвистическая гипотеза Сепира—Уорфа, согласно которой язык — это не просто инструмент для воспроизведения мыслей, он сам формирует наши мысли, более того, мы видим мир так, как говорим. Чтобы прийти к этой идее, ученые проанализировали не состав разных языков, а их структуры (европейские языки и язык хопи). Например, было выяснено, что в языке хопи нет деления на прошедшее, настоящее и будущее время; а английскому предложению «Он остался на десять дней» в языке хопи соответствует предложение «Он остался до одиннадцатого дня». На примерах такого типа Уорф поясняет связь культуры и языка. Не стоит преувеличивать значение гипотезы Сепира—Уорфа: в конечном счете содержание мыслей человека и его представлений определяется их предметом. Человек способен жить в реальном мире именно потому, что жизненный опыт заставляет его исправлять ошибки восприятия и мышления, когда они вступают в противоречие. Поэтому культура живет и развивается в «языковой оболочке», а не «оболочка» диктует содержание культуры. Но не следует и преуменьшать роль связи языка, мышления и культуры. Именно язык служит основой картины мира, которая складывается у каждого человека и приводит в порядок множество предметов и явлений, наблюдаемых в окружающем мире. Любой предмет или явление доступны для человека только тогда, когда они имеют название. В противном случае они для нас просто не существуют.

Дав им название, человек включает новое понятие в ту сетку понятий, которая существует в его сознании, иными словами, вводит новый элемент в существующую картину мира. Можно сказать, что язык — это не только средство коммуникации или возбудитель эмоций. Каждый язык не просто отображает мир, но строит идеальный мир в сознании человека, конструирует действительность. Поэтому язык и мировоззрение неразрывно связаны.

В культурологической литературе значение языка чаще всего оценивается как:

- зеркало культуры, в котором отражается не только реальный, окружающий человека мир, но и менталитет народа, его национальный характер, традиции, обычаи, мораль, система норм и ценностей, картина мира;
- кладовая, копилка культуры, так как все знания, умения, материальные и духовные ценности, накопленные народом, хранятся в его языковой системе — фольклоре, книгах, в устной и письменной речи;
- носитель культуры, поскольку именно с помощью языка она передается из поколения в поколение. Дети в процессе инкультурации, овладевая родным языком, вместе с ним осваивают обобщенный опыт предшествующих поколений;
- инструмент культуры, формирующий личность человека, который именно через язык воспринимает менталитет, традиции и обычаи своего народа, а также специфический культурный образ мира.

Кроме того, язык:

- облегчает адаптацию человека в условиях окружающей среды;
- помогает правильно оценить объекты, явления и их соотношение, способствует идентификации объектов окружающего мира, их классификации и упорядочению сведений о нем;
- способствует организации и координации человеческой деятельности.

Культура передается посредством языка, способность к которому отличает человека от всех других существ. Благодаря языку возможна культура как накопление и аккумуляция знаний, а также

их передача из прошлого в будущее. Поэтому человек в отличие от животных не начинает заново свое развитие в каждом следующем поколении. Если бы он не обладал никакими навыками и умениями, его поведение регулировалось бы инстинктами, а сам он практически не выделялся из среды других животных. Можно утверждать, что язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие ее существования. Это означает также, что между языком и реальным миром стоит человек — носитель языка и культуры. Именно он осознает и воспринимает мир посредством органов чувств, создает на этой основе свои представления о мире. Они в свою очередь рационально осмысливаются в понятиях, суждениях и умозаключениях, которые можно передать другим людям. Следовательно, между реальным миром и языком стоит мышление. Слово отражает не сам предмет или явление окружающего мира, а то, как человек видит его, через призму той картины мира, которая существует в его сознании и которая детерминирована его культурой. Сознание каждого человека формируется как под влиянием его индивидуального опыта, так и в результате инкультурации, в ходе которой он овладевает опытом предшествующих поколений. Можно сказать, что язык является не зеркалом, точно отражающим все окружающее, а призмой, через которую смотрят на мир и которая в каждой культуре своя. Язык, мышление и культура настолько тесно взаимосвязаны, что практически составляют единое целое и не могут функционировать друг без друга.

Путь от реального мира к понятию и выражению этого понятия в слове различен у разных народов, будучи детерминирован природными, климатическими условиями, а также социальным окружением. В силу этих обстоятельств у каждого народа своя история, своя культурная и языковая картина мира. При этом культурная картина мира всегда богаче языковой. Но именно в языке культурная картина мира реализуется, вербализируется, хранится и передается из поколения в поколение. В данном процессе слова представляют собой не просто названия предметов и явлений, а фрагмент реальности, пропущенный через призму культурной картины мира и благодаря этому приобретший специфические, присущие данному народу черты. Поэтому там, где русский человек видит два цвета — синий и голубой, англичанин видит лишь один цвет — blue,

хотя те и другие смотрят на одну и ту же часть спектра, т.е. язык навязывает человеку определенное видение мира. Один и тот же фрагмент реальности, одно и то же понятие имеют разные формы языкового выражения в разных языках.

Любая культура является процессом и результатом изменения, вживания в окружающую среду. Из сказанного следует, что культуры различных народов отличаются друг от друга в первую очередь не типом созерцательного освоения мира и даже не способом адаптационного вживания в окружающий мир, а типом его материально-духовного присвоения, т.е. деятельностной, активной поведенческой реакцией на мир. Деятельность субъекта в мире основывается на установках и предписаниях, извлекаемых им из культуры. А сама культура — не только способ присвоения, но и отбор объекта для присвоения и его интерпретации [Маслова 2001].

С начала XX в. в культуре стали видеть специфическую систему ценностей и идей. Культура в таком понимании — это совокупность абсолютных ценностей, создаваемых человеком, это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, т.е. система ценностей — это одна из важнейших сторон культуры. Ценности, нормы, образцы, идеалы — важнейшие компоненты аксиологии, учения о ценностях. Система ценностей считается стержнем духовной культуры, доказательством тому являются следующие наиболее ценностно-окрашенные концепты культуры: вера, рай, ад, грех, совесть, закон, порядок, счастье, родина и т.п. Однако ценностно-окрашенным может стать любой фрагмент мира, например пустыня, горы — в христианской картине мира. В.А. Маслова излагает общие черты языка и культуры, сложившиеся в традиции лингвокультурологии [Маслова 2001]:

1. Культура, как и язык, — это формы сознания, отображающие мировоззрение человека;
2. Культура и язык существуют в диалоге между собой;
3. Субъект культуры и языка — это всегда индивид или социум, личность или общество.

На вопрос о степени влияния языка на культуру разные исследователи отвечают по-разному. В.А. Маслова, Л.С. Касьяненко от-

мечают, что в современной лингвистике, философии, антропологии и этнографии сложилось несколько подходов в решении этого вопроса.

Первый подход разрабатывался в основном отечественными философами (С.А. Атановским, Г.А. Брутяном, Е.И. Кукушкиным, Э.С. Маркаряном). Ключевым положением данного подхода является отношение к языку, как к «зеркалу» культуры. При таком подходе отношения в диаде «язык—культура» характеризуются как однонаправленные. Данный взгляд на проблему кажется нам несколько «однобоким», поскольку роль языка в данном случае пассивна, сводится к формальному отражению фактов культуры, язык выступает лишь как ее инструмент, лишенный какой бы то ни было самостоятельности. Представители второго подхода признают активную роль языка в процессе мышления, влияние его на культуру. Американские исследователи Э. Сепир и Б. Уорф, разработавшие гипотезу лингвистической относительности, исходили из признания причинной связи между языком и культурой и главенствующую, определяющую роль отводили именно языку, трактуемому как руководство к восприятию социальной действительности. Культура и язык, по их мнению, представляют собой своеобразный симбиоз: язык «прорастает» в культуру, выражает ее, является обязательной предпосылкой развития всей культуры в целом. Реальный мир, в котором существует человек, бессознательно строится на языковых нормах конкретного общества. Миры, в которых живут различные общества, — отдельные миры, а не один мир, использующий разные языки. Согласно этой гипотезе люди воспринимают мир в преломлении своего родного языка, каждый язык отражает действительность по-своему: «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Сепир]. Подобные идеи вызвали массу споров в языкознании.

Однако, критикуя доведённые до крайности идеи неогумбольдтианцев, западные и отечественные лингвисты в целом не отрицают того факта, что язык действительно оказывает известное влияние на мышление и познавательную деятельность че-

ловека, поскольку обобщённое мышление и познание возможно лишь на базе языка, в языке фиксируются результаты познавательной деятельности предшествующих поколений, язык является средством эмоционального воздействия и т.д. [Кацнельсон 1965].

Суть третьего подхода, который видится нам наиболее удачным, заключается в том, что язык и культура находятся в диалектическом единстве, зависят друг от друга и находятся друг с другом в постоянном взаимодействии, оставаясь при этом автономными знаковыми системами. Язык является неотъемлемой частью культуры, основным инструментом ее усвоения, это действительность нашего духа. Язык выражает специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания. С другой стороны, культура включена в язык, так как вся она смоделирована в тексте. Этой точки зрения придерживается большинство современных лингвистов, и она является ключевой в лингвокультурологической теории. В этой теории язык трактуется как универсальная форма первичной концептуализации мира; составная часть культуры, наследуемая человеком от его предков; инструмент, посредством которого усваивают культуру; транслятор, выразитель и хранитель культурной информации и знаний о мире. При этом язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает, «отражает» ее (пассивная функция языка), а «формирует» культуру (активная роль языка), как бы прорастая в нее, и сам развивается в культуре. Культура же с лингвокультурологической точки зрения интерпретируется прежде всего как хранилище безграничного опыта нации, накопленного множеством поколений. Однако культура не может быть наследована генетически, и для передачи ее последующим поколениям необходим «проводник», в роли которого и выступает язык. Само существование языка как явления невозможно без культуры, так же как и существование культуры немыслимо без языка. Благодаря языку осуществляется преемственность человеческой культуры, происходит накопление и усвоение опыта, выработанного предшествующими поколениями. Язык формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию.

Использованные источники

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
2. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 261.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 93.
5. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/kultura-i-yazyk.html>

§ 4. ЕДИНИЦЫ И ПОНЯТИЯ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА

Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций.

Материалом лингвокогнитивного анализа является язык, а цели такого исследования в разных конкретных направлениях (школах) когнитивной лингвистики могут различаться — от углубленного исследования языка с помощью когнитивного категориально-терминологического аппарата до конкретного моделирования содержания и структуры отдельных концептов как единиц национального сознания (концептосферы).

О концепте. Мы определяем концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.*

О концептосфере. И концепты, и соответственно концептосфера — сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые.

Современные научные данные убедительно подтверждают реальность существования концептосферы и концептов, а именно, реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления).

Необходимо также указать на то, что концептосфера носит, по видимому, достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. А.Н. Лук писал, что даже между понятиями *небо* и *чай* существует смысловая связь, которая может быть установлена, к примеру, следующим образом: *небо — земля, земля — вода, вода — пить, пить — чай* [Лук 1976, с. 15].

Конкретный характер системных отношений концептов требует исследования, но общий принцип системности, несомненно, на национальную концептосферу распространяется, поскольку само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение ее объектов.

Таким образом, концептосфера — это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления.

В.В. Красных использует термин *когнитивное пространство* и разграничивает *индивидуальное когнитивное пространство* — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый говорящий, и *коллективное когнитивное пространство* — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум [Красных 2003, с. 61].

В.В. Красных предлагает также понятие *когнитивной базы*, под которой понимается определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета [Красных 2003, с. 61].

Концепт и проблема невербальности мышления. Мышление осуществляется без обязательного обращения к языку. Инструментом мышления выступает универсальный предметный код, кон-

цепция которого как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н.И. Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л.С. Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи осуществил И.Н. Горелов.

Единицами универсального предметного кода являются предметные чувственные образы, которые кодируют знания. Знания представлены в сознании человека концептами, а в качестве кодирующего концепт образа выступают чувственные образы, входящие в концепт как его составная часть. Таким образом, чувственная составляющая концепта кодирует содержащуюся в нем рациональную информацию, обеспечивая его функционирование как мыслительной единицы. В мыслительном процессе человек оперирует образами, которые несут и «прикрепленные» к образам рациональные знания.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта.

Единицы универсального предметного кода — это чувственные представления, схемы, картины, возможно, эмоциональные состояния, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании и памяти по различным основаниям.

Образные единицы универсального предметного кода могут косвенно обнаруживать себя. Когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно пытаются помочь себе, изображая руками перед собой в ходе рассуждения некоторые замысловатые фигуры — как бы пытаясь изобразить, передать экзаменатору тот образ, который, как они считают, кодирует необходимую им единицу знания в их сознании и для которого они не могут найти подходящие слова. Это, как правило, свидетельствует о незнании рационального, логического содержания концепта. Если человек не знает смысл какого-либо абстрактного понятия, он часто помогает себе объяснить это движениями руки. Видимо, он пытается опереться на образное ядро концепта, изобразить его (как, например, можно изобразить образное ядро таких концептов, как *рябь*, *зыбь*, *винтовая лестница*, *круглый*, *квадратный*, *маленький* и др.), в то время как абстрактная идея «руками» изображена быть не может.

Универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка.

Концептосфера невербальна и существует в сознании на базе УПК автономно, независимо от языковых средств ее объективации.

Из всего сказанного следует, что необходимо четко различать *слова* и *концепты*: строго говоря, было бы неверно говорить «концепт дерево» или «концепт дерева», более точно говорить: концепт, репрезентируемый в языке словом *дерево*, представленный в системе языка словом *дерево*, вербализуемый словом *дерево* и т.д.

Проблема вербальной, языковой репрезентации, объективации концептов — это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления.

Мышление невербально, язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека; последний же есть процесс оперирования концептами.

Концептосфера же человека (упорядоченная совокупность ментальных единиц, отражающих познannую субъектом действительность) составляет *информационную базу* как сознания, так и мышления человека.

Концептосфера и менталитет в когнитивной лингвистике.

Термин *менталитет* в последнее время весьма часто употребляется в работах по когнитивной лингвистике. Однако содержание этого термина до сих пор не может считаться достаточно четко определенным. Существуют самые различные, весьма противоречивые определения этого понятия, причем в словарях и справочниках они стали появляться фактически только в середине 1990-х годов. Под менталитетом понимают образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления, характер и мн. др.

В когнитивной лингвистике важно разграничить понятия *менталитет* и *концептосфера*.

Менталитет мы предлагаем определить как *специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей*.

Можно говорить о менталитете личности, группы и народа (этноса). Менталитет конкретной личности обусловлен национальным, групповым менталитетом, а также факторами личного развития человека — его индивидуальным образованием, культурой, опытом восприятия и интерпретации явлений действительности. Это личные ментальные механизмы восприятия и понимания действительности.

Национальный менталитет — это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Ср.: американец при виде разбогатевшего человека думает: «богатый — значит умный», русский же в этом случае обычно думает: «богатый — значит вор». Понятие «новый» у американцев воспринимается как «улучшенный, лучший», у русского — как «непроверенный».

Восприятие и понимание действительности — сходные, но не совпадающие вещи. Восприятие — первый этап и основное условие понимания. Менталитет разных народов может «заставить» людей разных национальностей воспринимать по-разному одни и те же предметные ситуации. Национальный менталитет нередко как бы «побуждает» органы восприятия человека видеть одно и не замечать другое. Русский менталитет, к примеру, неизменно фиксирует покорность азиатских женщин и не замечает повышенной активности собственных, в то время как азиаты прежде всего фиксируют активность и даже агрессивность русских женщин, не замечая покорности и пассивности собственных.

Понимание воспринятого также обуславливается менталитетом. К примеру, карикатуру в китайской газете — девушка и юноша целуются на скамейке — европейский менталитет трактует как изображение распущенности молодых людей, а китайский — как критику недостатка жилплощади у китайцев.

Менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в процессах мышления.

Концептосфера — сфера знаний народа — в определенной степени определяет менталитет народа (особенности восприятия и понимания действительности): образующие национальную концептосферу ментальные единицы являются основой образования когнитивных стереотипов — суждений о действительности.

Менталитет народа проявляется прежде всего в его характере, действиях, коммуникативном поведении. Менталитет формируется под влиянием экономических условий, политических изменений, социально-политических процессов, географического ландшафта обитания этноса, контактов с другими этническими группами и т.д. Изучать его надо преимущественно этнокультурологическими и этнопсихологическими методами и приемами и это не задача лингвистов и лингвокогнитологов.

Концептосфера — это сфера мысли, информационная база когнитивного сознания народа и отдельной личности. Основным источником формирования концептов — личная познавательная деятельность личности, в том числе через ее коммуникативную деятельность (общение, чтение, учебу). Изучение концептосферы возможно психологическими, культурологическими и лингвокогнитивными методами и приемами.

Концептосфера человека является информационной базой когнитивной картины мира, обеспечивает ее упорядоченность, структурированность и системность, обеспечивает во многом понимание воспринимаемой человеком действительности, но не исчерпывает когнитивную картину мира, которая предполагает, кроме системы ментальных единиц-опор, еще и динамические механизмы познания, когнитивные стереотипы восприятия и др.

Концептосферы разных народов, как показывает изучение семантического пространства разных языков, существенно различаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования. Лингвисты установили эти различия, занимаясь теорией перевода, типологией языков мира, контрастивным изучением двух языков в процессе преподавания иностранного языка.

Номинативное поле концепта. Основным постулатом когнитивной лингвистики, как уже отмечалось, является мысль о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации. «Концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих. Чтобы восстановить структуру концепта, надо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт (лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд), включая систему устойчивых сравнений, запе-

чатлевших образы-эталоны, свойственные определенному языку» [Пименова. Предисловие 2004, с. 9].

В связи со сказанным первостепенной задачей когнитивной лингвистики выступает получение исчерпывающего списка языковых единиц, объективирующих интересующий исследователя концепт.

Совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества, определяется нами как *номинативное поле концепта*.

Номинативное поле отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики — лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля — тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав, и не выступает при этом как структурная группировка в системе языка, представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц. Номинативное поле включает единицы всех частей речи.

Важно иметь в виду, что специализированные языковые средства существуют в языковой системе (или формируются на какой-то определенный период) для коммуникативно релевантных концептов, т.е. для тех, которые являются в обществе предметом обсуждения, обмена информацией, высказывания отношения.

Одни концепты имеют обширное, легко выявляемое номинативное поле — много системных средств обозначения концепта и его признаков. Это наиболее коммуникативно-релевантные концепты (мужчина, женщина, работать, счастье и под.)

Другие имеют ограниченное номинативное поле — концепты, не имеющие синонимических рядов, не имеющие гиперогипонимического характера. Это коммуникативно-малорелевантные для широкого круга людей концепты, отражающие обычно узко специализированные, конкретные мыслительные сущности, известные узкому кругу людей. Например, такие концепты, как *мизинец*, *мочка уха*, *разводить животных* и под.

Третьи не имеют системно обнаруживаемого номинативного поля, они могут иметь только субъективные, окказиональные номи-

нации, описания отдельных признаков концепта, индивидуально-авторские, косвенные номинации, но без названия всего концепта. Например, есть концепт *молодожены* и противоположный ему концепт, обозначающий людей, давно состоящих в браке. Последний концепт коммуникативно-нерелевантен, хотя для него может быть использован ряд окказиональных единиц или ситуативных номинаций — **старожены, супруги со стажем, они не первый год жена-ты, они муж и жена с опытом, супруги с большим опытом семейной жизни, у них большой семейный опыт* и т.д.

Номинативное поле концепта принципиально неоднородно — оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). Так, в ядро номинативного поля концепта «руководитель» войдут *начальник, руководитель, шеф, босс, хозяин, администратор, первое лицо, власть имущий, руководить, распоряжаться, командовать, руководящий* и др., в периферию — *кричит, толстый, своевольничать, капризный, компетентный, авторитарный, всевластный* и мн.др.

Выявлению в процессе лингвокогнитивного анализа подлежат как системные, так и окказиональные, случайные, индивидуально-авторские номинативные средства, так как все они входят в номинативное поле концепта и все дают материал для когнитивной интерпретации и построения модели концепта.

В.И. Карасик разграничивает три принципиально различных способа языковой объективации концепта — обозначение, выражение и описание.

Обозначение понимается как присвоение фрагменту осмысляемой действительности наименования, специального знака. «Обозначение может иметь разные степени точности. Например, если кто-то хочет сказать, что у него болит зуб, он может уточнить это следующим образом: стандартное обозначение предмета (зуб); генерализирующее обозначение (костный орган); уточняющее обозначение (клык); специальное уточняющее обозначение (нижний левый клык). Стандартное и уточняющее обозначения относятся к наивно-языковой концептуализации, генерализирующее и специ-

альное уточняющее — к специальной сфере общения. Обозначение в сфере непредметных сущностей — это выделение качеств и процессов и присвоение им имен. Например; procrastination — откладывание на потом, перенесение на более позднее время, промедление» [Карасик 2004, с. 109—110].

«Выражение концепта — это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание. <...> Описание концепта — это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений. <...> Описание осуществляется дефинированием, контекстуальным анализом, этимологическим анализом, паремиологическим анализом, интервьюированием, анкетированием, комментированием» [Карасик 2004, с. 110—111].

Все эти способы в равной степени могут участвовать в формировании номинативного поля исследуемого концепта.

Перечислим языковые средства, которые могут входить в номинативное поле того или иного концепта и обеспечить его формирование в процессе лингвокогнитивного исследования:

- прямые номинации концепта (ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы);
- производные номинации концепта (переносные, производные);
- однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта;
- контекстуальные синонимы;
- окказиональные индивидуально-авторские номинации;
- устойчивые сочетания слов, синонимичные ключевому слову (*фруктовый сад, подводная лодка, капитан команды* и др.);
- фразеосочетания, включающие имя концепта (*первая ласточка, железная дорога, белая ворона* и др.);
- паремии (пословицы, поговорки и афоризмы) *Брань на воротах не виснет; Не обругавшись, и замка в клетки не откроешь; Кто не с нами, тот против нас; Молодо-зелено;*

Без труда не вынешь рыбку из пруда; Яйца курицу не учат и др.; необходимо только помнить, что паремии не всегда отражают смысл, актуальный для современного состояния сознания, и, насколько установки, выражаемые теми или иными паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка, требует проверки;

- метафорические номинации (к концепту душа — душа *поет, плачет, радуется, скорбит, смеется, рвется* наружу и под.);
- устойчивые сравнения с ключевым словом (*высокий как столб, тупой как пробка, умный как Эйнштейн* и под.);
- свободные словосочетания, номинирующие те или иные признаки, которые характеризуют концепт (*туча грозовая, большая, черная*);
- ассоциативное поле (совокупность ассоциатов), полученное в результате эксперимента со словом-стимулом, именуемым концепт;
- субъективные словесные дефиниции, предложенные испытуемыми как толкования предложенного им концепта;
- словарные толкования языковых единиц, объективирующих концепт;
- словарные статьи в энциклопедии или справочнике (информационно-экспликативные тексты);
- тематические тексты (научный или научно-популярный, рассказывающий о содержании концепта);
- публицистический или художественный тексты, присущими им средствами раскрывающие содержание концепта;
- совокупности текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Понятие когнитивного признака. Сознание человека, осмысляя действительность, относит отдельные ее фрагменты к определенным разрядам, категориям устанавливая общие черты с другими фрагментами и выделяя особенные черты, отличающие данную категорию от других. Установление общности фрагментов действительности и выработка для этой общности мышлением обобщающего понятия, которое часто (но не обязательно) получает

закрепление словом, представляют собой категоризацию как когнитивный процесс.

Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выявляются в группах концептов и обнаруживаются в отдельных концептах. Когнитивные классификационные признаки упорядочивают концепты и их группы в единую концептосферу.

Когнитивный дифференциальный признак (или просто — когнитивный признак) — это отдельный признак объекта, осознанный сознанием человека и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания.

Когнитивный классификационный признак — это компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта. Классификационные когнитивные признаки всегда являются общими для ряда, группы или многих концептов.

Например, ряд объектов живой природы концептуализируется сознанием народа как имеющее пол (в соответствующих концептах выделяется когнитивный классификационный признак ПОЛ). По данному классификационному признаку объекты живой природы, имеющие пол, объединяются в группу (люди, животные) и противопоставляются другим группам объектов, не характеризующимся данным классификационным признаком (предметы, растения, абстрактные сущности). Когнитивный классификационный признак ПОЛ конкретизируется в структуре соответствующего концепта дифференциальными когнитивными признаками («мужской пол» и «женский пол»).

Когнитивный классификационный признак РАЗМЕР конкретизируется дифференциальными когнитивными признаками *маленький, большой, среднего размера, микроскопический, огромный* и т.д.

Дж. Лакофф одним из первых ввел в научный обиход понятие *классификатор*. В статье «Мышление в зеркале классификаторов» он писал, что различные народы мира классифицируют, казалось бы, одни и те же реалии совершенно неожиданно. В каждой культуре существуют специфические сферы опыта (рыбная ловля, охота и другие), которые определяют связи в категориальных цепочках

понятий; идеальные модели мира, в том числе мифы и различные поверия, которые также могут задавать связи в категориальных цепочках; специфическое знание, которое получает при категоризации преимущество перед общим знанием и проч.

Дж. Лакофф отмечает, что основным принципом классификации является принцип сферы опыта. В заключение Дж. Лакофф приходит к выводу, что когнитивные модели используются при осмыслении мира. Они помогают осмыслить ту часть опыта, которая ограничена человеком и воспринимается им самим. Система классификаторов отражает экспериенциальный, образный и экологический аспекты мышления [Лакофф 1988, с. 12—51].

Исследование Дж. Лакоффа убедительно показывает, что классификаторы — категория исключительно ментальная, порождаемая мышлением человека. Из опыта анализа действительности человек выводит классификационные категории, которые затем прилагает к воспринимаемой и осмысляемой действительности. Эти классификационные категории являются элементами концептосферы (т.е. определенными обобщенными концептами), и они упорядочивают для человека и действительность, и язык: в соответствии с этими 90 классификаторами объединяются и дифференцируются как концепты, так и номинирующие их языковые единицы. Эти концепты называются *когнитивными* классификаторами потому, что они классифицируют опыт в процессе его познания (когниции). Будучи отражены в семантике классов единиц, эти классификаторы выступают как интегральные или дифференциальные семы.

Важно подчеркнуть, что все они при этом остаются обобщающими концептами в концептосфере, лишь будучи представлены в семантическом пространстве языка соответствующими семами.

Выделяемые нами когнитивные классификационные признаки сходны с выделенными Дж. Лакоффом когнитивными классификаторами, но в отличие от последних когнитивные классифицирующие признаки не обязательно выражены языковыми единицами и вообще языковыми средствами.

Набор когнитивных классифицирующих признаков специфичен для каждого концепта, для группы концептов и для концептосферы в целом.

Использованные источники

1. Попова З.Д., Стернин А.И. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
2. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
3. Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / пер. с англ. Р.И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 12—21.
5. Лук А.Н. Мышление и творчество. М., 1976.
6. Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово, 2004.

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА

§ 1. КОНЦЕПТОСФЕРА «ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ»

Язык является неотъемлемой частью этноса, его главным атрибутом. Язык создает неповторимый и адекватный образ этноса.

В лингвистической традиции долгое время язык интересовал нас как средство коммуникации и как особая знаковая система условных единиц. Однако с активизацией этнолингвистического и лингвокультурологического вектора исследований в современном языкознании язык стал также рассматриваться как ментальный «портрет» этноса, который эксплицирует его языковое мировосприятие, вербально аккумулирует духовный и материальный опыт народа.

Антрополог К. Клакхон пишет: «Каждый язык есть также особый способ мировоззрения и интерпретации опыта. В структуре любого языка кроется целый набор неосознаваемых представлений о мире и жизни в нем».

Нам предстоит через язык «обрисовать» контуры ценностной картины мира кыргызов, проследить то, как в языке отражаются мировоззрение, жизненная философия кыргызов, жизненные приоритеты и установки, раскрыть национальные традиции через призму языка.

Для изучения проблемы связи языка и этноса был исследован основной лексико-фразеологический и паремиологический фонд кыргызского языка, зафиксированный в современных лексикографических источниках. В совокупности смысловой и знаниевый потенциал, заложенный в словарном запасе национального языка в целом, формирует концептосферу народа. Кыргызская лексика, идиомы, пословицы и поговорки помогли «сконструировать» портрет кыргызского этноса. Язык позволил раскрыть культуру, характер, образ жизни народа, особенности кыргызского менталитета.

Макроконцепт «Жизнь»

Концепт «Жизнь» представляет собой сложное ментальное образование, фокусирующее в себе наиболее важные характеристики существующего в кыргызской культуре восприятия жизни; эти характеристики могут быть установлены с помощью специальных приемов лингвистического анализа. Существуют общекультурные и индивидуальные характеристики жизни в кыргызском языковом сознании и коммуникативном поведении; эти характеристики раскрываются в значениях слов и устойчивых единиц, которые обозначают и выражают концепт «Жизнь», с одной стороны, и паремиологических выражениях, интерпретирующих этот концепт, с другой стороны.

Вербализация концепта «Жизнь» в кыргызском языке представлена несколькими лексическими номинациями — *жашоо*, *өмүр*, *турмуш*, *күн*.

Лексема *жашоо* обозначает существование в философском понимании; кыргызу ближе понимание этого слова как периода существования от рождения до смерти. Наиболее употребительные сочетания и клише со словом *жашоо* актуализируют такие аспекты жизни, как ее тяготы (*жашоо кыйын*), ее контрасты (*жашоонун өйдө-төмөнү*), ощущение радости жизни (*жашоо жыргал*, *жашоо-керемет*).

Өмүр — это слово арабского происхождения, которое в толковом словаре кыргызского языка определяется как отрезок времени от зарождения до смерти. Сочетания с этим словом чаще всего указывают на такой момент, как продолжительность жизни *өмүрү кыска экен*, *узун өмүр*, ее скоротечность *өмүр суудай агат*, *өткөн өмүр*. Поговорка *Өтпөс өмүр, сынбас темир болбойт* (букв.: жизни нескончаемой не бывает, как и не бывает вечного металла) подчеркивает кратковременность жизни. С данной лексемой образованы устойчивые сочетания: *өмүр баян* (биография); фразеологизм *өмүр сүрүү* (букв.: жизнь + продолжать) обозначает жить, существовать; идиома *өмүрлүк жар* (букв.: спутник жизни) называет супругу. Эта лексема часто встречается в стандартных этикетных выражениях кыргызского языка: *Узун өмүр каалайм!* (желаю долгой жизни!); *Өмүрүңө береке берсин!* (благоденствия в твоей жизни!)

Лексема **турмуш** представляет концепт «жизнь» как социальный процесс с точки зрения реального, повседневного ее протекания: *эски турмуш* (старый жизненный уклад), *турмуш шарттары* (условия жизни). Распространенные в речевом узусе сочетания с данным словом демонстрируют жизнь как испытание со всеми сложностями, противоречиями: *турмуш татаал* (сложная жизнь), *катаал турмуш* (жестокая жизнь), *турмуштун ачуу-таттуусу* (горести и радости жизни). Фразеологизм *турмушка чыгуу* (букв.: выходить в жизнь) обозначает выходить замуж, *турмуш куруу* (букв.: строить жизнь) — жениться. Поговорка *Ойлогон ойду кыстаган турмуш жеңет* (букв.: задуманную мысль побеждает притесненная жизнь) отмечает, что мечты и планы корректируются обстоятельствами жизни. Нередко концепт, вербализованный лексемой *турмуш*, подвергается персонификации, при которой жизнь воспринимается кыргызским сознанием как учитель: *Турмуш бардыкка үйрөтөт эмести* (Н. Байтемиров), что означает «ведь жизнь всему научит».

Лексема **күн (день)** является метонимической заменой слова «жизнь» и используется как синоним данного понятия. Идиома *күн көр* (букв.: видеть день), т.е. жить, существовать. Выражение *көрөр күнүм, ичер суум бар экен* (оказывается, есть день, который мне уготован, еще есть вода, мне предназначенная) демонстрирует надежду и радость выздоровевшего человека, которому суждено жить. Поговорка *Күнү бүтүп, суусу түгөндү* (день его идет к концу, он испил воду до дна), т.е. его дни сочтены. Поговорка *Балыктын күнү көл менен, жигиттин күнү эл менен* (Жизнь рыбы связана с озером, жизнь молодца — с народом).

Концепт «Кыргызская философия жизни»

В каждом языке заключена философия жизни определённого народа. Язык фиксирует философию жизни как в словарном составе, так и в грамматике. Анализируя фразеологические и паремиологические единицы кыргызского языка, можно обозначить доминантные идеи, характеризующие основные особенности миропонимания кыргызского этноса, которые мы назовем когнитивными признаками (см.: [Попова, Стернин 2007]).

Когнитивные признаки (далее **КП**), раскрывающие рассматриваемый концепт, упорядочивают его содержание и структурируют связи между существующими ментальными сущностями, формирующими концептосферу кыргызского народа.

КП «Жизнь состоит из контрастов». Жизнь является особым концептом-антиномией, в котором отношение к жизни неразрывно связано с отношением к смерти как утрате жизни.

Картина мира складывается из разнообразных, иногда противоречащих друг другу фрагментов человеческого опыта и его осмысления. Жизнь и смерть — вечные темы духовной культуры человека. Жизнь в языковом восприятии кыргыза состоит из контрастов: **ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ, СМЕХ — СМЕРТЬ, СМЕХ — СЛЕЗЫ**. Ср.: *Жаман айтпай, жакшы жок* (нет худа без добра). *Бирөө өлүп жатса, бирөө күлүп жатат* (Один умирает, а другой смеётся) или же: *Ый менен күлкү аякташ* (букв.: где смеются, там и плачут); *Жан бар жерде каза бар* — Где есть жизнь, там есть и смерть; *Тойсуз үй болсо да, ыйсыз үй болбойт* (Бывают семьи, где никогда не пируют, но нет семьи, где никогда не горюют); *Бирде жигит төө минет, бирде жигит жөө жүрөт* (Джигит то восседает на верблюде, то пешком ходит). Воспринимая жизнь как главную ценность, кыргыз при этом не отделяет ее от смерти, от ее неизбежности. И от самой жизни кыргыз не ждет только хорошего, он покорно принимает ее с неожиданностями, с ударами, испытаниями. Отношение к жизни и смерти представляет собой систему, основными эмоциональными и рациональными компонентами которой являются: степень принятия жизни и смерти. Выражение *Айдын жарымы караңгы, жарымы жарык* (букв.: половина месяца тёмная, половина — светлая) представляет образное восприятие жизни, в котором заложен астрономический код, т.е. кыргыз ассоциирует жизнь с луной, которая состоит из темной и светлой половин.

Смерть кыргызы воспринимали как неизбежность, которая может настичь человека в любой момент: *ажал каш-кабактын ортосунда* (букв.: смерть между бровью и веком), т.е. тут как тут. О неизбежности смерти, которую надо принимать покорно, говорится в пословице: *Баарынан качып кутулууга болот, өлүмдөн качып кутула албайт* (От всего сбежать можно, но от смерти не сбежишь). *Ажал айтып келбейт* (Смерть приходит, не предупреждая). Жизнь

у кыргызов олицетворяется с птицей: *Өткөн өмүр — качкан куш, кайрылып келбейт үндөсө* (Прошедшая жизнь — улетевшая птица, на зов не воротится). *Соолбос өмүр, сынбас темир болбос* (Неиссякаемой жизни не бывает, как не бывает неломающегося железа). Философия утешения охватывает многие кыргызские выражения. Ср.: *Өлгөндү туулган жеңет* (Умершего рожденный побеждает). *Өлгөнгө өкүнбө, калганга береке берсин* (букв.: об умерших не жалей, пожелай добра оставшимся). Когда у кыргызов умирают близкие, самое главное пожелание при выражении соболезнования — это пожелание здоровья и жизнепродолжения родным и особенно детям покойного. Момент утешения при потере близких выражается в следующих поговорках: *Өлгөндүн артынан өлмөк жок* (Вслед за умершим не умирают). *Өлгөнгө өкүнбө, тирүүлүгүңдү тиле* (об умершем не сожалей, лучше себе жизни пожелай). Противопоставление жизни и смерти подчеркивается в следующем назидании: *Өмүрдөн жамандык күтпө, өлүмдөн жакшылык күтпө* (Не жди от жизни плохого, не жди хорошего от смерти).

Страх перед смертью у кыргызов несколько смягчается под влиянием мусульманских канонов, в соответствии с которыми существуют два мира «жалган дуйно» (ложный мир), т.е. это мир живых и «чын дуйно» (истинный мир), куда люди попадают после смерти.

КП «Вера в неотвратимость судьбы, предопределение». Кыргызам были свойственны и идеи фатализма. «Главное в фатализме — вера в то, что не только окружающие человека обстоятельства и разные случайности, которым он подвергается, но и самая воля человека подчинены некоторой высшей силе, направляющей и внешние условия его жизни, и внутренние мотивы всего его поведения к известному неотвратимому результату» [Энци. словарь Брокгауза и Ефрона]. Согласно этим представлениям судьба человека начертана на его лбу (*бешене* — это лоб, а в переносном значении «судьба»). Такие выражения, как *бешенеден көрөмүн* (я положусь на волю судьбы), *бешенеге сызган* или *бешенеге жазган* ему (то, что на роду написано, ему суждено), т.е. предначертанное судьбой, *маңдайына чийген* или *маңдайына жазган* (*маңдай* — лоб, то, что написано на лбу); *таалайыңа эмнени жазса, ошону көрөсүң* (что на роду написано, тому и суждено быть).

Об изменчивости жизни гласит поговорка: *Оомалуу кезек, төкмөлүү дүйнө* (Переменчивая жизнь, переменчивый мир). *Ойлогон ойду кыстаган турмуш жеңет* (Загаданное в мыслях побеждает притесненная жизнь), т.е. жизнь сама вносит коррективы.

КП «Скептическое отношение к религиозным канонам». Несмотря на то, что кыргызы считаются мусульманами, до недавнего времени они своеобразно трактовали многие каноны ислама. По словам С.М. Абрамзона: «Если в XVI в. ислам имел среди кыргызов совершенно незначительное распространение, то и в последующие века мусульманское вероучение не достигло значительных успехов» [Абрамзон 1971, с. 162]. Подвергается сомнению главный постулат ислама о том, что мирская жизнь — это ненастоящая жизнь, т.е. ложная, а истинная жизнь в другом потустороннем мире. Поговорка *Жалаң кудайга ишенген жөө калат* (Тот, кто уповаet только на Бога, останется пешим) созвучна русской пословице «На Бога надейся — сам не плошай». О том, как вольно трактовали законы мусульманского шариата кыргызы, свидетельствует следующая поговорка: *Шарыятты укмак бар, куумай жок* (Шариат можно слушать, но не бежать вслед). Иначе говоря, кыргызы не были фанатичными проповедниками ислама. Они приняли те каноны шариата, которые не шли вразрез их кочевой философии, к примеру, совершение намаза. Намаз — это молитвы, которые должны совершаться праведным мусульманином пять раз в день. Скотоводам-кочевникам трудно было строго соблюдать режим регулярных намазов. Во время положенной молитвы они могли быть на выпасе скота под открытым небом, или круглосуточно принимать молодняк, или кочевать с одного места на другое и т.д. Поэтому они считали, что намаз могут читать только ничем не обремененные люди. Отсюда и возникла поговорка: *Намаз-бекердин иши* (Намаз — удел бездельника).

Кыргызы, принявшие в историческом прошлом мусульманскую веру, не отличаются фанатичной религиозностью, хотя придерживаются внешних атрибутов, которые приспособили к светским условиям и стандартам своей жизни (см.: [Койчүев. Избр. соч.]).

Орозо — это главный мусульманский пост, который соблюдается в течение одного месяца. В это время есть разрешается только утром перед восходом солнца и вечером после захода. Неприятие

этого ритуала в народе отражено в следующих поговорках: *Орозо-ачкачылыктын иши* (Ураза (пост) — это удел голодного). *Орозо кармоо-оокатсыздын иши* (Держать пост (орозо) — удел бедных). Действительно, соблюдение поста для бедных было оправдано с точки зрения экономии на питание. Законы шариата воспринимались кыргызами сугубо прагматически.

Много пословиц и поговорок, свидетельствующих о негативном отношении кыргызов к мулле: *молдонун айтканын кыл, кылганын кылба*, что означает: делай то, что говорит мulla, не повторяй того, что он делает. Здесь речь идет о ханжестве мullы, который только на словах проповедует устои Аллаха, а в жизни из-за множества пороков далеко не является примером для подражания среди простых смертных. О недоверии к мулле свидетельствует и следующая пословица: *Акырын баскан молдодон сактан, ала чапан кождон сактан*, т.е. опасайся мullы, тихо ступающего (т.е. скромного на вид), опасайся ходжи в пёстром халате. Об алчности мullы говорится в пословице *Акы төлөбөсөн, молдо үйүңө да кирбейт*, а именно: если не заплатишь, так мulla даже в дом к тебе не войдёт. Поговорка *Жуталаң жылы ит семиз, тумолуу жылы молдо семиз* (В голодный год собаки жируют, в год болезней мulla жирует) свидетельствует об истинном отношении к мулле. В годы, когда болезни и хворь уносили много жизней, мullу приглашали для проведения религиозного обряда по усопшему. В награду за чтение молитвы его щедро угощали, преподносили подношения в виде скота, ковров, одежды. На горе людей мulla мог серьезно улучшить свое материальное благосостояние. Ироничное отношение к такому «статусу» религиозного сановника объяснялось тем, что тот ничем не гнушался и принимал эти подношения безотказно, вводя всех в заблуждение, что он это делает во имя Аллаха. Несмотря на то, что степень религиозности кыргызского населения была невысокой, годовые религиозные мусульманские праздники отмечались в той или иной мере всеми семьями, и им придавался общественный характер. Ежегодно праздновалось окончание религиозного поста, продолжавшегося в течение месяца, — орозо айт, соблюдался и праздник жертвоприношения курман айт. Последний сопровождался хождением друг к другу в гости и взаимными угощениями [Абрамзон, с. 117].

КП «Жить надеждой на лучшее». Философия оптимизма характерна для кыргызского менталитета. Идеи оптимизма являются ключевыми во многих паремиологических единицах кыргызского языка. Ср.: *Жамандыкты амандык жеңет* (все плохое побеждается жизнью), т.е. жизнь всесильна и может одолеть беду, т.е. если человек жив и здоров, то он сможет справиться с любой бедой. Кыргыз считает, что жизнь прекрасна своим продолжением: *Өлбөгөн киши алтын аяктан суу ичет* (Живому (неумершему) человеку суждено из золотой чашки воду пить). *Аман болсо бул башым, дагы эле чыгар бул чачым* (была бы голова цела, а волосы на ней вырастут). Поговорка *Бүгүнкүнүн эртеңи бар* (букв.: у сегодня есть завтра) дает оптимистическую установку: сегодня плохо, завтра будет хорошо. Мысли о лучшем заложены и в поговорках: *Батар күндүн — атар таңы бар* (букв.: у уходящего дня есть восходящее утро), т.е. будет вечер, будет и заря; *Жерде жаткан жумуртка асманда учкан куш болот* (букв.: лежащее на земле яйцо станет летающей в небе птицей). Поговорка *Аттан айрылсаң, айрыл, токумдан айрылба* (букв.: коня лишиться можешь, но сбруи не лишайся). Для кыргыза потерять коня — значит лишиться смысла жизни, сбруя — это символ надежды, нельзя отчаиваться при неудаче, нельзя терять надежды опять завести коня. О том, что жизнь состоит из противоположностей, которые и исключают друг друга и вместе с тем предполагают друг друга, свидетельствует поговорка *Ачтын — тогу, арыктын семизи бар* (букв.: у голода есть сытость, у худого есть полнота), т.е. голодный человек должен надеяться, что будет сытым, а тощий, что поправится) или: *Арык — семирер, ач — тоюнар* (худой поправится, голодный насытится). У кыргызов раньше существовала примета, если ворона на лету испачкает кому-то руку, то это к добру. С тех пор бытует поговорка, символизирующая веру в лучшее: *Менин колума да карга чычар* (букв.: и на мою руку ворона нагадит), т.е. и на моей улице будет праздник.

Вера в то, что все когда-нибудь изменится к лучшему, заложена в поговорке *Жоонун түбү эл болор, тоонун түбү бел болор* (букв.: враг в конечном счёте станет другом, гора, оседая, в конце концов перевалом станет). Параллель «враг-гора» достаточно характерна для кыргызского сознания. Одолеть гору — то же самое, что одо-

леть врага. Жизнь кыргызов проходила в горах. Им приходилось обживать неприступные горы. Ему удавалось осваивать труднодоступные ущелья, преодолевать перевалы, которые постепенно становились пригодными для прохождения.

Вера в светлые, добрые начала всегда была свойственна человеку: *Тоодой караны, томуктай ак жеңет* — темноту размером с гору побеждает свет размером с томук (Маленькая хрящевидная косточка на бараньей ножке). Верить и надеяться на лучшее, не опускать руки ни при каких обстоятельствах — к этому призывает пословица: *Сарсанаа болбо жогоңа, санаа жокко жеткирбейт* (Не печалься своей бедности, мечта не оставит тебя).

Очень часто оптимизм кыргыза граничит с минимализмом, т.е. он готов довольствоваться малым: *Жаман жоктон жогору* (букв.: плохое лучше, чем ничего). Он умеет ценить и довольствоваться тем, что имеет: *Эртеңки куйруктан бүгүнкү өпкө артык* (букв.: сегодняшний ливер лучше завтрашнего курдюка). *Жетпести кууба, келбести күтпө* (Не гоняйся за недостижимым, не жди несбыточного).

КП «Единство, сплоченность, общность воззрений». Согласие и единство, в понимании кыргызов были актуальными в их жизненной философии: *Ынтымак бар жерде (же элде) ырыс бар* (Там, где согласие, там и благоденствие). Мысль о том, что в одиночку ничего не добьешься, выражена в поговорке: *Жалгыз дарак токой болбойт, жалгыз таруу ботко болбойт* (Одно дерево леса не делает, из одного зернышка (пшени) каша не получится). *Жалгыз жүрүп жол тапканча, көп менен бирге адаш* (Чем найти дорогу в одиночку, лучше заблудиться со всеми вместе). Единство и согласие для кыргызов — не абстрактные вещи. Единство и согласие в семье, в селе, среди родственников, с соседями во все времена были крайне важны: *ырыс алды — ынтымак* (залог счастья — в согласии). В суровых условиях кочевья они могли надеяться только на общие усилия, поддержку тех, кто рядом: *тириликтин күчү бирликте* (жизненная сила в единении). Вот что говорит об этом выдающийся кыргызский этнограф С.М. Абрамзон: «Трудовая помощь родственников семей друг другу выражается нередко и в передаче на выпас скота из личного хозяйства родственными семьям, занятым в общественном животноводстве. К этому добавим еще и такой

вид помощи, как уборка урожая на приусадебном участке сестры-вдовы или родственника. Нередко женщина из родственной семьи приходит с ребенком и в течение чуть ли не целого дня помогает в хозяйственных работах. Связи между родственными семьями проявлялись не только в разных формах материальной взаимопомощи по случаю различных семейных событий (свадьба, похороны и др.), но также и в помощи по другим поводам. В кыргызском обществе издавна практикуется помощь родственникам и сородичам, по тем или иным причинам оказавшимся в тяжелом материальном положении. Такая помощь носит характер народного обычая, и каждый обращающийся к ней уверенно рассчитывает на то, что он найдет ее у членов той родовой или семейно-родственной группы, к которой он принадлежит [Абрамзон 1971, с. 130].

Кыргызы, будучи кочевым народом, жили компактно несколькими семьями, родами, часто в малодоступных друг для друга урочищах. Поэтому им в таких условиях необходимо было держаться вместе, так было легче пасти скот, вести хозяйство. Поэтому и появились поговорки: *Эл — ыйык, элден чыккан — суюк*, т.е. народ священен, кто от народа оторвался — беспутен (букв.: жидок); *Эл ичи-алтын бешик* (Среди народа — в золотой колыбели). Поговорка *Бөлүнгөндү бөрү жейт* предостерегает: того, кто отделяется, волк съест. Кыргызы очень боялись людской кары остаться одному. Ср.: *эл каргаса, жерге батпайт*, т.е. считалось, если народ проклянёт, то для такого на земле места не найдётся. Напротив, лучшим считалось благословение, когда высказывалось пожелание быть с народом: *суу менен жер көгөрөт, эл менен эр көгөрөт* (от воды земля цветет, джигит славен вместе с народом). Единство, согласие среди народа — это то, что старались сохранить кыргызы, но часто смуту и разлад среди людей вносили слухи и дурная молва. Поговорка *Тоо арасын суу бузат, эл арасын чуу бузат* сравнивает разрушительное действие сплетен с бурным горным потоком: Горы вода разрушает, пересуды народ разделяют».

В пословице *Куш канаты менен учат, куйругу менен конот* (букв.: птица летает крыльями, садится хвостом) заключен тот же смысл о корнях, т.е. как бы человек высоко ни летал, он рано или поздно опустится на землю, вернется к своим истокам, к своей родне.

КП «Понимание высшей гармонии и благополучия».

В иерархии жизненных ценностей приоритет отдавался здоровью, потом были семейные ценности (жена как хранительница домашнего очага, много детей), а затем материальный достаток. Ср.: *Биринчи байлык — ден соолук, экинчи байлык — ак жоолук, үчүнчү байлык — он соолук* (букв.: первое богатство — здоровье, второе богатство — белый платок, третье богатство — десяток овец). Отношение к богатству у кыргыза выражено в следующей пословице: *Дөөлөт тоголок болот, мээнет жалпак болот* (букв.: богатство круглое, оно как прикатится, так и укатится, а труд приземист, т.е. надёжен. *Чыккан — мээнет, кирген — дөөлөт* (букв.: всё, что выходит, чего лишаешься, — это убыль (усилия); всё, что входит, — это прибыль (богатство). Скопидомство, стремление к обогащению часто приводило к утрате человеческих понятий, поэтому как предостережение звучало выражение: *Мал сактаба, ар сакта* (Не храни богатство — скот, храни честь).

КП «Щедрость души, благородство». Особая философия, исповедующая нравственную щедрость, которая распространяется не только на близких, но и посторонних, и даже на врагов, заключена в поговорках: *Жылуу келген душманды суукка чыгарба* (Врага, пришедшего с теплом, не выгоняй на холод), т.е. если враг пришел с добром, к нему полагалось относиться по-доброму. Врага следовало воспринимать как равного противника и относиться к нему с уважением: *Касташсаң да, кастын намысын кордобо* (даже если враждуешь, не унижай достоинства врага). Того, кто нанес обиду или оскорбление, кыргыз готов был простить: *Таи менен урганды аш менен ур* (Того, кто ударил в тебя камнем, нанеси ответный — угощением). *Таи, таиты эриткен аш* — Камень — это камень, но камень может растопить угощение. В современной жизни эта поговорка также не потеряла своей актуальности. Кыргызы считают, для того чтобы обезоружить врага, нужно ему преподнести угощение. Ритуал угощения жизни кыргызов — довольно важная часть их образа жизни. *Бир жолу тамак ичкен жериңе, миң күнү салам бер* (букв.: если хоть однажды ты отведал угощения, тысячу дней привечай). Кыргызы отличались миролюбием. Жизнь в суровых условиях, когда они жили изолированно, в дальних горных кочевьях и могли надеяться только на самих себя, не ожидая помощи со

стороны, делала их более терпимыми. Они сознательно старались избегать конфликтов, открытого противостояния с теми, кто рядом. И когда было возможно, они старались решать конфликты мирным путем. Великодушные порой у кыргызов граничит с идеей всепрощенчества. Существовал у кыргызов еще один способ проявления благородства, который выглядит со стороны радикальным и диким, когда в знак примирения с врагом предлагали отдать врагу мать: *Таи менен урганды аи менен ур, атаңды өлтүргөнгө энеңди алып бер* (Тому, кто кинул в тебя камнем, нанеси ответный удар угощением, тому, кто убил твоего отца, отдай в жены свою мать). Это была крайняя мера улаживания конфликтов, когда ради предотвращения кровопролития гипотетически могли пойти на такой шаг.

Щедрость была высшим достоинством настоящего кыргыза: *айга жетпес ашыңды айылдаштан аяба* (пищи, которой не хватит на месяц, для односельчан не жалея).

Назидательная философская установка на добро и душевную щедрость дается в таких поговорках, как: *Жамандыкты унуткан жакшы, жакшылыкты унуткан жаман* (Хорошо, когда забывается зло, плохо, когда забывается добро). *Өзгөңгө өлүм тилегиче, өзүнө өмүр тиле* (Лем кому-то желать смерти, лучше пожелай жизни себе).

Всегда поощрялись благородство и добрые дела во имя других: *Элге кылган жакшылык жерде калбайт* (добро, сделанное для людей, не пропадет в земле).

Если провинившийся раскаивается и пытается убедить других в искренности своих намерений, то к такому человеку следовало проявить снисходительность: *Эптуу сүйлөп чөгөлөсө, кулдук кылып, баш ургун* (Если говорит искренне, преклонив пред тобой колени, прости его).

Как предостережение от злых намерений по отношению к врагам звучит следующая поговорка: *Бирөөгө ор казсаң, тайыз кас, өзүң секирип чыгарга* (если роешь кому-то яму, то рой помельче, ведь как знать: из этой ямы, может, самому еще придется вылезать).

Концепт «Жизненные приоритеты»

КП «Отечество дороже всего». Понятие «Мекен» (отечество) для кыргызов не было чем-то абстрактным. О любви к родине, о

патриотических чувствах сложены следующие пословицы и поговорки:

Мекенден айрылганча, өмүрдөн айрыл (Чем лишиться отечества, лишись жизни).

Мекендин бактысы өмүрдөн кымбат (Счастье отечества дороже жизни).

Мекендин кадыры башка жерден билинет (Значение отечества познается на чужбине).

Өз үй-өлөң төшөк, өз эл-өмүрлүк жөлөк (Свой дом — мягкая перина, свой народ — опора жизни).

Мекенсиз адам-үнсүз булбул (Человек без отечества, что соловей без голоса).

Жерин сүйбөс эл болбойт, элин сүйбөс эр болбойт (Не бывает народа, не чтящего свою землю, не бывает джигита, не чтящего свой народ).

КП «Власть должна быть справедливой». Символом власти у кыргызов являются обладание уздами или поводьями. Тот, кто держит узды, тот наделен властью. Ср.: *эки тизгин, бир чылбыр, сага бердим* — тебе я даю полную власть; *эки тизгин, бир чылбыр эми колго алыңыз*, т.е. получайте в руки полную власть; *тизгин ээси* — власть имущий; властвующий. При родовом строе вопрос о власти был одним из самых важных. Главная проблема заключалась в том, чтобы власть была справедливой. Как правило, власть находилась у одного из представителей богатого рода, которого выбирали бием. Во главе той или иной группы населения стояла феодально-родовая знать в лице биев и манаров [Абрамзон 1971, с. 106]. Редко было, чтобы бии были независимы от ближайшего окружения и особенно от родственников, которые, пользуясь своей родственной близостью, притесняли простой народ. Чем меньше было родственников у бия, тем он был объективнее и старался заботиться о народе. И поэтому критерием справедливости власти было отношение бия к своим родичам: *туура бийде тууган жок, туугандуу бийде ыйман жок* (у честного хана нет родни — у хана, где много родни, нет чести). Если у власти оказывался человек, чрезмерно радеющий только за свой клан, то от этого страдал простой народ. *Эл камын ойлоп башкаргандык-кеменгердик* (управлять народом, заботясь о нем, — признак разума). *Эл тагдырына кол*

көтөргөндүк-текебердик (посягательство на судьбу народа — проявление надменности).

КП «Лидер должен быть достоин своего народа». Звания «Улуу адам» (букв.: достойный человек) удостоивался настоящий человек, который становился народным лидером. Это звание надо было заслужить своей прозорливостью, своими добрыми делами, своей честностью. Такой человек обладал непререкаемым авторитетом. О таком человеке говорили: *Улуу адам улуу тоо сыяктуу* (Настоящий человек подобен величественной горе). *Улуу адам эл тарткан азапты кошо тартат* (Настоящий человек разделит испытания своего народа). О конкурентах, каждый из которых считает себя лучшим и которые не всегда могут прийти к согласию, в такой ситуации говорят: *Эки кочкордун башы бир казанга кайнабайт* (Головы двух баранов не помещаются в одном казане), т.е. два лидера не смогут прийти к консенсусу.

Звание настоящего джигита у кыргызов удостоивался не каждый мужчина. Ср.:

Эл үмүтүн эр актаар, эр атагын эл сактаар (Надежды народа оправдает джигит, славу джигита сохранит народ).

Элин сагынбас эр болбойт, үйрүн сагынбас ат болбос (Нет джигита, не тоскующего по своему народу, нет коня, не тоскующего по своему табуну).

Коёнду камыш өлтүрсө, эрди намыс өлтүрөт (Если заяц погибает в камыше, джигит погибает от позора). Позор для кыргызов был подобен смерти.

КП «Добрый совет — половина успеха». Кыргызы издавна многие жизненно важные решения принимали сообща. Свидетельством тому являются многочисленные пословицы и поговорки кыргызского языка, которые активно употребляются и в наши дни. Например: *Жакшы кеңеш — жарым ырыс*, т.е. хороший совет — (уже) половина удачи. Прежде чем начать какое-то дело, перед началом большого значимого события, как правило, собирается совет, на который приглашаются почтенные старейшины-аксакалы. Советы часто собирались и для решения конфликтных ситуаций, где все высказывали свои мнения, а самые уважаемые члены этого собрания давали советы. Такие собрания начинались словами: *Ийри олтуруп, түз кеңешели* (букв.: сядем криво, поговорим пря-

мо), что означает: сядем-ка рядом да поговорим ладком. Принимая решение по всеобщему одобрению, человек как бы делил ответственность за исход дела со всеми остальными, и ему было не так страшно за последствия, поэтому и существует поговорка: *Кеңешип кескен бармак оорубайт* (букв.: палец, отрезанный по общему совету, не болит). Но не каждому по душе были советы других людей. Встречались и такие, которые жили по своим законам, поступали вопреки установленным правилам в семье, в роду, в обществе. Поговорка *Сиңер жерге суу жай, угар кишиге сөз айт* советует Орошай ту землю, которая впитывает, говори тому, кто умеет слушать.

КП «Терпение — высшая добродетель». Одно из самых главных достоинств у кыргызов — это терпение: *Сабырдын түбү сары алтын* (на дне терпения — чистое золото). *Сабырдуулук акылмандын шериги* (терпеливость — друг мудрости). *Сабырдуунун багына алма бүтөт, сабырсыздын башына кайгы түшөт* (у терпеливого на деревьях яблоки появятся, у нетерпеливого все напасти на голову свалются). Честность и порядочность у кыргызов ассоциировалась с чистым потоком воды, а терпение с могучей силой земли: *Таза болсоң суудай бол-баарын жууп кетирген, балбан болсоң жердей бол-баарын чыдап көтөргөн* (если быть чистым, то будь, как вода, смывающая все, если слынешь богатырем, будь могучим, как земля, которая выдерживает все). Истина и справедливость, подобная чистому роднику, как бы ее ни забивали, рано или поздно найдет выход: *Тунук суу кысыктан жол табат* (чистая вода найдет выход из любой прощелины).

Принимать жизнь во всех ее проявлениях, со всеми поворотами, быть готовым к жизни в неволе, на чужбине, приучала кыргыз суровая реальность: *Кимдин жерин жердесең, ошонун ырын ырда* (на какой земле живешь, пой песни той земли).

Бедность не порок, который в понимании кыргыза нельзя скрывать. По наблюдениям кыргызского человека, чем больше скрывают свою бедность, тем больше утрачивается шанс поправить свое материальное положение: *Жардылыгын жашырган байыбайт, жалгыздыгын жашырган көбөйбөйт* (тот, кто скрывает бедность, не разбогатеет, тот, кто скрывает одиночество, останется один).

Терпеливость в характере кыргызов проявляется в следующей пословице: *Тизелеп жашаганча, тик туруп өлгөн жакшы* (Чем жить на коленях, лучше умереть стоя прямо). Стремление к независимости, свободе любой ценой всегда было приоритетным для кыргыза.

КП «Чем выше статус — тем будь проще». Одна из важных жизненных установок для кыргыза заключалась в поговорках: *Улук болсоң, кичик бол* (Чем ты выше, тем скромнее будь); *Кичинеге чоңсунба, асмандагы айга кол сунба* (Не возвышай себя перед маленьким (слабым), не пытайся дотянуться до луны в небе). *Кичинеге чоңсунба, салба күчүң* (не возвышай себя перед маленьким, не применяй силу). Эти сентенции призывают тех, кто занял определенное положение в обществе, быть доступнее и демократичнее с людьми, которые ниже его по социальному статусу: *Улук болсоң-кичик бол, бийик болсоң-жапыс бол* (Чем велик, тем проще будь, чем выше — тем ниже будь). Всегда сохранять достоинство во взаимоотношениях с другими учит поговорка: *Жаманга жалынба, жакшыга таарынба* (Не стоит умолять никчемного, не стоит держать обиду на хорошего). О достоинстве при любых обстоятельствах жизни говорится так: *Азды жок дебе, барды көп дебе* (Если мало, не говори «у меня нет», если имеешь, не говори «много»). Эти же идеи, связанные с нравственной стойкостью, звучат в пословице: *Кайгы адамдын өзүн чиритет, калп адамдын сөзүн чиритет* (Переживание съедает (сгноит) человека, ложь превращает слова человека в гной) или: *Кайгы өмүрдү кесет, калп ырысты кесет* (Страдание изведет жизнь, ложь покалечит удачу). Совет полагаться только на себя и на своих близких, не зависеть от родичей лежит в основе следующих пословиц: *Бир үйдүн жарыгы бир үйгө түшпөйт* (букв.: свет одного дома не падает на другой). В том же значении употребляется поговорка: *Бирөөнүн чырагы бирөөгө жарык бербейт* (Свет от лампы одного не падает на другого).

КП «Стремление вперед к достижению цели». В следующих паремиологических выражениях прослеживаются черты пассионарного склада кыргызского этноса. Бездействие в понимании кыргызов являлось пороком, активность, стремление вперед поощрялись всегда: *өнөрүң болсо, өргө чап* (букв.: если у тебя есть умение, скачи вверх), т.е. действуй, стремись к высотам. В следующей

очень распространенной пословице слышен призыв о том, что все способы для достижения славы оправданны: *атың чыкпаса, жер өрттө* (если не можешь прославиться, подпали землю), т.е. учини какой-нибудь скандал. В поговорке *Билген жолуңду атаңа бербе*, (букв.: не уступай свою дорогу даже отцу), т.е. речь идет о целеустремленности как важном свойстве кыргызского джигита.

Тем не менее, будучи целеустремленным, в жизни надо считаться с реальностью и не ставить недостижимые цели: *Жел менен жарышпа, көлөкөңдү кууба* (букв.: не тягайся с ветром, не пытайся догнать свою тень). В следующей поговорке выражается отношение к мастерам своего дела: *Бөдөнөнү сойсо да, касап сойсун* (букв.: даже перепёлку пусть разделявает мясник).

КП «Труд — залог богатства». Одна из главных жизненных установок у кыргызов проявлялась через отношение к труду. Под трудом кыргызы понимали усилия как физические, так и умственные: *Эмгек — дайра, билим — кеме* (труд — это река, а наука — это корабль). *Береке, байлык — эмгекте* (богатство и благодать в труде); *байлыктын атасы — эмгек, энеси — жер* (отец богатства — труд, мать богатства — земля); *байлыкты — эмгектен, теңдикти күрөштөн изде* (богатство ищи в труде, а равенство — в борьбе); *аракет кылса береке болот* (будешь трудиться, будет доход); *мээнет болбой дөөлөт болбойт* (без труда нет и состояния); *эгин айдоо — байлык айдоо* (сеять хлеб — значит сеять богатство); *иш сүйгөн колдон тоо кулайт, иш качкан колдон куурай да сынбайт* (букв.: от трудолюбивых рук горы сворачиваются, от ленивых рук и соломинка не ломается). *Иши жоктун — ашы жок, иштебеген тиштебейт* (кто не работает, у того и еды не бывает, кто не трудится, тот не перекусит); *колу кыймылдагандын оозу кыймылдайт* (букв.: у кого руки шевелятся, у того и рот шевелится). Труд в понимании кыргыза — это лекарство от недугов и залог бодрого духа: *оору эмгектен качат, эмгек көңүлдү ачат* (букв.: болезнь от труда сбегает, а труд настроение поднимает). Только то, что приобретается собственным трудом, считалось, идет впрок: *арам тамак аш болбойт* (букв.: нечестно добытая пища не переваривается).

Философским обобщением в этом разделе может быть пословица: *Дүнүйө адамды таппайт, дүнүйөнү адам табат* (букв.: не богатство творит человека, а человек творит богатство).

КП «Уважительное отношение к старшим». Почтительное отношение у кыргызов к пожилым и старым людям исстари являлось неписанным законом. На старости лет родители должны быть окружены заботой и вниманием; они, как правило, занимают почетные места за столом, им первым предоставляется слово для благословения, им первым преподносят угощение. К ним относятся с особым почтением. Убеленный сединами старый человек в доме считался символом святости, это состояние называют *жарыктык* карылык — светлая старость.

Кары адам-үйдүн куту (старый человек — оберег семьи).

Карынын кебин капка сал — (букв.: собирай и складывай в торбу советы старца), т.е. прислушивайся к словам старого человека, постигай уроки его мудрости.

Карысы бардын — ырысы бар — у кого есть в семье старец — у того есть счастье.

Карысы болбой эл болбойт, тулаңы болбой жер болбойт — (букв.: нет народа без старости, нет степи без ковыля), т.е. как ковыль является украшением могучей степи, так и украшением народа является старшее поколение.

Критерий «отношение к старшему поколению» считался барометром здоровой атмосферы в семье, в обществе.

Улууга сый көрсөтсөң, кичүүдөн урмат көрөсүң — оказывая почтение старшим, получишь его от младших.

Улуунун өмүрү-кичүүгө үлгү — жизнь старшего — эталон для младшего.

Улуунун сөзүн ук, кичүүнүкүн ойлон — прислушивайся к словам старшего, над словами младшего призадумайся.

Улууну укпаган адам узак жашабас — тот, кто не прислушивается к словам старшего, долго не проживет.

Улууну урматтап, кичүүдөн иймен — почитай старших, считайся с младшими.

Улууну урматтаса, кут коноор — если почитаешь старших, благополучие снизойдет к тебе.

Жаш келсе-ишке, кары келсе-ашка — молодым — работу, старикам — угощение.

Человеку должно быть свойственно стремление быть благодарным. В ответ на доброе отношение надо отвечать тем же: *Сый-*

га — сый, сыр аякка-бал — (за уважение — уважение, в дорогую чашу — мед).

КП «Почитание хлеба». У кыргызов всегда было особое отношение к хлебу. Хлеб имел для кыргызов священный смысл. Любая трапеза у кыргызов начинается с хлеба. Если кто-либо из знакомых и незнакомых заглядывает в дом даже мимоходом, ему обязательно подносят блюдо с хлебом, чтобы он отломил и отведал кусочек. *Нандан улуу тамак жок, адамдан улуу атак жок* (нет еды священной, чем хлеб, нет выше звания, чем человек). Святость хлеба отождествляется с святостью высокого звания человека.

КП «Противопоставление своего и чужого». Граница между своими и чужими у кыргызов была предельно четкой, т.е. *өздү — өздөй, жатты — жаттай көрүш* керек, что означает: к своему нужно относиться как к своему, к чужому — как к чужому; к врагу нужно относиться как к врагу, т.е. не заискивать, не заигрывать перед ним. Об этом предупреждает поговорка *Душманга өздөй караба — тийбей койбойт зыяны*, что значит: не относись к врагу как своему — непременно будет вред. Отношение к своим было снисходительным (ср. с русской пословицей: Хоть и кривое, но свое): *урушса да, өз жакшы, талашса да, өз жакшы* — хоть и бранится, он свой, хоть и препирается, он свой, или же *өз өзүнө тартат*, что значит: своего к своему тянет; *кол ийрисине тартат* (букв.: рука тянет в сторону своей кривизны). О том же говорится в поговорке: *Сасык деп уй мурдун кесип таштабайт* (букв.: корове не отрежут нос, даже если он вонючий). Смысл особого отношения заключен у кыргызов в том, что в трудные моменты родня всем миром поддерживает того, кого настигло горе: *Сыйлашарга жат жакшы, ыйлашарга өз жакшы* (букв.: для церемоний посторонние сойдут, для оплакивания свои подойдут). Проживание родственными кланами породило особую близость и определенную закрытость такого социума. Незнакомых людей считали чужими и соответственно им не оказывались те знаки внимания, которых удостоивались родные и близкие, отсюда и выражение, которое не забыто и в наши дни: *Тааныбасты сыйлабас* (незнакомый лишен почтения). Чужие часто воспринимались как враги: *Ооздон кан чыкса да душманга ырыңды ырдаба* (букв.: хоть кровь пойдет изо рта, врагу не поддавайся никогда. Однако если люди становились ближе, узнавали

друг друга, то это непременно обязывало к почтению: *Бир күнү таанышка миң күнү салам айт. Бир күнү туз таткан жериңе миң күнү салам айт* — (букв.: с кем был знаком хотя бы день, тысячу дней приветствуй, где раз отведал соли, тысячу раз приветствуй).

Пословица *Өзөктөн чыккан өрт жаман, өздөн чыккан жат жаман* (букв.: страшен огонь из сердцевины (эпицентра), страшен чужак из своих) говорит об отношении к предательству своих. Наряду с этим считалось, что достоинство человека начинается с уважения к своим, и осуждалось возвышение чужих: *Өсөр өзүн сыйлайт, өспөс жатын сыйлайт* (букв.: успешный своего уважает, никчемный чужих ублажает). Об этом же говорится в следующей поговорке: *Тууганга душман болбо, душманга тууган болбо* (с родным не враждуй, а с врагом не родись). О своих интересах и об отношении к чужим гласит пословица: *Өзүмдүкү дегенде өзүз кара күчүм бар, өзгөнүкү дегенде ана-мына ишим бар*, что означает: когда для себя, у меня силы, как у быка; когда для кого-то, у меня всегда найдутся отговорки.

КП «Бесполезные, напрасные усилия». Беснадежное дело, тщетность усилий для кыргыза были равносильны погоне за тенью или соревнованием с ветром: *жел менен жарышпа, көлөкөңдү кууба*, т.е. не тягайся с ветром, не догоняй свою тень. В понимании кыргызов сила и успех всегда на стороне богатых и удачливых людей, и тягаться с ними — это бесполезное дело: *Таалайлуу менен талашпа, бактылуу менен байлашпа* (не спорь с удачливым, не бейся об заклад со счастливым). Реально оценивать свои возможности предлагает пословица *Күчтүү менен күрөшпө, таалайлуу менен тартышпа* (с сильным не вступай в единоборство, с удачливым не спорь). О бесполезных усилиях, связанных с попытками бороться с чужими пороками, говорится в следующей поговорке: *Толбоско куйба, тойбоско бербе* — не стоит наливать в бездонный сосуд, не стоит давать ненасытному.

КП «Конь — основа жизни». В жизни кыргыза конь занимал огромное место. В поговорке *Аты жоктун буту жок* говорится «У кого нет коня, у того нет ног». Поговорка *Ат — эрдин канаты* ассоциирует коня с крыльями джигита. Конь для кыргыза был отрадой для души. Он доставлял ему положительные эмоции, дарил радость и удовольствия. У кыргызов было много развлечений с

участием коней. Поговорка *Күндүк өмүрүң болсо, түштүгүнө жорго мин* означает: если у тебя остался день жизни, полдня ездь на иноходце, т.е. удели время и удовольствию. Конь для кыргызов был источником хорошего материального благосостояния. Поговорка *Эки бээлүү эл сактайт, жалгыз бээлүү жан сактайт* — имеющий двух кобылиц народ кормит, так как имеет возможность угостить других, а имеющий одну кобылицу себя кормит.

Конь у кыргыза символизировал движение. Этому было свое объяснение: *Жата берсе, ат арыйт, жүрө берсе, жол арбыйт* — долго пребывать на одном месте — конь худеет, так как подножный корм иссякает, двигаться — пройденный путь увеличивается.

Кыргызы понимали, что к коню нужен особый подход: *Жаман атты жакишы баксаң — тулпар, күйкөнүн табын тапсаң — шумкар*, т.е. если за плохой лошадей будет хороший уход, она станет боевым конем, если к пустельге умелый подход — получишь кречета.

Всем известно, что к коню у кыргызов было и чисто утилитарное отношение, которое объяснялось суровыми условиями кочевой жизни, когда, оказавшись в полной изоляции от людей, от родичей, кыргыз, чтобы выжить и спасти себя и свою семью, мог зарезать свою лошадь, пусть даже ценой остаться без средства передвижения. Для кочующего кыргыза конь, по известному выражению Г. Гачева, был и «средством передвижения и едой». Позже стало традицией — все торжественные трапезы, похороны, поминки обязательно сопровождаются забиванием лошадей. Для этих целей их специально отбирают, откармливают и берегут для таких значимых событий. Следующие поговорки связаны именно с этими обычаями. Ср.: *Жакишы атка жаман ат жалы менен теңелет* — С хорошим конём плохой конь сравнивается благодаря подгритвному жиру (т.е. если будет в теле); *Ат картайса, согумга жарайт; эр картайса, сонунга жарайт* — если конь состарится, годен для убоины, если джигит состарится — годен для восхищения.

Конь для кыргыза был символом духовного и материального благополучия. Именно благодаря этим животным считалось, что можно достичь успеха в борьбе с врагом, в преодолении трудностей жизни, в обеспечении достойного социального положения: *Тай кунанга жеткизет, кунан атка жеткизет, ат муратка жет-*

кизет — Тай станет кунаном, кунан станет конем, конь приведет к цели. *Така туякты сактайт, туяк тулпарды сактайт, тулпар эрди сактайт, эр элди сактайт* — Подкова уберезет копыто, копыто уберезет скакуна, скакун уберезет джигита, джигит уберезет народ.

Таким образом, конь в жизни кыргызов позволял вести подвижное хозяйство, гарантировал надёжность жизненных коммуникаций, служило важнейшим фактором военного могущества, давал человеку питательную высококалорийную пищу, обеспечивал кожей, волосом и сухожилиями. Важная роль коня нашла яркое отражение в верованиях, эпосе.

Концепт «Национальные обычаи»

Этнокультурные традиции кыргызов включают следующие когнитивные аспекты.

«Семейные традиции». Семья в понимании кыргызов — это клан, объединяющий несколько поколений, старшее, среднее и младшее. Всех связывают узы тесного родства. В семье существует особая иерархия отношений. Представители старшего поколения пользуются особым почетом, они занимают почетное место за трапезой, первыми начинают разговор, дают свои напутствия-советы. Мать — хранительница семейного очага, отвечает за воспитание дочерей и снох. Сыновья — это главные члены семьи, продолжатели рода и семейных традиций. Дочери — это дети-гости, которых готовят для будущего замужества, для жизни в другой семье.

В традиции кыргызов родители, как правило, на старости лет были на попечении сыновей, вернее младшего из сыновей, а дочери, выйдя замуж, становились членами другой семьи. Отсюда и пошла поговорка: *Кыздын төрүндө болгуча, уулдун улагасында бол* (Чем восседать на торе (почетное место в юрте) у дочери, лучше живи на пороге у сына). Как бы ни было плохо в семье сына, считалось, что он был в своей семье, а семья дочери считалась чужой.

В семейной традиции кыргызов родители опекают своих детей почти всю жизнь. Они должны воспитать детей, дать образование, женить или выдать замуж, обеспечить жильем, позаботиться о его будущем и т.д. Поэтому и на сегодняшний день актуальна посло-

вица: *Отуз уулду бир ата асырайт, отуз уул бир атаны асырай албайт* (Тридцать сыновей может поднять один отец, а тридцать сыновей не могут обеспечить одного отца).

«Иерархия родственных взаимоотношений». В кыргызской семье существовала особая этика взаимоотношений между родственниками. Они развивались в следующих аспектах: старшие — младшие, муж — жена, свекр — сноха, свекровь — сноха и т.д.

«Старший ребенок — авторитет для младших». Поскольку традиционная семья издавна была многодетной, то к каждому из них существовал особый подход. Старшие дети были долгожданными, к ним проявлялось особое внимание, ему прививались основные навыки, его воспитывали как основного авторитета для младших. Все последующие дети воспитывались, равняясь на старших. Старшие дети в семье — пример для подражания младшим. С раннего детства кыргызы приучали своих детей к труду. При этом они трудились наравне со взрослыми и через какое-то время могли полностью заменить своих родителей. Поговорка *Иштегениң биз үчүн, үйрөнгөнүң өзүң үчүн* (Работаешь для нас, учишься ради себя) раскрывает воспитательные установки кыргызской педагогики, когда, перекладывая на детей многие обязанности по хозяйству, они готовили их к будущей самостоятельной жизни.

Одну из традиционных зарисовок кыргызской жизни дает поговорка: *Мал көтөрөт өлүмдү, дос көтөрөт көңүлдү* (букв.: скот поднимет смерть, друг поднимет дух). Когда кто-нибудь умирает, кыргызы по традиции приносят в жертву, как правило, лошадей, баранов, коров. На похороны собираются почти все взрослые родственники. Всех, приехавших на похороны издалека, нужно кормить и поить в течение трех дней, пока не похоронят усопшего. Съезжаются все независимо от расстояния. Кроме того, на похороны приходят все односельчане. Для таких массовых трапез мяса требуется очень много, и поэтому много скота идет на убой. Даже в недавнем прошлом количество забитого скота для проводов усопшего доходило до 4—5 голов. По количеству забитого скота судили об авторитете умершего.

КП «Прием гостей — демонстрация тщеславия». Для кыргыза гость — это категория очень значимая. Бывает так, что по отношению к гостю нужно продемонстрировать не только почтение

и расположение, но и свой достаток, свои возможности. Гостями могли быть и незнакомые люди. Большой частью кыргызы к гостю относились как к благодати: *Конок — кут* (гость — счастье). С приходом гостя в дом, как считали кыргызы, входила удача, счастье. *Канча бут кирсе — ошончолук кут кирет* (сколько ног в доме — столько и благополучия). *Конок бар жерде береке бар* — там, где есть гости, есть изобилие и благоденствие. Часто бывает, что кыргызы все, что они накопили, приобрели, могут потратить на гостя. Они могут экономить на себе, даже на детях, ради того, чтобы достойно встретить гостей. Отсюда и пословица: *Конокко колуңда барыңды бер* (Гостю отдай все, что имеешь). Существует достаточное количество паремиологических выражений, которые отражают позитивное отношение к гостям. У кыргызов той (пир) устраивается с большим размахом, гостей могли принимать целый день, а то и по несколько дней, одни гости сменяли других. Поэтому говорилось *ирегебизден май акты* — масло текло от самого *иреге* (*иреге* — место у порога), что означало: у нас гости не переводились и ели-пили в изобилии, значит, скот резали для гостей без конца, постоянно устраивались обильные угощения. До недавнего времени у кыргызов в гости не приглашали. Приходили все, кто только был наслышан о каком-либо торжестве.

КП «Гости как индикатор социального статуса». Для кыргыза гость — это категория социальная. О характере хозяина, о его материальном достатке, о его социальном статусе судят по тому, как он принимает гостей. Прием гостей начинается с размещения. Гости сами в соответствии со своим возрастом, положением примерно знают, где им садиться. Самым почетным местом считается самая дальняя от порога часть стола, или дастархана (скатерть), которая называется *Төр*. Туда усаживают самых почетных гостей, это может быть и мужчина-аксакал или женщина почтенного возраста. По обе стороны от них также садятся по старшинству, или по статусу. Ближе к концу дастархана садятся более молодые гости, и в самом конце стола могут расположиться снохи.

Столы, а раньше это были дастарханы, накрывают в самой просторной комнате, предназначенной для гостей. Такая комната, как правило, бывает закрыта в будние дни, и ее открывают только по случаю приглашения гостей. Самое лучшее убранство предназна-

чено для такой гостиней. Столы, или дастарханы, накрывают так, чтобы даже просвета не было между блюдами. Самый первый атрибут дастархана — это *боорсоки*. Их готовят заранее: замешивают дрожжевое тесто, порциями раскатывают скалкой и, раскатав, нарезают небольшими (в один прикус) ромбиками, полосками, квадратиками и обжаривают в кипящем масле. Целый чан теста за считанные минуты превращается в аппетитные горки воздушных ромбиков, брусочков, которые становятся украшением праздничного стола. Мед, варенье нескольких сортов, масло топленое (*сары май*), сливочное масло (*каймак май*), домашняя сметана (*каймак*), ядрышки грецких орехов (*жаңгак*), фисташки, фундук, кешью, желтый и черный изюм (*мейиз*), курага (*өрүк*), сдобные булочки, другая домашняя выпечка, *чак-чак*, медовый хворост, дорогие конфеты, разнообразные фрукты — это все составляет как бы декоративную основу праздничного стола. Затем стол заставляется несколькими видами холодных закусок, куда входит прежде всего *казы-карта* — деликатесные колбасы из молодой конины (*казы, карта, чучук*), куски жареной курицы (*тооктун эти*), запеченная или фаршированная рыба (*балык*), иногда ассорти из разных видов копченой рыбы, красная икра в виде канапе, а также 4—5 видов мясных и овощных салатов. Дальше следуют основные блюда. Их, как правило, три. В начале подают наваристый мясной бульон с овощами (*шорпо*), к ним подают мясные пирожки треугольной формы (*самсы*), которые выпекаются в духовке. Часа через два подают второе блюдо — это кусок жареного или тушеного мяса или рыбы с гарниром. И завершается все это угощение основным блюдом — *бешбармаком*. Но главный момент в церемонии приема гостей — это специально зарезанное в честь гостей домашнее животное (баран или жеребенок). О том, что жертвоприношение в честь гостя является свидетельством особого уважения к нему, гласит следующая пословица: *Конок «тойбодум» дебейт, «сойбоду» дейт* (букв.: гость не скажет «я не наелся», он скажет «не зарезали»). То есть для редкого или важного гостя должны были отдельно зарезать барашка. Готовую тушу барана расчленяют на мясистые мослы (устуканы), каждый из которых имеет свое название и свое предназначение. Каждый гость должен получить свой устукан. Распределение устуканов осуществляется как по возрастному, так и по ген-

дерному принципу, т.е. нужно учитывать и возраст, и пол гостей. Есть сугубо женские устуканы и сугубо мужские. Так, заднюю конскую часть (*уча*) следует преподносить только мужчинам, задний бараний курдюк (*куймулчак*) подается только женщинам. Есть устуканы, которые получают только снохи, есть устуканы, которые даются только дочерям. Распределение устуканов — это сложная социокультурная церемония. Это особый ритуал демонстрации отношения к каждому гостю. Если по неведению подают гостю устукан, не соответствующий его статусу, то этим ему наносится обида. Отсюда и поговорка: *Эрдик кылып кой сойду, иттик кылып төш тартты* (Зарезав барана — оказал честь, но подав грудинку — проявил свинство). Как правило, грудинка — это женский устукан. Его подают дочерям, вышедшим замуж. Преподнести его мужчине — это явное оскорбление. Когда все устуканы розданы, приходит черед бешбармаку, т.е. это нежная домашняя лапша (*кесме*), сваренная в бульоне и заправленная мелко нарубленным вареным мясом и луковым соусом с перцем и специями (*чык*). После бешбармака гости уже сами знают, что им пора и честь знать, но хозяева ни в коем случае не должны намекать, что церемония закончена. Отсюда и поговорка: *«Кел» демек бар, «кет» демек жок* — Есть слово «приходите», но нет слова «уходите», т.е. в гости приглашают, уходить не вынуждают. Во время всей трапезы непрерывно подается чай от начала трапезы и до конца. Кроме этого летом часто угощают кумысом (кымыз) — кислым кобылиным молоком, зимой — *бозо* — это не очень крепкий, густой напиток золотистого цвета из пшена. Не обходится и без спиртных напитков. Но самое главное предназначение таких напитков на кыргызских торжествах — это не столько выпить, сколько произнести тост. Тост для кыргыза — это возможность показать себя народу. Очередность произнесения пожеланий также отражает социальную иерархию среди гостей. Это также стало своего рода ритуалом, традицией. Церемония предоставления тостов должна строго соблюдаться; в противном случае при нарушении очередности тоста это может стать причиной ущемления его социального статуса, при котором должны учитываться и возраст произносящего тост, и его должность, и гендерный момент, и степень родства. При этом не важно, что говорят и как говорят. Редко кто говорит ярко, интересно. Са-

мый главный момент — это то, что своевременным предоставлением тоста, проявили внимание, достойное статуса того или иного гостя. Социальная иерархия в системе кыргызского гостеприимства вольно или невольно эксплицирует неравенство социальных статусов.

КП «Незванный гость». Но встречается и не совсем радушное отношение к гостю: *конок бир консо — кут, эки консо — жут* (если гость ночует раз — счастье, если ночует два раза — джут (массовый падеж скота от бескормицы)). Как правило, гостям принято устраивать обильное угощение, но когда это надо делать каждый день, то это действительно оказывалось делом накладным для хозяев. Гости у кыргызов приходили неожиданно, поэтому и появилась поговорка: *Ууру менен конок айттырып келбейт* (букв.: вор да гость приходят без приглашения). Параллель с вором говорит не о совсем положительном отношении к гостю, поскольку вор — это по сути нежеланный гость, который хочет поживиться за счет других, гость — это тот, кто заходит с разрешения хозяев, но тоже стремится поживиться за их счет, так как заведомо знает, что хозяева ничего не пожалеют для него как для гостя.

В настоящее время на массовых торжествах (*той*) и поминках (*аш*) особенно в деревнях люди могут приходиться в любое время, и поэтому такой поток гостей у хозяев ассоциируется с густым туманом: *жөө тумандай болгон коноктор*, т.е. так говорят о надоевших гостях, когда одни уходят, другие приходят, и так без конца. Есть у кыргызов одно выражение, которое имеет отрицательную коннотацию и употребляется в значении неприятный, несвоевременный *жазгы конгон (или келген) коноктой*, т.е. словно весенний гость. Для кочевника-скотовода весна — время самое трудное в отношении пропитания, и поэтому приход гостей крайне нежелателен.

КП «Неписанные правила общения». При встрече гостя кыргызы должны проявить искреннее радушие, при этом должны непременно предложить пройти к столу или хотя бы отведать хлеба (*нан ооз тий*). У кыргызов со временем сформировались определенные правила взаимоотношений: *сурап бергенче уруп бер* (чем потчевать, спрашивая, лучше потчевать с кулаками). Нельзя допускать, чтобы гость сам оказался в ситуации, когда он вынужден попросить поесть или попить: *сурап ичкен — суу ичкен* (т.е. попросив,

равносильно тому, что пить простую воду). Вопросы, обращенные к гостям, наподобие «Не хотите ли выпить чаю? Вы не голодны?» категорически не допустимы в кыргызском этикете.

Кыргыз, как истинный горец, по натуре был молчалив и горделив. В общении с другими ему была свойственна сдержанность. Прежде чем вступать в общение с незнакомыми, он оценивал их и затем проявлял к ним соответствующее отношение. Ср.: *Эңкейгенге эңкейгин-башың жерге тийгенче, чалкайганга чалкайгын-төбөң көккө жеткиче* (Тому, кто кланяется тебе, кланяйся еще ниже — до самой земли, тому, кто задирает голову, задирай еще выше — до самого неба). Другой вариант этой поговорки подчеркивает мысль о том, все люди равны и независимы друг перед другом: *Эңкейгенге эңкейгин-атадан калган кул эмес, кайкайганга какайгын-падышанын уулу эмес (же өзүңдөн артык уул эмес)* (Тому, кто кланяется, кланяйся — он не слуга, доставшийся в наследство от отца, заносчивого встретишь, важничай еще больше — он не сын падишаха, т.е. ничем не лучше тебя).

Благословение (*бата*) кыргызы давали за накрытым дастарханом. Благословение было обращено к Богу, и для того, чтобы «задобрить» Всевышнего, полагалось *бата* произносить при полном дастархане. Отсюда и поговорка: *Куру аякка бата жүрбөйт* — На пустое блюдо благословение не действует. Издавна было заведено, что, провожая гостей, им напоследок полагалось дарить подарки: *Куттуу үйдөн куру чыкпа* (Из благословенного дома не выходят с пустыми руками).

КП «Проводы усопшего — долг клана». В жизни кыргызов с особым вниманием относятся к проводам усопшего. Существует сложный ритуал отправления такого ритуала, когда на похороны съезжается огромное количество близких, дальних родственников. Церемония похорон длится три дня. В течение трех дней в жертву приносится жертвенный скот в виде лошадей, овец. Оплакивание-причитание женщинами проходит в юрте, мужчины громко плачут, повернувшись лицом к юрте. Затем проводят омовение тела, читается мусульманская молитва, и процессия мужчин совершает погребение.

В каждом национальном языке закодировано мировоззрение народа и его миропонимание, осознаваемое в контексте культурных традиций.

§ 2. КОНЦЕПТОСФЕРА «ПРОСТРАНСТВО И ДВИЖЕНИЕ»

Теория, полагающая существенным воздействие окружающей среды, климата на формирование обычаев, нравов, выдвигалась еще в античные времена. Она нашла свое продолжение в работах французских энциклопедистов (Монтескье, Тюрго), а также в концепциях более позднего периода. В них оформился так называемый географический детерминизм.

В русской научной традиции данная идея была представлена в трудах историков В.С. Соловьева и В.О. Ключевского. Они считали, что духовный облик и исторические судьбы русского народа, составляющие культурное единство, зависели от окружающей природы, в лоне которой они появились, жили и развивались: «Лес, степь и река — это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому знанию. Каждая из них в отдельности, сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека» [Ключевский 1994, с. 129].

В.С. Соловьев подчеркивает непосредственно эстетическое значение, воздействие окружающей природы на мироощущение русского народа. Историк дает развернутую картину русской природы, которая при своей широте не может быть однообразной. При этом он говорит о различных эффектах, возникающих от мировосприятия у русского человека: «Природа роскошная, с лихвой вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего как телесную, так и умственную... С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительностью, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям...» [Соловьев 1998, с. 133].

Не учитывать фактор среды бытования этноса — значит игнорировать очевидный факт, что «...в ядре своем каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняется особенный климат, времена года, пейзаж, национальная пища..., ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные складывания бытия и мышления» [Гачев 1988, с. 430].

Роль «русских пространств» в формировании «русского видения мира» отмечали многие авторы. Тема пространственной бес-

предельности является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере, о «географии русской души» (выражение Н.А. Бердяева). Известно высказывание Чаадаева: «Мы лишь геологический продукт обширных пространств». У Н.А. Бердяева есть эссе, которое так и озаглавлено — «О власти пространств над русской душой» (цит. по: [Корнилов 2003, с. 341]).

«В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков, — пишет Бердяев и продолжает: — Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные российские просторы требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию».

О «власти пространств над русской душой» говорили и многие другие авторы, например: «В Европе есть только одна страна, где можно понять по-настоящему, что такое пространство, — это Россия» (Гайто Газданов). «Широкое пространство всегда владело сердцем русским» (Д.С. Лихачев). «Первый факт русской истории — это русская равнина и ее безудержный разлив. ...Русские просторы зовут странствовать, бродить, раствориться в них, а не искать новых стран и новых дел у неведомых народов; отсюда непереваемость самого слова «простор», окрашенного чувством, мало понятным иностранцу и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегороженный западноевропейский мир», — писал Владимир Вейдле, известный русский литературный критик и искусствовед [Корнилов 2003, с. 342].

Оригинальным представителем русской культурологической мысли является Л.Н. Гумилев, автор уникальной концепции этногенеза. Гумилев предпринял попытку рационально объяснить способы взаимодействия в истории этнических общностей. В своих фундаментальных трудах по евразийской истории он рассматривает культуру как органическое взаимодействие природной среды и этноса. Нация (народ) представляется живым организмом и подчинена общим законам развития биосферы.

Идеи географического детерминизма нашли свое комплексное выражение в концепциях отечественных евразийцев [Евразия 1992]. Идеи евразийства были обогащены важным геополитическим понятием «месторазвития». Так, например, П.Н. Савицкий писал: «Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем то в пределах Европы и Азии. Евразийское “месторазвитие” по основным свойствам своим приучает к общему делу. Назначение евразийских народов — своим примером увлечь на эти пути также другие народы мира» [Евразия 1992, с. 117—118].

Применительно к русской языковой картине мира Д.С. Лихачев в «Заметках о русском» отмечал неизбежность лингвистических «последствий» влияния широких пространств на национальное сознание, указав на то, что оно (это самое пространство) «выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках».

Взаимоотношения человека и его географического окружения отчетливо проявляются в языке. Пространственные знания и представления не только зависят от языковых символов, но и выражаются с их помощью. Живя в различных условиях внешнего мира, люди создают словарный состав языка в соответствии с их жизненным опытом, накопленным в этих условиях, а также в связи с сформировавшимися потребностями, поэтому обозначения географических объектов столь различны на разных территориях. Вне всяких сомнений, о ментальности и духовной культуре этноса можно судить по характеру его словарного запаса. «Не обязательно быть исследователем-специалистом, чтобы определить: народ, имеющий десяток слов для обозначения разных видов снега, живет в Аркти-

ке, а народ, насчитывающий сотни названий плодов, — в субтропиках или тропиках» [Бердяев 1990, с. 8].

О.А. Корнилов в своей работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» однозначно утверждает: «Среда влияет на национальный образ мышления, склад характера, которые с помощью языка передаются от поколения к поколению. Национальный характер в сочетании с географическими условиями и порождаемыми ими геополитическими интересами определяет историческую судьбу народа. Влияние среды на человека может рассматриваться на разных уровнях: на уровне физиологии, на уровне психологии и даже на уровне социологии». Кроме того, О.А. Корнилов в своей работе учитывает фактор среды бытования этноса с точки зрения его влияния на процессы мышления и на формирование национального языка. Мышление этноса автором определяется его базовым компонентом (совокупностью ментальных универсалий общих для всех народов) и национально-специфическим компонентом, включающим периферию логического осмысления мира и всю область внелогического отражения окружающего мира. Говоря о национально-специфическом компоненте сознания, О.А. Корнилов считает, что он формируется при определяющей роли совокупности факторов среды бытования этноса на раннем этапе своего существования, когда под воздействием природно-климатических условий формируются типичные национальные черты, которые отражаются и закрепляются в языке, становясь социально наследуемыми. И наконец, очень важна мысль автора о том, что впоследствии при изменении или исчезновении тех или иных внешних факторов национальное мышление не перестает ощущать их влияние, поскольку ментально-лингвальный комплекс нации уже сформирован и постоянно самоверифицируется под действием национального языка, «помнящего» действие изменившихся, исчезнувших или потерявших свою значимость факторов внешней среды обитания народа [Корнилов 2003, с. 124—125].

Применительно к конкретному сознанию этноса на определенном этапе своего развития, а именно — на этапе становления национального языка и фиксации в нем донаучных представлений о мире О.А. Корнилов отмечает, что этнос (его обыденное созна-

ние) непосредственно воспринимает лишь малую часть пространственного континуума (ареал своего обитания) на протяжении малой части временного континуума (в масштабах Вселенной период формирования и лексикализации первичных представлений о мире одного народа может трактоваться как миг, секунда на часах истории Вселенной). Более того, по словам О.А. Корнилова, «Реально на национальное сознание, создающее первичную модель мира, воздействует лишь небольшой участок (можно даже сказать, точка) ПВК (пространственно-временной континуум. — Д.З.) — природно-климатические условия ареала обитания, существовавшие в исторический период языкового становления конкретного этноса. Для одного народа это была заснеженная тундра, для другого — бескрайние степи или пустыни, для третьего — непроходимые леса или джунгли, для четвертого — горы». Единство внешнего мира как фактор, определяющий общность человеческой психологии и мышления, на этапе формирования национальной языковой картины мира разных народов отсутствовало, так как, по Корнилову, имело место не единство мира, а **множество единственностей** мира, поскольку знания о мире каждого народа ограничивались непосредственно воспринимаемой природно-климатической средой, отличающейся от условий обитания других этносов. Подвергаться лексикализации могло, естественно, только то, что присутствовало в этой непосредственно воспринимаемой среде обитания, весь же остальной мир, единый и многообразный, был недоступен непосредственному чувственному восприятию, следовательно, не подвергался лексикализации и не включался в выстраиваемую этим этносом модель мира [Корнилов 2003, с. 144].

Таким образом, связь географической лексики с особенностями территории, с условиями проживания очевидна. По выражению С. Голда, «символы, воплощаемые средствами языка, в любом случае являются надежным ключом к пониманию того, **что** разные люди думают о своем пространственном окружении» (цит. по: [Лабунец]).

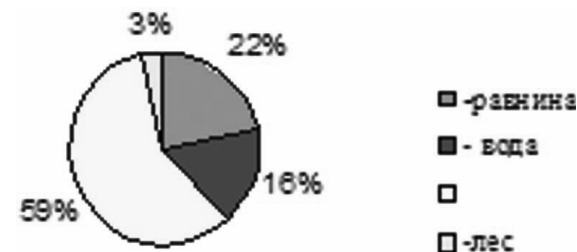
Уникальность кочевого феномена более всего проявилась в географической лексике и топонимии. Лексико-семантическое описание народной географической терминологии дает возможность сохранить для последующих поколений образ горного кочевника,

покорившего суровый горный ландшафт. Географический ареал обитания этноса обусловлен характером ландшафта, фауны и флоры. Языковое видение и детерминация окружающего пространства происходят через языковую номинацию. Объем той или иной лексики зависит от экстралингвистических факторов. К таковым относятся хозяйственная деятельность человека, его космогонические представления и эстетические ценности. В целом можно сказать, что в языке, в ее лексическом разнообразии, грамматическом устройстве раскрывается мировоззрение народа. Так, по количеству и характеру географической лексики можно судить о том, каковы историко-географические условия обитания этноса, какие из географических зон являлись жизненно важными для данного этноса. Заведомо можно предположить, что в кыргызском языке набор терминов по горной местности будет иной, чем по равнинной. Состав народных географических терминов в кыргызском языке в систематизированном виде отражает опыт освоения горного пространства, что имеет первостепенное значение для этнолингвистических и историко-культурных исследований как регионального, так и общенационального характера. Бесспорно то, что на специфику отбора лексики в значительной степени влияет «топонимическое мышление» кыргызского народа. «Квантование» объектов природы языковыми средствами у каждого народа происходит по-своему [Керт, Вдовицын 2005, с. 105].

Страна кыргызов — это сочетание двух физико-географических районов: гористой страны (Тянь-Шань, Алай) и черноземной долины, ограниченной цепями хребтов. В горах Тянь-Шаня и предгорьях Алая, там, где ущелья и горные склоны служили и служат пастбищами для овец, лошадей, коров, а горные реки и родники являются источником жизни для жителей, кыргызы веками формировали свой образ жизни. Действительно, в физико-географическом отношении регион исторического обитания кыргызов представляет преимущественно горную природную зону. Ю.Н. Рерих даёт географическое понятие «кормящему» (по Л.Н. Гумилеву) ландшафту, среде обитания кочевников... Тянь-шаньская горная система занимает центральное и выдающееся положение в орографии Средней Азии. Много общего с Тянь-Шанем имеет Алайская горная система, с которой в районе перевалов Терек и Суок соединяется юго-восточная

часть Ферганского хребта, а южнее лежит знаменитая Алайская долина шириной 25 км, с рекой Кызылсу. Долина Алая издавна славилась своими пастбищами и являлась одним из центров расселения кочевников. Здесь проходил древний караванный путь, ведущий на Кашгар через перевал Тау-Мурун (3536 м), расположенный в верховьях р. Кызылсу [Воропаева].

Так, характерной чертой кыргызской географической лексики является детальная градация именований фрагментов горного ландшафта. Подтверждением тому является тот факт, что в кыргызском языке насчитывается более 90 слов, обозначающих горный ландшафт. Напротив, равнинный ландшафт репрезентирован 24 лексемами, и совсем скудно представлена словесная фиксация лесного ландшафта — всего 3 единицы.

Этнические общности теснейшим образом связаны с вмещающей их географической средой. Именно горно-долинный пейзаж для кыргызского скотовода кажется привычным и освоенным.

Макроконцепт «Пространство»

Общие представления о пространстве у кыргызов выражены в следующей лексике: *аалам, дүйнө, жер, чөйрө, айлана, чөлкөм, аймак*. *Аалам* заимствовано из арабского языка в значении «мир, вселенная»; *ааламды басып шоораты* — слава о нём разнеслась по всему миру, *ааламга белгилүү* — всемирно известный; *он сегиз миң аалам* — вселенная (земля со всем населяющим её); *он сегиз миң аалам* — *көк өгүздүн жонунда*, т.е. вселенная держится на хребте сивого быка (по старому народному представлению); *он сегиз миң*

ааламды камырдай тепсен баскандай — у богатыря такой вид, будто всю вселенную может месить, как тесто.

Аймак (территория), *айлана* — окрестность; *чөлкөм* — округ, регион; *бул чөлкөдө жок* — в этих местах нет. *Дүйнө* (*дүнүйө*) — Вселенная; *дүйнө бөлүктөрү* — части света; *дүйнө жактары* — страны света; *сырт* — периферия; местность, отстоящая далеко от столицы, от города; *сыртка барып келдим* — я съездил в провинцию.

Анализируя языковую концептуализацию категории пространства, столь сложно и противоречиво объясняемую и описываемую в научных исследованиях по философии, физике, геометрии, астрономии и другим наукам, имеющим отношение к локализации изучаемых явлений, лингвисты отмечают специфический характер восприятия и кодировки пространственных отношений в человеческом сознании и в языке [Гвоздева 2004].

Об этом пишет и Е.С. Кубрякова: «Труднее всего в реконструкции номинативной деятельности ответить не столько на вопросы о том, какие объекты и явления привлекли первыми внимание человека — в конце концов связь имен с предметами и ситуациями дает возможность установить этот факт, сколько на вопросы о том, как сформировались понятия объекта, движения, пространства, времени и т.п., разновидности и детали которых стали затем служить предметом номинации. Когнитивный подход дает эту возможность, т.е. разрешает выдвинуть определенные предположения о том, почему окружающий человека мир оказался увиденным, воспринятым и осмысленным в том, а не ином виде, — через сетку определенных координат, устанавливающих отличие объектов от процессов, процессов от признаков и т.п. [Кубрякова 2004, с. 64].

Когнитивные классификационные признаки концепта «Пространство»:

- 1) «общая пространственная локализация»;
- 2) «конкретная пространственная локализация»;
- 3) «пространство, используемое в практических целях»;
- 4) «направление и движение в пространстве»;
- 5) «пространственные отрезки»;
- 6) «структурный характер пространства»:
 - горный ландшафт,
 - водный ландшафт,

- равнинный ландшафт,
- лесной ландшафт.

В социально-культурной антропологии изучение пространственных категорий в культуре занимает одно из первостепенных мест. Французский ученый А. Леруа-Гуран одним из первых обратился к пространственным характеристикам элементов материальной культуры, как, скажем, значимость их протяженности или, наоборот, объемности, а также к вопросам различий восприятия пространства в разных культурах, при разных способах жизнеобеспечения (цит. по: [Тишков 2003]). Он один из первых писал о том, что для раннего охотника и собирателя мир линейен, значение имеет не поверхность земли, а маршрут перекочевки — по тропе, вдоль речной долины, по берегу водоема и т.д.

Концепт «Горы»

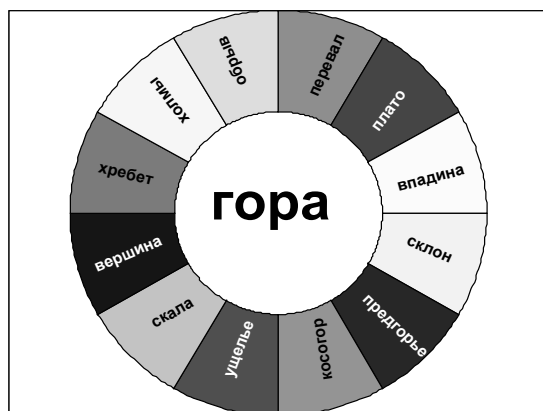
Из фрагментов ландшафта особое внимание кочевника-кыргыза было приковано к горам — наиболее крупным орографическим объектам. Как уже было сказано, в составе пространственной лексики кыргызского языка среди наименований типичного ландшафта, окружавшего кыргызский этнос, превалирует горная тематика. Дробную лексическую детализацию в кыргызском языке получают самые разные фрагменты горы, как то: ущелья, скалы, хребты, вершины, склоны, горные равнины, горные впадины, пастбищные участки, перевалы и т.д.

В значение пространственных понятий входит обобщенная информация о том, как воспринимается соположение предметов реальной действительности в пространстве, поскольку оно не всегда точно отражает то, каково это соположение на самом деле.

Ключевой номинацией гор является лексема *тоо* (горы). Самые высокие горы со снеговыми вершинами называют *аскар тоо*. *Имерме тоо* — это большая неприступная гора, на которую взбираться можно только в обход. Пологие горы называют *каптал тоо*, бугристые горы — *будурмактуу тоо*. Когнитивными дифференциальными признаками (КП) для лексической номинации таких природных объектов, как горы, являются различная высота, размер, степень крутизны, характер поверхности, форма, пространственное

соположение, различная высота, различные участки, пригодность/непригодность к прохождению, укрытию, степень наклона и т.п.

Именно эти когнитивные признаки актуализируются при лексическом выражении горных реалий в кыргызском языке.

Горная вершина (чоку, туу жон, кыраңча, зоңкок). Существует несколько наименований горной вершины. Основная лексема наименования вершины — *чоку* (тоонун чокусу — вершина горы). Когнитивные признаки, лежащие в основе наименований горных вершин, связаны со **степенью высоты объекта**: самую высокую вершину хребта именуют *туу жон* (туу — знамя, стяг), вершину небольшого горного хребта называют *кыраңча*; а также с **пространственным соположением**: вершину, которая возвышается над окружающими горами, называют *зоңкок*.

Горная скала (калкагар, аска, зоо, жалама зоо, заңгел, аска таи, урчук, бурчук). Имеются разные наименования, характеризующие разновидности горной скалы. Для обозначения неприступной высокой скалистой горы есть два географических термина: *калкагар* и *аска*. *Жалама зоо* — это высокая и гладкая скала. Когнитивными признаками для наименования такого горного объекта, как скала, являются **высота**: скалы могут быть более высокими или менее высокими; **размер**: *заңгел* — это огромная скала; **форма**: вздымающуюся скалу называют *аска*

таи; острый выступ горы, спускающийся узкой полосой в виде каменистого отрога, называют *урчук*, или *бурчук*; **характер поверхности** (гладкая, каменистая, без растительности), **мера доступности**: недоступную дикую скалу без растительности называют *зоо*.

Горный склон (*бет, боор, эңиш, кадуу, учма, керүү, төш, кудума, жөлөңкө, тологой, торпу, чап, ак чап, көк чап, кызыл чап, кумдуу чап*). Подробная детализация представлена при наименовании горного склона. Лексем, обозначающих склон горы, в кыргызском языке несколько: *бет, боор, эңиш, кадуу*. Крутой склон горы, покрытый снегом, называется *учма*. Склон высокой горы, покрытый травой, — это *керүү*. Нижняя часть склона, которая располагается выше подошвы, называется *төш* (грудь). Крутой склон горы называют *кудума*. *Жөлөңкө* — это пологий склон между равниной и крутым подъемом. Термин *тологой* (букв.: внутренняя сторона ноги между коленом и щиколоткой) обозначает часть горы между снеговой вершиной и возделываемой полосой. Каменистый склон горы — это *торпу*. Небольшой каменистый или песчаный склон горы без растительности называется *чап*. В зависимости от цвета и состава породы называются по-разному: *ак чап* — белый склон, *көк чап* — синий (или зелёный) склон, *кызыл чап* — красный склон; *кумдуу чап* — песчаный склон и т.д. Когнитивные признаки этих лексических номинаций таковы: **характер поверхности** (склон может быть каменистым, может быть покрыт травой, песком, разноцветным грунтом, или без растительности, на большей высоте покрыт снегом); **степень наклона поверхности** (может быть более пологим или менее пологим); **пространственное соположение** (между равниной и крутым подъемом, выше подошвы горы и т.д.).

Горная впадина (*чаткал, кокту, колот, буйгат, баткал, бөйрөк, кайкы, ойпоң, быткыл, коңул, коңшут, кезең, ой, ойдуң, салаа, кептеш, өтөк*). Когнитивными признаками наименования горной впадины являются: **пространственное соположение**: *чаткал* — впадина между двух гор; *кокту* — это лог, горная ложбина, впадина в предгорье, горах; *колот* — лог, продолговатая впадина между двумя возвышенностями; *буйгат* — ложбина на склоне горы ближе к её вершине; *баткал* — впадина сбоку, например, в отко-

се холма, горы; *бөйрөк* — впадина на склоне горы; **размер:** *кайкы, ойпоң, быткыл, коңул, копшут* — разновидности небольших впадин, углублений между гор, в которые часто стекала сверху с гор вода и на время застаивалась; если в них не было воды, то они служили укрытием для зайцев, сурков и змей. Когнитивный признак **«пригодность к укрытию»** лежит в основе наименования *коңул* (небольшое углубление-впадина). Устойчивое выражение *кире качууга коңул таппай* обозначает не находя себе места, куда бы спрятаться от скандала, от чьих-либо нападок. Когнитивный признак **форма:** *кезең* или *айры кезең* — это горная седловидная впадина; *ой, ойдуң* — низина, котловина; *глубина* (меньшая или большая): *салаа* — это ложбинка, по которой стекает талая или дождевая вода; *кептеш* — горная ложбина то же, что *салаа*, но глубже и с отвесными берегами, заканчивающаяся тупиком; **удобство использования:** *өтөк* — горная впадина, ровное место в горах, на склоне горы, защищённое от ветра, а потому удобное для зимовки скота. Ср.: *кой туудурчу өтөк* — место, удобное для окота овец. Горные впадины были удобны для проживания, поскольку в каждом логу протекали родники с чистой водой, и поэтому именно в защищённых от дождя, ветра, снега горных «закутках» могли располагаться стойбища, жилища.

Ущелье (*капчыгай, капчал, жуука, кууш, капка, чат, калкак, капка таи*). Основная лексема *капчыгай* обозначает горное ущелье, горный проход, узкую и длинную горную долину. При других номинациях этого понятия актуализируются следующие когнитивные признаки: **характер поверхности**, так как скалистое ущелье называют *капчал*, а каменистое ущелье — *капка таи*. Когнитивный признак **отсутствие простора** присущ таким лексическим номинациям, как *жуука* — теснина, тесное ущелье, *кууш* — горная теснина. КП **форма** характеризует лексему *капка* — узкое ущелье-ворота; *чат* — название части горы (букв.: место соединения ног с внутренней стороны), т.е. высокогорное ущелье, в виде узкого пространства, образуемого на месте соединения двух горных хребтов. ср.: *эл төргө, чатка көчүп кетти* — народ откочевал выше, в горы; КП **удобство использования** характерно для слова *калкак* — укромное место, прикрытие, укрытие; ср.: *Таштын калкагы* — укрытие, образуемое нависшей скалой.

Перевал (*бел, артуу, ашуу, дөрөө, мойнок*). *Бел, артуу, ашуу* — основные лексемы, обозначающие горный перевал. КП **размер:** *чалкар бел* — огромный горный перевал; **форма:** *бөлтөк-бөлтөк бел* — отдельно выступающие горные перевалы. **Пригодность к прохождению дөрөө** — слово, заимствованное из иранского языка, обозначает горный проход-перевал, *секиртме ашуу* — это перевал с труднопроходимыми уступами, обрывами. **Степень крутизны:** *мойнок* (букв.: шея) обозначает «крутой горный перевал». В следующей строке из фольклорного произведения можно понять, как комфортно кыргызу в горах: *ысык көрбөй, төрдө өскөн шамалдап салкын белде өскөн* — он вырос в горах, не испытывая жары, он вырос на ветру, на прохладном перевале.

Хребет (*жон, жото, кыр, тоо кыркасы, туу жон, бел, кыркуу, белес, ач бел*). В кыргызском языке существует несколько лексических обозначений понятия хребет: *жон, жото, кыр, тоо кыркасы*. Когнитивные признаки, актуализирующие специфику этого понятия, следующие: **форма, высота, пригодность к прохождению**. *Туу жон* — самая высокая, гребень горного хребта; *бел* — горный хребет в форме седловины; *кыркуу* — ряд горных хребтов, расположенных один за другим, *белес* — плоский отрог; *ач бел* — необитаемый горный хребет.

Холмы (*дөбө, обочо, бөк, чыбыр, адыр, адыр-күдүр, будурмак, дөңсөө, жүрөкчө, өбө-дөбө, дөмпөк, дөңгөк* и т.д.). Основная лексема, обозначающая холм, — это *дөбө*; Словом *обочо* называют и бугор, и холм, и курган. Кыргызы рассматривают горный ландшафт с утилитарных позиций. *Бөк* — холм, возвышенность; такие холмы, главным образом, характерны для предгорий; летом они покрыты густой травой, и поэтому на них обычно кыргызы устанавливали летние стойбища. *Чыбыр* — это местность, покрытая мелкими холмами, которое кыргызы считают хорошим местом для выпаса скота. *Адыр* — это холмистая местность, где много увалов, взгорий, угорьев. В понимании кыргызов такая местность не может орошаться. Местность, покрытую буграми и ямами, называют также *адыр-күдүр*. *Будурмак* — это бугор, холм куполообразной формы; *дөңсөө* — небольшая возвышенность, *жүрөкчө* — небольшой холм, небольшая возвышенность в горной местности; *өбө-дөбө* бугры-холмы, *дөмпөк* — горка, бугор; *дөңгөк* — бугор, холмик. Ког-

нитивные признаки, характерные для этой группы горной лексики, следующие: **характер поверхности** (покрытая травой, мелкими буграми и т.д.), **форма** (куполообразный), **размер** (небольшой), **пространственное соположение** (у предгорий).

Обрыв (*жар, жар таиш, чын тике, чың, туңгуюк, түпсүз туңгуюк, асканын туңгуюгу, чукур, чуңкур, аң, куй, кургуй, жергуй*). Когнитивный признак **степень крутизны** является определяющим в семантике данного понятия, дифференцирующим разные лексические номинации. *Жар* — это яр, крутой берег; *жар таиш* — утёс; отвесный обрыв называется *чын тике*. КП **мера доступности** доминирует в слове *чың*, т.е. это крутой горный обрыв, неприступное из-за крутизны место в горах. КП **глубина** характеризует лексемы, обозначающие пропасти, *туңгуюк* — бездна, пропасть; *түпсүз туңгуюк* — бездонная пропасть; *асканын туңгуюгу* — место под высокой отвесной скалой. *Чукур, чуңкур* — яма, углубление; котловина. КП **длина** присутствует в лексеме *аң* — яма, длинный обрыв. КП **пространственное соположение** отличает данное наименование от таких понятий, как *куй, кургуй, жергуй* — глубокий овраг, расщелина с крутыми высокими берегами в предгорьях, у подножия гор; расщелина, образовавшаяся вследствие землетрясения; *мал куйга кирип кетти* — скот ушёл в овраг.

Косогор. Для наименования косогора имеются две лексемы: *кыя* и *жантайма*; *кынтык жер* — это место с наклоном, с уклоном; небольшой косогор. Когнитивный признак — **степень наклона**.

Предгорье (*бөксө, жака, алкым*). Имеется несколько наименований предгорий в кыргызском языке. Именно предгорья кыргызы использовали в виде пастбищ. Основное значение предгорья выражается в словах *бөксө*, — весеннее пастбище и *жака* — предгорье. Например: *эл жайлоодон жакага түшүп, күздүк, кыштык оокатына камынып жатат* — народ с летовки с горных пастбищ спустился в предгорья и готовится к осени и зиме. *Алкым* — горло, глотка — предгорье, т.е. линия соприкосновения подошвы горы и долины в том месте, где из гор вытекает речка, берущая начало в снеговых вершинах. Когнитивные признаки этого понятия — **временной фактор** (весенний сезон) и **пространственное соположение** (на месте соединения подножия горы и долины).

Горное плато (*тектир, төр, кайкаң*). Когнитивные признаки, лежащие в основе дифференциации лексических номинаций данного понятия, следующие: **локализация на высоте, пригодность к использованию**. *Тектир* — небольшое ровное место в высоких горах, плато; *төр* — это высокогорное плато, богатое растительностью и используемое как пастбище. Именно такие места для кыргыза представляют самый положительный визуальный стереотип и вызывают прекрасные эстетические ощущения. *Кайкаң* — это горное плато в виде небольшой седловины.

В век когнитивной лингвистики, в центре изучения которой всегда стоит человек и его язык, изучение фундаментальных составляющих мироощущения человека и их отражение в языковом сознании притягивают пристальное внимание лингвистов. Кыргызский традиционный опыт обживания земель по форме и расположению гор содержит обширные сведения по классификации гор и отдельных его фрагментов. По когнитивным признакам, лежащим в основе лексической номинации горного пространства, можно сказать, что кыргызы осмысляют горную действительность в соответствии со своим жизненным опытом. И в иерархии этого опыта кыргызское языковое сознание членит горный ландшафт, выделяя такие когнитивные аспекты, как: **пространственное соположение, степень наклона, характер поверхности, форма, размер, высота, пригодность к использованию, пригодность к прохождению, степень крутизны, отсутствие простора, удобство использования, мера доступности**. Используя эти когнитивные ориентиры, кочевники определяли пригодные к поселению места. В целом горные местности можно характеризовать, как области, в большей степени осмысленные человеком. Об этом свидетельствует активное использование кыргызским этносом антропоморфного кода, с помощью которого описывается Вселенная, прослеживается языковое восприятие частей окружающего ландшафта. Элементы горы выступают аналогом частей человеческого тела: подножие горы называется *төш* (грудь), горный перевал ассоциируется с поясницей (*бел*) или спиной (*арка*). Место соединения горы и долины, откуда вытекает горная река, называют *алкым* (горло). Впадина на склоне горы уподобляется почкам (*бөйрөк*). Склоны гор отождествляют с лицом (*бет*) и печенью (*боор*), холм уподобляют

маленькому сердцу (*жүрөкчө*). Кыргызы воспринимали и ощущали горы как собственный организм, как живую субстанцию. Все пространственные обозначения в языке глубоко антропоцентричны в силу того, что человек наделяет человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные, в этом выражается антропоморфизм языка (Кунин, 1986: 6). Еще Ш. Балли утверждал, что «извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить все то, что его окружает. Человек приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» (Балли, 1961: 221). Поскольку в центре внимания человека находится он сам, то отсюда его постоянное стремление описывать окружающий мир по образу и подобию своему. Языковой антропоморфизм является не пережитком первобытнообщинного мышления, но общим законом развития средств номинации в языке.

Горные пространства, используемые человеком

Для кыргыза горы были своеобразным домом. Здесь протекала вся его жизнь. Горы служили для него укрытием от природной стихии, от врагов. Летом горы давали человеку прохладу, кормили его скот. Кыргызы испокон веков были скотоводами. Именно для содержания скота горы оптимально использовались кыргызами. Каждый фрагмент горы оценивался кыргызом с точки зрения его утилитарных потребностей. Самая главная потребность была в пастбищах и местах летования самих кыргызов.

Пастбище (*жайлоо, өрүш, шалбаа, жайыт, агылга, жуушанды, кагын*). Существует несколько наименований пастбищ: *жайлоо* — это летнее пастбище высоко в горах, куда на лето поднимаются кыргызы вместе со своей семьей, с отарами овец и табунами лошадей, устанавливают там свои юрты. Если корма, травы на пастбище было вдоволь, они оставались там на все лето. Если корм заканчивался, люди меняли пастбище, поднимались выше, где находили нетронутый травяной покров. Считалось большой удачей, если пастбища находились близ аула. Аулы кыргызов располагались у подножия гор, и такие пастбища на склонах ближних гор назывались *өрүш*. О том, что для кыргыза-скотоводов важнее

даже не место его собственного обитания, а прежде всего место выпаса его скота, говорит такая поговорка: *Конуш алгыча, өрүш ал* — чем выбирать стоянку, лучше выбирай близкое к ней пастбище. Благосостояние кыргызов зависело от наличия пастбищ, чем больше было лугов-*шалбаа* (сырое место, поросшее густой высокой травой) и пастбищ *жайыт*, тем тучнее был скот. Недостаток пастбищ — это главная проблема для кыргызов: *малдын жайыты болбой баратат* (пастбищ для скота не хватает). В кыргызском языковом сознании актуализированы такие когнитивные признаки, как «забота о животных», и поэтому в лексике кыргыза есть слова, обозначающие тихое место, место не на юру, куда не доходит ветер, где можно пасти скот — *агылга*; место, где отдыхает скот после пастбы, — *жуушанды*, а также место, с которого ветер сдул снег, где зимой скот находит корм, — *кагын*.

Место обитания животных (*түнөк, чээн, уя, үңкүр, короо*).

Кыргызы до тонкостей разбирались и в местах обитания диких животных. Место птичьего и овечьего ночлега называли *түнөк*; *чээн* — это место зимней спячки зверей типа норы, берлоги; *үңкүр короо* — овечий загон в естественном укрытии в горах в пещере, под нависшими скалами.

Пространство, предназначенное для хозяйственных нужд (*малкана, агыл, короо, аштымкана, аттакана, аткана, ашкана*). *Малкана, агыл* — скотный двор, помещение для скота, коровник, конюшня, *короо* — овечий загон. *Аштымкана* — кладовая при доме. *Аттакана* — стан дляковки лошадей, часть кузницы, где куют лошадей; *аткана* — конюшня. *Ашкана* — кухня; столовая, раньше так называлась женская половина юрты с правой стороны от входа, огороженная чием — соломенной ширмой.

Место человеческого обитания (*айыл, кыштак, журт, конуш, жерге, жердик*). *Айыл* — это населенный пункт в сельской местности. Этимологически это слово имеет следующее толкование: «группа юрт близких родственников и других поселенцев». Лексема *кыштак* обозначает место зимовки, зимнее стойбище, зимнее жилище. Так же называются узбекское, таджикское, уйгурское селения. *Журт* — место, где стояла юрта или стоял аул. *Конуш* — от глагола *кон-* останавливаться на ночлег, место расположения аула, лучшим считается ровное место, место похуже — на склоне. *Жер-*

ге — это стойбище, где устанавливали юрту. *Жердик* — место жительства, пребывания; место обитания; ср.: *акыры таптым, мен көрдүм атамдын өлгөн жердигин* — наконец нашёл я, увидел место, где умер мой отец.

Расстояние в пространстве (*чакырым, шашкелик, ат чабым жер, тай чабым жер, кунан чабым*) кыргызы определяли, опираясь на свой опыт освоения пространства. Мерой установления расстояния служила дистанция, которую можно было преодолеть верхом на лошади с учетом его возраста. *Ат чабым жер* — это расстояние, которое было под силу взрослым лошадям; *тай чабым жер* — это дистанция для жеребят-годовичков; *кунан чабым* — дистанция для скачек трёхлеток. Другой, более древний способ определения расстояния с помощью голоса, т.е. расстояние, на которое может долететь звук человеческого голоса, — это *чакырым* (букв.: зов-отзыв). Когнитивный признак «движение солнца» содержится в лексеме *шашкелик* — расстояние, которое можно проехать с восхода солнца до полдня.

Дорога (*жол, чубурма, чыйыр, салгар, тоом*). Семантическая детализация передается посредством лексической номинации горных дорог: *чубурма* — узкая тропинка, по которой можно двигаться только гуськом; *чыйыр* — тропа; *салгар* (*салгар жол*) — большая горная дорога; *тоом* — след, направление дороги; *жол тоому эки айрылат* — дорога раздваивается.

Концепт «Водное пространство»

Следующим значимым компонентом кыргызского ландшафта выступают различные водные источники. Кыргызстан — это страна горных рек, горных озер и родников, поэтому много лексических номинаций, обозначающих эти реалии. Вода стала своего рода символом нашей страны, поэтому в последнее время ее называют «Страной чистой воды».

Приведем некоторые наиболее часто встречающиеся примеры гидронимной лексики: *дарыя, суу* — река, *көл* — озеро, *шаркыратма* — водопад и др. Но есть и более мелкие водоемы, которые составляют особенность кыргызского ландшафта: *булак* — родник, *чордон* — место родника, где вода выходит из земли; *чат* — про-

странство между двумя реками перед их слиянием; *булун* — залив; *ирим* — пучина, омут, заводь. Безусловно, что в горизонтальной структуре пространства внимание привлекают крупные озера и реки. Если горы являются естественным ориентиром, то реки функционируют как естественные территориальные границы кочевий.

Русло реки (*өзөн, өндүр, сай, жылга, салаа, өрдөш, айрык*). Кыргызы уделяют особое внимание направлению течения рек при выборе места для размещения стойбища. По лексике, именующей реки, можно определить, что в стране кыргызов преимущественно протекали горные реки с бурным течением. Русло горной реки очень извилисто, оно огибает горные хребты, падает с большой высоты, затем устремляется в горные долины. Крутые берега горных рек, то скалистые, то заросшие кустарниками, представляют трудность при попытке пересечь горный поток. По некоторым таким рекам не ходят ни люди, ни звери, только горные архары разгуливают наверху по скалам.

Горные реки непредсказуемы: стекая по горным ложбинам вниз к долинам, они могут и поменять свое направление, и могут высохнуть на полпути, не доходя до долин. На их месте образовывались ложбины, которые с таянием ледников снова могли наполниться водой. Есть несколько наименований для обозначения русла реки: *өндүр* — ложбина, долина реки — *өзөн* — русло, ложе речки, речка; побережье речки, горная долина с речкой. Существенным когнитивным признаком является **наличие / отсутствие воды** в реке: *сай* — русло реки, которое может быть высохшим или пересыхающим; *жылга* — ложе ручья, длинная впадина, ложбина, балка; *салаа* — ложбина в горах, ложбинка, по которой стекает талая или дождевая вода; **местоположение**: *өрдөш* — ложбина в верховьях горной реки; **пространственное соположение**: *айрык* — горная ложбина на месте слияния двух горных рек. По таким горным ложбинам обычно располагались аулами и летовали там каждый год.

Берег (*өйүз, кашат, жака, кылаа*). Детализация такого дено-тата, как берег, непосредственно связана с **характером водоема, степенью высоты берега, пространственным соположением по отношению к субъекту**: *өйүз* — сторона, берег; *аркы өйүз* или *суунун аркы өйүзү* — тот берег реки; *кашат* — высокий берег; *сайдын кашаты* — берег балки; *кашат бойлой* — вдоль берега, по берегу. Судя по когнитивным признакам, речь идет о горных реках с круты-

ми обрывистыми берегами. *Жака* — край, берег; *суу жакасында* — на берегу реки; *жээк* — гряда; берег реки; *кылаа* — берег, край; *көлдүн кылаасы* — берег озера.

Промоина (*көбөөл, аңгек, аң, жыра*). Большое количество наименований для промоин говорит о горных реках с бурным течением, которые смывали массы грунта, подмывали берег, оставляя на своем пути крутые обрывы, глубокие ямы. *Суунун көбөөлү* — вымоина в береге, подмытый берег; *көбөөлүндө жашырынып* — спрятавшись в береговую вымоину; *аңгек* — вырытая яма, промоина, подмытый берег; поговорка *аңгектен качып, — дөңгөккө*, т.е. бежал из ямы, да наткнулся на бугор, используется в том же значении, что и русская поговорка «из огня да в полымя»; *аң* — яма, промоина, длинный обрыв; *жыра* — промоина, вымоина больших размеров, подмытый водой обрыв; *көбөөл* — вымоина, нора в береге, углубление в береге, в камнях, во льду.

Брод (*өтмөк, сайроон, өткөөл*). Основная лексема, обозначающая брод, — это *өтмөк*; *сайроон* — наносная мель, отмель, мелкое место в реке, удобное для переправы. *Өткөөл* — проход, брод, переправа через небольшую речку.

Концепт «Равнина»

Равнина (*түздүк, түзөң, өрөөн*). Кыргызские долины представляют в основном безлесные равнины с небольшими речками, покрытые буграми, холмами, ямами, оврагами, богатые пашнями, пастбищами. Особенность долинного ландшафта состоит в том, что с высоты птичьего полета горные долины (*өрөөн*) выглядят как огромные котловины в окружении горных хребтов.

Степь (*талаа, куу талаа, боз талаа, сары талаа, өңгөк-дөңгөк талаа, чөл, боз, бозоң, тарагай*). Для наименования степи имеется достаточно много номинаций, по которым можно судить об особенностях языковой концептуализации кыргызами этого древнего для них географического пространства. Ключевой лексемой является слово *чөл*, обобщающее такие понятия, как пустыня, степь, равнина, т.е. кыргызы этим словом называли поверхность, где нет гор. Когнитивным признаком при градации данного концепта является **отсутствие / наличие растительности**: *талаа* — степь, поле;

куу талаа — сухая степь, пустыня; *боз талаа* — степь с низкорослой травянистой растительностью; безлесная степь; *өңгөк-дөңгөк талаа* — степь, покрытая неровностями *сары талаа* — безлюдная степь, пустыня; — сухая степь без сочной растительности, покрытая ковылём, полынью и т.п. *Бозоңго чыгып отурдук* — мы вышли наружу на сухое место, на бугорок и сидели; *тарагай* — безлесная местность, где не растёт ель.

Поляна (*түзөң, көк түзөң, жайык, көк жайык, майдан, жайдак*). В восприятии кыргызов поляна предстает как часть горы, ровная поверхность горного пространства; *түзөң* — это поляна; *көк түзөң* — маленькая зелёная полянка. Другой вид поляны — это *жайык*, чаще *көк жайык* — зелёная горная поляна. *Майдан* заимствовано из иранского языка, обозначает поле битвы, фронт, в другом значении это возделанная, обработанная земля, площадь, покрытая зеленью; *көк ала майдан* — зелёная лужайка, зелёный луг; *сары майдан* — местность, покрытая пожелтевшей растительностью. Открытые местности в горах, голые, без растительности называют словом *жайдак*.

Концепт «Лес»

Лес (*токой, чер, чар*). В кыргызском понимании и представлении лес — это больше заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озёр. На склонах кыргызских гор встречается густой, непроходимый еловый лес, который называют *чер*. Разнолесье по берегам рек, горных речушек называют *чар*.

Пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения, что еще раз доказывает, что восприятие пространства — одно из первых и элементарных проявлений познания мира человеком [Гак 2000, с. 134].

Интерпретация концепта «Пространство» в грамматике

Проблема отображения пространства в языке уже долгое время находится в центре внимания специалистов различных направ-

лений, связанных с человеком. Тем не менее эта тема далеко не исчерпана, и одним из относительно «белых пятен» остается универсальная и стандартная классификация «пространственных» отношений, выражаемых средствами языка. Общеизвестным уже в настоящее время является взгляд на язык как отражение не непосредственной действительности, но представляющей собой картину мира, созданную эволюцией сознания и культуры человечества. Представления, а затем и категория пространства у древних тюрков возникли, по всей видимости, на основе наблюдения и практического использования положения и отношения объектов относительно друг друга, их объема, протяженности. Для восточного представления о пространстве характерно то, что оно используется для обозначения таких отношений, как локализация и направленность. «Будучи средоточием культуры, этот предметонаполненный объем пространства выступал носителем организующего начала, — отмечают исследователи тюрков Южной Сибири. — Отделяя своего создателя от Вселенной, жилище служило для него естественной точкой отсчета — одновременно центром притяжения. Отсюда человек отправлялся в открытый путь, сюда он возвращался как в убежище» [Львова и др.].

Для интерпретации пространства в языке сформировались грамматические модели. Одной из существенных моделей для выражения пространственных отношений в тюркских языках является категория падежа. В рамках 6-членной категории падежа половина форм, а именно: форма дательного-направительного падежа, форма местного падежа, форма исходного падежа — предназначен для грамматической интерпретации пространства. Поскольку восприятие человека рисует в его голове пространство, простирающееся во вне, то наличие центра необходимо. Наличие центра является результатом восприятия человеком действительности и тенденции к ограничению или концентрации свойств пространства в какой-либо его точке. В соответствии с научными выводами пространство бесконечно, поэтому центром может служить любая его точка. «Направление» — основной признак характеристики пространственных связей, точнее движения в пространстве, видимого глазу. «Направительность» — общекатегориальный признак концепта движения, «оторванного» от «реального» пространства и по-

груженного в пространство нашей мысли, а затем моделируемого в языке. Таким образом, категория направительности представлена в сознании и в языке как функция, или отношение движения к определенному ориентиру. При помощи категории направительности в языке моделируются позиции по отношению к центру как к точке отсчета: а) к начальной точке движения, б) к конечной точке движения, в) точка пространства. Именно эти пространственные позиции получили в тюркских языках грамматическую интерпретацию. Ситуация «направленность от начальной точки движения в пространстве» лежит в основе грамматической семантики исходного падежа; ситуация «направленность к конечной точке в пространстве» лежит в основе дательного падежа; ситуация «точка пространства» лежит в основе семантики местного падежа. Грамматический статус падежных форм говорит о системной значимости данных грамматических форм для тюркских языков. Эти падежные формы в силу своей обязательности и обобщающей силы охватывают все именные части речи тюркских языков. Грамматические категории обнаруживают непосредственную связь с когнитивной деятельностью человека, подтверждением чему служит существование в реальном мире материальных предпосылок грамматических явлений и их способность выражать внеязыковую действительность. Так, несмотря на то, что национальное языковое сознание избирательно в подходе к использованию человеческого опыта, оно по-своему членит реальность и предлагает свою собственную категоризацию мира. Это выражается в том, что смысловые константы получили разное преломление в различных языках.

Концепт «Движение в пространстве»

Для кочевника пространство было безгранично. В отличие от земледельца, глубоко укоренившегося на своей земле, кочевник был в постоянном движении. Земля наравне с прочими природными условиями выступает у кочевых народов в своей первичной безграничности. Земли в кочевых обществах, как бы их ни называть — собственностью, пользованием, владением, — носили коллективный характер, опосредовались причастностью к тому или иному социуму, кочевавшему на данной территории [Гумилев].

Выяснение когнитивных предпосылок, а также механизмов передачи пространственных смыслов, осмысление интегративного смысла категории движения и выделение данной категории как одной из основополагающих для человеческого мышления и языка остаются актуальной для лингвистики задачей. В тюркских языках концепт «движение» чрезвычайно значим. Ибо движение в пространстве — это способ жизни древнего кочевника. Если земледельцы проживают время в ожидании урожая, то кочевники проживают пространство в поисках хлеба насущного. Кочевники знают пространство вдоль и поперек и умеют хорошо ориентироваться в нем. Кочевой образ жизни, основой которого является движение, связан с преодолением пространственных препятствий, преград. Семантическая детализация направленности в тюркских языках находит реализацию уже на уровне лексической номинации. Специфика языковой концептуализации движения проявляется в отражении в глаголах особенностей пространства, особенностей жизни в горах, различных видов передвижения по склонам гор, по хребтам, по воде, верхом на лошади. Языковая презентация способов передвижения верхом в зависимости от характера ходьбы лошади (аллюр, карьер, иноходь, рысца и т.д.) находит выражение в многочисленных глаголах, не имеющих эквивалентов в других языках. Особый интерес вызывает отражение в кыргызской лексике характера движения диких и домашних животных, насекомых, птиц.

Ориентация в пространстве является жизненно необходимой и особенно актуальной для кочевых народов, поскольку большая часть жизни кочевников проходит в постоянных перемещениях в границах обширных кочевых территорий.

Ядро лексико-семантической группы глаголов движения в кыргызском языке составляют такие базовые глаголы, как: *баруу* — пойти, сходить, *келуу* — прийти, *кетуу* — удаление, *басуу* — ходьба без актуализации направления, *жүрүү* — движение вообще, *жетуу* — направление к пространственному пределу, *кируу* — направление вовнутрь, *өтүү* — проходить, *чыгуу* — подниматься вверх, выходить, *жөнөө* — отправиться, *түшүү* — спускаться вниз, *жылуу* — медленно двигаться, *көчүү* — кочевать, переезжать, *чуркоо* — бегать, *жүгүрүү* — бежать, *учуу* — летать, *сүзүү* — плыть/плавать, *ашуу* — проходить через перевал, *кечуу* — проходить через

воду, *качуу* — убегать, *кайтуу* — возвращаться, *сызуу* — двигаться ровно, плавно, *куу* — догонять. С помощью указанных глаголов в кыргызском языке происходит лексическая детализация концепта «Движение...». Лексические номинаты в виде односложных глаголов, представляют все основные аспекты движения в пространстве. Мельчайшая дифференциация разных аспектов движения, находящая отражение в лексике, говорит о трехмерном восприятии пространства. Кыргызские глаголы детализируют движение в объемном пространстве: по горизонтали в разные стороны, по вертикали вверх и вниз. Возможно, для нашего познания необходимо осмыслить, концептуализировать движение, не отделяя от его характеристик, так как способ передвижения здесь, несомненно, занимает важное место. Концепт «Движение...» формируется набором следующих сем: «направление», «темп», «среда», «пространственный предел». Большое количество глаголов движения в кыргызском языке, существующих в словаре, говорит о том, что концепт «Движение...» в кыргызском языке является достаточно емким, что свидетельствует о дифференцированности этой категории. Особенно значимым для концепта «Движение...» представляется такой аспект, как «направление». Кыргызские глаголы имеют вербальное выражение для наименования многочисленных аспектов передвижения, особенно семантическую детализацию получает направленность движения: *чык / түш* — направленность вверх / вниз по вертикали, *чык / кир* — противопоставление направленности по горизонтали; *кел / кет* — приближение / удаление, *жет/кайт* (дойти / возвратиться), достижение / удаление по отношению к пространственному пределу. Семантический компонент «темп» играет существенную роль в лексической номинации кыргызских глаголов, по принципу «медленно / быстро» противопоставляются глаголы *жыл*, *бас / чурка*, *жүгүр*. Семантический компонент «движение через препятствие» выражается глаголами *кеч* — проходить через воду, *аш* — проходить через горный перевал. Глагол *өт* выражает общую семантику прохождения через препятствия. Оппозиция *кач* — *куу* выражает процесс беглого отступления и преследования. Семантический компонент «среда» актуализируется в глаголах *уч* — лететь, *сүз* — плыть. Лингвокультурологическую специфику в данном поле представляет глагол *көч* — переезжать, кочевать.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает кыргызский глагол *жүрүү* который обозначает обобщенное понятие движения. При обозначении конкретного движения глагол *жүрүү* всегда сопровождается определенными индикаторами направления: *басып жүрүү* — *ходить*, т.е. движение шагом, *чуркап жүрүү* — бегать, т.е. движение — бег, *учуп жүрүү жөргөлөп жүрүү* — ползать, т.е. двигаться ползком. Вместе с тем этот глагол в кыргызском сознании ассоциируется с понятием «жить, существовать, находиться в состоянии активной жизнедеятельности», поэтому употребления *окуп жүрөм* — учусь, *иштеп жүрөм* — работаю, а также этикетный вопрос *Кандай жүрөсүң?* — Как ты живешь? свидетельствуют о философском аспекте глагола *жүрүү*, указывающего на понимание движения как сути жизни.

В периферию ЛСП «движение» в кыргызском языке входят две подсистемы: 1) пространственные дериваты; 2) экспрессивно-образные дериваты.

1. К пространственным дериватам относятся производные от именных частей речи, обозначающих различные пространственные объекты, главным образом связанных с горным ландшафтом: *кыяла* — двигаться по склону, *кырла* — двигаться по горному хребту, *капталда* — двигаться по склону горы, *одуула* — двигаться по горному склону вверх, *жөндө* — двигаться по гребню горы, *жөнкү* — двигаться по крутому спуску (о человеке, животном), *жөөлөп жалаңда* — передвигаться по горам то пешком, то верхом, *жапыста*, *эңкейиште* — спускаться, двигаться вниз, *жээкте* — двигаться по краю, по берегу, *көлчүлдө* — хлюпать по воде, грязи, *шырпылда* — хлюпать по воде (о всаднике), *чалтылда* — шлепать по воде, *балчылда* — переходить через что-то мокрое, *жөөлө* — идти пешком, *жылбыш* — скользить, *арала* — ходить, бродить среди чего-либо и т.д.

2. Экспрессивно-образные дериваты. Глаголы, образованные от образных и звукоподражательных корней, выражают различную манеру передвижения. Эти глаголы, как правило, отдельно не употребляются, являясь дополнительной характеристикой основного глагола движения. В силу широкой употребительности они являются неотъемлемой частью характеристики движения. Семантически эти глаголы можно распределить по когнитивным аспектам.

Разные аспекты передвижения верхом на лошади:

чабуулда — скакать быстро карьером без определенного направления, *таскакта* — бежать рысью, *чап* — быстро бежать карьером, *закылда* — двигаться твердо, решительно, держа четкий шаг, *жайакта* — гарцевать молодецково, *маңқаңда* — идти бодро, высоко держа голову (о коне);

салпылда — трюхать, трусить (о лошади), *кыйтыңда* — бежать мелкой тихой иноходью, *жортотчо* — бежать мелкой рысью, *жорголо* — идти иноходью;

желүү — бежать легкой рысью, трусцой, *жарыш* — состязаться в беге, *дарбы* — нестись раззадорившись (о лошади), *атырыл* — напористо рваться вперед;

(о лошади), *жанашала* — двигаться рядом, бок о бок, *домпулда* — трюхать;

(о лошади), *илки* — двигаться медленно, вяло, лениво, плестись, *илби* — плестись, двигаться медленно и вяло (о всаднике), *зыргы* — стремительно двигаться, *зымыра* — мчаться, *зырылда* — мчаться, *закымда* — мчаться, нестись, *жүрүүңкүрө* — еле двигаться, *күймөл* — замешкаться, медленно двигаться, *кетенчикте* — отпрянув, двигаться назад, *андаала* — расходиться в разные стороны, *арыла*, *оолакта* — удаляться.

Характерное движение других видов животных, птиц, природных явлений:

желкилде — идти колыхаясь (о верблюде), *эбелекте* — парить, застыть в воздухе (о коршуне или жаворонке), *кайкы* — летать быстро, плавно (ныряя) (о ласточке, стриже), *калкамаңда* — двигаться медленно, плавно кружась (о беркуте), *калкылда* — двигаться плавно, покачиваясь влево, вправо, *калкы* — плавать наверху (в небе, на воде), *арымда* — шагать большими шагами, *сереңде* — двигаться прыжками (о маленьком ребенке, зайце), *сойло* — ползти на животе (о змее), *жылжы* — сочиться медленно, ровно (о воде), *карайла* — двигаться ощупью, *жөрмөлө* — ползти (о ребенке, черепахе, пауке, змее), *жөргөлө* — семенить, перебирать ногами на четвереньках, *айланчыкта* — ходить вокруг, *секир* — прыгать, скакать, *жыбылжы* — еле-еле струиться (о воде), *огдоруу* — яростно с силой вздыматься (о волне), *думала* — катиться, перекачиваться, *була* — виться, тянуться вверх (о дыме, пыли).

Особо можно выделить небольшую группу глаголов, имеющих значение целевой обусловленности передвижения:

чабытта — летать или рыскать в поисках добычи;

кыдыр — обходить все вокруг в поисках чего-то;

кубала — гнаться, преследовать;

жойло — бегать в поисках добычи, рыскать;

жолоочула — быть путником, странствовать;

кез — бродить, странствовать, путешествовать;

жолдо — направлять, отправлять (по чьим-то следам).

Для кыргызского концепта «Движение...» принципиально важен еще один аспект, а именно, манера движения, при этом имеющая коннотативную окраску и выражающаяся огромным массивом так называемых изобразительно-образных глаголов. Это уникальный класс стилистически-экспрессивных глаголов, которые представляют особенности национального характера восприятия движений человека со стороны, с точки зрения оценки походки человека, манеры двигаться. Концепт «Движение...» наполняется колоритным содержанием, присущим только кыргызскому языку. Пейоративная оценка при этом преобладает. Необычайно широкая распространенность данного типа глаголов свидетельствует об особенностях ментально-языковой концептуализации, при которой кыргыз, воспринимая походку человека, может дать оценку не только его внешних данных (рост, комплекция, физические недостатки), а также характеристику внутренних отрицательных качеств человека (его надменности, угодливости, неискренности и т.д.), темперамента, социального поведения. Иронично-отрицательное восприятие походки можно проиллюстрировать следующими случаями типичных выражений: *балтаңдап басуу* — походки полного человека, *зоңкойуп басуу* — походки высокого человека, *зымпыйып басуу* — походки скрытного человека, *зыңкыйып басуу* — походки педантичного человека, *тыртайып басуу* — походки худого человека, *бүкчүйүп басуу* — походки сгорбленного человека, *түйтүйүп басуу* — походки шуплого человека, *байпаңдап басуу* — ходить вперевалку, *зыңгырап басуу* — надменно-медлительная походка, *чүкчүңдөп басуу* — походка тщедушного человека, *тартаңдап басуу* — походка в раскорячку полного человека, *дүңкүлдөп басуу* — шумная походка сутулого человека, *таркылдап басуу* — шумная

походка невоспитанного, бескультурного человека, *болтоңдоп басуу* — походка пухлого, маленького человека, *койкоңдоп басуу* — походка жеманного человека, *эпилдеп басуу* — торопливая походка угодливого человека, *тыпылдап басуу* — торопливо-семенящая походка, *кайкайып басуу* — ленивая походка важного человека, *алаңдап басуу* — походка постоянно озирающегося по сторонам человека. При этом такая оценка объективно может не соответствовать действительности. Это субъективное восприятие говорящего, его собственное мнение относительно внешних, внутренних качеств другого человека. Это достаточно обширный класс безэквивалентных глаголов, которые функционируют в деепричастной форме в сочетании с глаголами-модификаторами и имеет фактически неограниченную сферу употребления. Кыргызские изобразительные глаголы имеют весьма широкие зоны семантического охвата.

Интересно рассмотреть данный концепт на фоне других языков. Полевая систематизация способов выражения концепта «движение» в русском и английском языках показала, что языковое сознание разных народов по-разному расчленяет и воспринимает одну и ту же категорию. Это обусловлено и образом жизни народа, и географическими условиями обитания.

Ядерную зону концепта «Движение...» в русском языке составляют шесть пар глаголов: *идти* — *ходить*, *ехать* — *ездить*, *бежать* — *бегать*, *лететь* — *летать*, *плыть* — *плавать*, *ползти* — *ползать*. В семантике базовых русских глаголов движения заложено указание на направление перемещения, и чаще всего векторное значение соединено с движением. Глаголы векторного движения в русском языке не так многочисленны, и характерная их особенность состоит в том, что они тяготеют к регулярному противопоставлению по признаку «однонаправленность — разнонаправленность». Когнитивный признак «направление по горизонтали», лежащий в основе этих глаголов, образует специфику таких глаголов в русском языке. Данный признак указывает на особенности языковой интерпретации данного концепта носителями русского языка. Русское языковое сознание не дифференцирует направление движения по вертикали. Необозримость равнин и бескрайние просторы, по которым русский человек большей частью передвигался вширь по горизонтали, говорит о плоскостном восприятии прост-

ранства. «Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души, — писал Н.А. Бердяев. — Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремление в бесконечность, широта» [Бердяев]. Когнитивный признак «разнонаправленность» подтверждает мысль о том, что опыт освоения необъятного русского пространства «вдоль и поперек», т.е. в разных направлениях, позволяет актуализировать в русском языковом сознании этот достаточно существенный когнитивный признак на уровне базовой лексической номинации. Языковая реализация когнитивного признака «направление по вертикали» в русском языке имеет место, но только на вторичном этапе, т.е. на периферии поля, с помощью других «подручных» языковых средств, т.е. здесь привлекаются глаголы с другим лексическим значением (к примеру, *спускаться* и *подниматься*), далее к ним присоединяются дополнительные аффиксы (-ся), и только после этого лексика русского языка приобретает производные слова со значением движения по вертикали: *подниматься* и *спускаться*.

Периферийную группу концепта «Движение...» русского языка образуют следующие подсистемы: 1) бесприставочные глаголы; 2) приставочные и постфиксальные образования; 3) сочетания с наречиями и деепричастиями.

1. В первую подсистему можно отнести стилистически маркированные глаголы типа: *шагать, мчаться, брести, путешествовать, колесить, скользить, ковылять, хромать, семенить, трусить, топать* и т.п.

2. Разнообразие семантических аспектов движения в русском языке формируется, главным образом, за счет словообразовательных ресурсов языка, а именно за счет префиксов, с помощью которых можно выразить многочисленный спектр всевозможных аспектов пространственной ориентации движения: *бежать* — *забежать, прибежать, добежать, выбежать, сбежать, отбежать, побежать, убежать*. Если однонаправленный глагол (*бежать*) варьирует семантику движения строго в плане курсивной ориентации, то его лексико-грамматическое соответствие *бегать* модифицирует значение движения не только в курсивном аспекте, но и в плане других акционсартных видоизменений, а именно:

фазовости, временного ограничения, интенсивности движения: *забегать, отбегать, побегать, избегать, прибежать, сбежать, добегать*. Разные способы действия отражают типичные семантические изменения глаголов движения.

3. Наречие, являясь выразителем признака действия, выраженного глагольной формой, характеризует это движение с точки зрения манеры, способа его совершения, сравнения, уподобления движения. Описательные сочетания с наречиями и деепричастиями в русском языке *вразвалку, в раскорячку, галопом, кубарем, на карачках, переваливаясь, прихрамывая* и т.п. имеют отношение к детализации внешней характеристики движения.

Базовых исконных глаголов, со значением движение в английском языке всего два. Сюда можно отнести глаголы *to go* — идти, *to come* — приходиться. По меткому замечанию Н.А. Бердяева, «на Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации — и строение земли и строение души» [Бердяев]. И действительно, родина англичан — это островное государство, жизненное пространство физически ограничено географическими пределами, и поэтому языковой менталитет формировался в условиях отсутствия простора для безграничного перемещения; физическая скованность в передвижениях отразилась и на языковом осмыслении пространства и перемещения в нем. Для англичан окружающий мир был больше статичным, чем динамичным. Можно предположить, что языковое сознание англичан в значительной степени субстантно. Языковым подтверждением этим доводам может служить не только номинативная «скудность» в виде 2 глаголов движения в английском языке, но и случаи так называемой языковой «компенсации», когда для выражения глагольного движения привлекаются другие части речи. Такой процесс называют конверсией, когда имя существительное используют для мотивации глагольной семантики. Использование частеречной конверсии (трансформации) в английском языке может свидетельствовать о том, что в языковой концептуализации движения мотивирующей основой служит прежде всего субстантная сущность (земля, дом, море и т.д.). Именно по отношению к ним конкретизируется направление, темп, способ передвижения. Употребление глаголов движения, образованных в

английском языке путем конверсии (*to bike, to boat, to hop, to boo, to barge, to chicken*), отражает особенности языковой концептуализации. Возможно, для английской ментальности активное движение в пространстве не считалось чем-то стоящим внимания. Мотивирующей базой глаголов движения в английском языке выступают определенные лексико-семантические группы существительных, обозначающих наименования животных, транспортных средств, названий танцев, природных объектов и явлений, звуковых явлений, наименований инструментов, видов спортивных состязаний. Разнообразие лексико-семантического спектра английских глаголов движения непосредственно соотносится с семантикой групп существительных, которые стали базой для конверсивного употребления в глагольной функции. Значительная часть вторичных глаголов движения в английском языке имеет конверсивное происхождение. Так, в основе ЛСГ глаголов средств передвижения лежат существительные, обозначающие различные виды транспорта, ЛСГ глаголов манеры движения мотивируются существительными-наименованиями животных, танцев. ЛСГ глаголов характера движения связана с исходной семантикой существительных, выражающих природные и звуковые явления, ЛСГ глаголов темпа движения обусловлена семантикой существительных, обозначающих скоростные понятия.

Многовековой опыт жизни в постоянном движении, перекочевки с одного места на другое наложил свой отпечаток на процесс языковой концептуализации. Для сознания древних кочевников крайне важно актуализировать движение в разных его проявлениях.

§ 3. КОНЦЕПТОСФЕРА «ВРЕМЯ»

Общее восприятие времени

Как известно, время принадлежит к наиболее важным и сложным категориям человеческого сознания, оно издавна являлось объектом научного рассмотрения, осмысляясь и как способ отношения человека к миру, и даже как «нечто, что недоступно познанию» (цит. по: [Аскин 1966, с. 68]).

Понятие времени интерпретировалось с позиции самых разных научных дисциплин. В философии оно определяется как одна из форм существования материи, неразрывно связанная с пространством и движением (см.: Анисов, Никитин, Уитроу, Хайдеггер и др.). В физике время в единстве с пространством представляет собой совокупность всех возможных положений тел во все возможные моменты времени. Такое пространство-время обладает структурой, которая проявляется в характере законов, управляющих движением объектов (см.: Мостепаненко, Рейхенбах и др.). В культурологии и психологии время — это важнейшая культурная координата, с помощью которой люди воспринимают действительность и строят модель мира, существующую в их сознании (см.: Головаха, Гуревич, Яковлева и др.).

Временные отношения отражаются в семантике языковых единиц на грамматическом и лексическом уровнях. Наряду с известными грамматическими субкатегориями темпоральности для закрепления в языке этих представлений формируются особые лексические средства, образующие доминирующие лексико-семантические поля, указывающие на специфику осознания мира, на особенности ориентации того или иного народа во времени. Одним из важных полей темпоральности является поле природной цикличности, которое отражает, соответственно субъективным представлениям общества, объективную цикличность природных явлений. Другими важными полями являются поле физиологической цикличности в жизни человека и поле цикличности деятельности людей. На протяжении суток или года в природе, в физиологии или в общественной жизни людей регулярно происходят те или иные события. Регулярность этих событий позволяет человеку использовать их в качестве временных ориентиров, а соответствующие названия — в качестве особых лексических единиц. Таким образом, с одной стороны, формируются признаки общечеловеческой ориентации во времени, а с другой — специфические элементы национальных языков [Андреева 2004, с. 257—258].

В русском представлении концептуализация времени суток в большей степени зависит от того, **что** человек делает в период времени, о котором идет речь (в западном представлении дело обстоит скорее противоположным образом: взглянув на часы и опре-

делив время суток, человек знает, что ему надлежит делать). Так, если в западных языках *утро* концептуализуется как часть суток, предшествующая полудню, то для русских *утро* — это скорее время, когда человек уже проснулся и занимается приготовлением к основной дневной деятельности (умывается, одевается, завтракает), но еще не приступил к ней. Такое представление находит отражение даже в произведениях массовой культуры. Итак, если обозначение времени суток в русской языковой картине мира зависит в первую очередь от того, какой деятельностью оно заполнено, то в западноевропейской модели скорее наоборот: характер деятельности, которой надлежит заниматься, детерминируется временем суток [Шмелев 2002, с. 332—333].

«В практической деятельности человека членение времени осуществляется по двум шкалам: “субъективной” — все процессы разбиваются на одновременные, предшествующие и следующие за процессом восприятия, и “объективной” — все процессы соотносятся каким-либо другим процессом, используемым как временной эталон, и так же разбиваются на одновременные, предшествующие и следующие за ним» [Ванников 1996, с. 10].

В разных языках, а также в разных подсистемах внутри одного языка границы между сутками проводятся по-разному; момент, который считается началом новых суток, также может быть различным.

Так, началом новых суток может считаться:

- 1) заход солнца (библейское представление);
- 2) наступление полуночи (официально-юридическое);
- 3) момент пробуждения человека после ночного сна (бытовое)

[Шмелев 2002, с. 331].

Человек превращается в неустранимого участника процессов бытия, а на смену вычислительному подходу в изучении мышления, сознания и их свойств приходит телесный, корпоральный подход. Подлинная сущность времени может быть постигнута лишь в результате анализа сложнейших отношений между присутствием человека в мире и пониманием сути его бытия [Чугунова 2009].

Особого внимания заслуживает лингвистическая интерпретация этой сложной категории действительности, однако актуальным

для изучения её языкового воплощения является и привлечение данных других наук (в частности, психологии и философии, что и предпринимается в данной работе), поскольку одним из принципов современного языкознания является экспансионизм (см.: [Попова 2002]).

Как известно, при изучении времени в языке принято исходить из того, что время линейно, направленно, измеряемо, события всегда фиксируются на временной шкале точно или процессуально и соотносимы с наблюдателем, который занимает активную или пассивную позицию.

Изучение функциональных особенностей темпоральных лексем как одного из способов отражения времени в языке актуально по целому ряду причин.

Именно через семантическую сторону языковых фактов раскрывается связь языка с мышлением и человеческим сознанием, а парадигма современного языкознания в качестве основного элемента включает антропоцентрический подход к языку, интерес к его содержательной стороне: ведь «человек — это тот центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [Попова 2002, с. 69; Воркачёв].

Языковая фиксация времени осуществляется грамматическими, лексическими и функционально-стилистическими средствами, образующими целостную систему языковой темпоральности, т.е. временная семантика представлена в русском языке чрезвычайно широко и посредством разноуровневых единиц. Приоритет в описании языкового времени долго признавался за глагольными формами (см., напр.: [Бондарко 1971, 1999]), тогда как лексические средства выражения темпоральности изучены крайне мало, хотя и представляют особый интерес для исследователя. Таким образом, актуальным является рассмотрение лингвистического времени как лексико-семантической категории. Темпоральные лексемы чрезвычайно многочисленны и присутствуют в языке как сложная система с многообразными связями.

Слова с временной семантикой относятся к группе абстрактной лексики, а через наблюдение за лингвистическим освоением абстрактных представлений особенно ярко представляется когнитив-

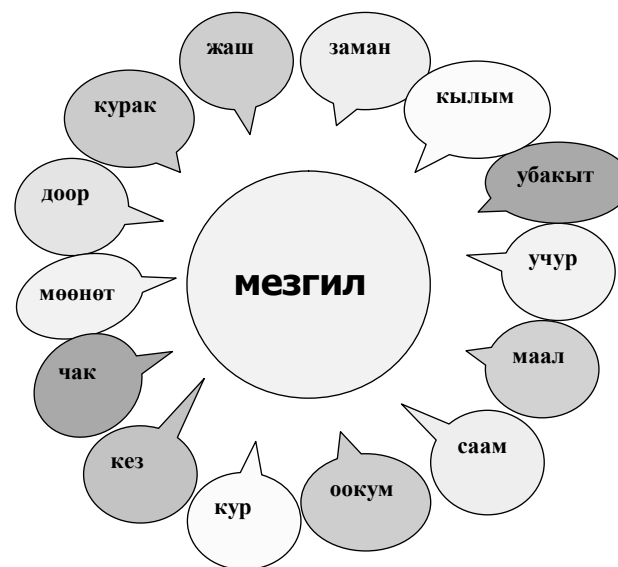
ная сущность языка. Именно по этой причине в рамках антропоцентрического подхода к исследованию языковых фактов «общее направление лингвистических исследований за последние десятилетия переключилось с предметно-пространственного аспекта мира на изучение его событийно-временных характеристик» [Рябова, с. 452].

Так как «лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира» [Топорова] (цит. по: [Куланина]), а «качественно различным типам бытия соответствуют и качественно различные типы времени, <...> оно всегда относительно и специфично» [Никитин, с. 88] (цит. по: [Ахмерова]), именно темпоральные лексемы в процессе своего функционирования наиболее полно отражают особенности восприятия времени индивидуальным человеческим сознанием и идентифицируют качественно различные виды «проживаемого» времени, языковые воплощения которого «вливают на наше поведение ничуть не меньше, чем фактор времени грамматического» [Яковлева Е.С.] (цит. по: [Колокольцева 2001]). Изучение времени жизни также является элементом антропоцентрической ориентации языкознания (см.: [Трубников]).

Именно на уровне лексических средств наиболее ярко проявляется, по замечанию В.И. Карасика, «специфика национального картирования мира средствами языка» [Карасик 2002, с. 115]. Изучение временной лексики, как считает Л.Р. Ахмерова, актуально ещё и потому, что она чрезвычайно древняя и, являясь частью основного словарного фонда русского языка (слова *день, век, год, лето* и др.), называет особенно важные для жизни человека реалии [Ахмерова 2004]. История темпоральных слов в языке отражает специфику становления человеческого сознания в области овладения абстрактными понятиями и во многом определяет современные функциональные особенности именующих их лексем: ведь именно исторический подход к рассмотрению языковых фактов позволяет изучить предпосылки современного состояния языка и выделить закономерности его развития (см.: [Бодуэн де Куртенэ; Шарадзендзе]).

В кыргызском языке номинативная плотность концепта «Время» достаточно высокая. Ядерной лексемой концепта «Время» в кыргызском языке является слово *мезгил* — время. Еще 14 лек-

сем вербализуют концепт «Время» в кыргызском языке, выражая различные аспекты семантической детализации данного концепта: *убакыт, учур, чак, оокум, кез, кур, заман, доор, маал, саам, мөөнөт, курак, жаш, кылым*.

Мезгил — это время вообще, время в философском, абстрактном понимании слова, которое используется у кыргызов для выражения его скоротечности: *мезгил учат* — время летит. В конкретном узусе это понятие используется для выражения климатических периодов, а именно: *кышкы мезгил* — зимний сезон, *жай мезгили* — летнее время и т.д.

Убакыт — слово, которое пришло из арабского языка и закрепилось почти во всех тюркских языках. В кыргызском языке оно используется для обозначения обыденного восприятия конкретного времени, для каждодневного использования: *убактым бар* — у меня есть время, *убактым жок* — у меня нет времени, *убакыт аз калды* — осталось мало времени, *убактысын кетирди* — он потерял время, *убакыт кутуп турбайт* — время не ждёт.

Чак обозначает конкретное время, определенную пору: *бала чакта* — в детстве. *Түш чак* — полуденное время и т.д. *Элигип сайрар чак ушул* (Ж. Бөкөнбаев) — это именно та пора, когда надо резвиться.

Учур — конкретный момент. Ср.: *азыркы учур* — текущий момент; *курч учур* — острый момент; *учур болбоду* — не представился момент; *учуру келип калыптыр* — подошёл момент.

Оокум употребляется в сочетании с детерминатором *бир* (*бир оокум*) и имеет значение конкретного момента времени, т.е. «в какой-то момент». Например: *Бир оокумда Жумагулдун атасы аттан түшүп, бээни жетелеп алды* (Шимеев) — В какой-то момент отец Жумагуль спешился и взял лошадь под уздцы.

Маал — это слово заимствовано из арабского языка и имеет значение определенного временного отрезка. Но чаще всего используется в сочетании с существительными, выражающими события для уточнения времени их осуществления (*таңга маал* — к рассвету). Ср.: *келээр малы болуп калды* — уже наступило время (когда он должен подойти), *кечки маал* — вечернее время; *Өзүңүз билесиз азыр орок маалы келип калды* (М. Абдукаримов) — Сами знаете, пришла пора жатвы.

Кез — временная пора, которая используется для временной локализации какого-то события, фиксации какого-то состояния суток. Ср.: *Тун ортосу ооп калган кез* (К. Жантөшев) — время, когда было уже за полночь. *Күн кечтеп көз байланган кез* — время, когда вечерело, наступили сумерки. *Бала кезде* — в детстве, *мектепте окуган кезде* — когда я учился в школе, *армиядан келген кезде* — когда я вернулся из армии и т.д.

Кур — в одном из своих значений имеет временное значение и употребляется как синоним слова «кез» и обозначает «время, пора, момент». Ср.: *бир кур балдар* — дети-сверстники; *үч кур келдим* — я три раза приходил;

Саам, чаще «*бир саам*», выражает конкретный отрезок времени, некоторое время. Это значение вторично, оно производно от основного значения слова *саам* — это доение, удой; *бээ саамы* — это промежуток времени между двумя доениями кобылиц (1—1,5 часа). Примеры: *бээ саамдан калбай кет!* (букв.: убирайся до дойки кобыл), т.е. убирайся немедленно. *Бээ саамга мында токтобо* — (букв.: не задерживайся даже на время дойки кобыл),

т.е. поскорее уезжай, уходи; *күндөгүсүнөн бир саам кечигип турганын билди* — он понял, что встал (проснулся) несколько позже, чем обычно; *бир саамча токтой калды* — он на минутку остановился.

Мөөнөт — срок, это конкретно лимитированный промежуток времени. Например: *кыска мөөнөт* — краткий срок; *айдоону кыска мөөнөттө бүтүрөбүз* — сев закончим в короткий срок;

Заман — заимствовано из арабского языка, обозначает время, эпоху; ср.: *жаңы заман* — новое время, новые времена; *азыркы заман* — современность, наше время; *байыркы заманда* — в стародавние времена; *атам замандан бери* — испокон веков; *акыр заман* — конец света. В переносном значении — это тяжёлые времена, время страданий; поговорка *азуулуга бар заман, бечарага зар заман* — когда зубастому — достаток, бедному — страдание.

Замат также заимствовано из арабского языка, обозначает время, момент, миг; употребляется часто в адverbiallyй форме *заматта* — моментально, в момент, быстро; *заматта көздөн кайып болду* — он вмиг скрылся из виду; *ошол замат* — в тот же момент; *ошол эле замат* — в тот же самый момент.

Кылым — век, эпоха. Ср.: *нечен кылымдар бою* — на протяжении многих веков; *жылдан жылга, кылымдан кылымга* — из года в год, из века в век; *өткөн кылымдын сексенинчи жылдарында* — в восьмидесятых годах прошлого столетия; *кылым карыткан* (букв.: составивший век) — искони, издавна.

Доор — заимствовано из арабского языка, имеет значение век, эпоха; *таш доору* — каменный век; *коло доору* — бронзовый век; фразеологизм *доор сүрүү* употребляется в значении «время властвования».

Жаш — время жизни, возраст. Например: *Жети күндүк жашым бар* — жить мне осталось семь дней; *ыргып кетет башыңыз, түгөнүп калат жашыңыз* — слетит ваша голова, кончится ваша жизнь; *карыган койдун өмүрүндөй жашым калды* — мне осталось жить немного (букв.: мне осталось жить столько, сколько старой овце).

Курак — время, возраст; *курагы жыйырмага жетпей* — когда он ещё не достиг двадцатилетнего возраста; *мен жыйырма бештеги курагымда* — когда мне было двадцать пять лет; *орто куракка ээ болгон кишилер* — люди, достигшие среднего возраста.

Концепт «Время суток»

Одним из наиболее ярких примеров времени как рефлексии пространства является концепт *суточного времени*. Данный концепт — один из ключевых и наиболее древних концептов темпоральной картины мира того или иного языка. Этот узловый темпоральный концепт сохраняет архаичные черты, которые были свойственны представлениям о времени в глубокой древности. В концепте «Время суток» ярко проявляются не только свойственные лишь данному концепту особенности, но и общетемпоральные особенности периодов времени: наступление, течение, окончание, которые, однако, получают особую этнолингвистическую интерпретацию в рамках данного концепта.

В терминах закрытого / открытого пространства также употребляются некоторые природные процессы, явления, объекты. В частности, широкая палитра временных значений связана с солнцем, с солнечным светом. Также когнитивно значимыми в временной интерпретации являются такие аспекты, как покрытие, окружение. Периоды, составляющие суточный цикл, а также некоторые природные явления, например темнота, таким образом, воспринимаются как нечто закрытое, ограниченное. В этом смысле мы можем говорить о некоем условном пространстве суточного времени. Время в этом плане представляется как нечто расширяющееся, поглощающее.

У кыргызов в древности существовало значительное количество слов для наименования времени суток, где состояние дня или ночи описывалось практически почасово, в зависимости от положения солнца и сочетания света и тени, т.е. не было просто «утро—день—вечер—ночь», а была целая градация временной протяженности. Лексика кыргызского языка располагает разными словами для описания времени суток.

Утренняя пора делится на две части: рассвет и само утро. Рассвет предшествует утру, и это время очень важно для кыргыза. Утро должно использоваться с максимальной пользой с хозяйственной точки зрения. Кыргыз мифически воспринимает наступление рассвета, который предстает в образе разрушителя темноты, пугала ночи *тан каракчы* (букв.: рассвет + пугало); рассвет у

кыргыза может восприниматься так же как выстрел лучей света *таң атуу* (букв.: утро + стрелять); утро предстает как белый луч, который распарывает ночной покров (*таң сөгүлүү*) или вытесняет покров ночи (*таң сүрүү*), рассвет в представлении кыргыза вспучивается, выпячивается наружу (*таң дүмпөйүү*), рассвет острожно выглядывает, «высовывается» из темной пучины, т.е. *таң кылайуу* — забрезжил рассвет. Фразеологизм *Таң кулан өөк салды* (букв.: утренний кулан выпятил брюшную часть), что обозначает: чуть забрезжил рассвет. По разнообразию вербальной интерпретации понятия «рассвет» можно сделать вывод о том, что в древнем сознании кыргызов утро представлялось чем-то необъяснимым, загадочным. В основе выражений, связанных с утром, лежат различные лингвокультурные коды: мифологический, антропоморфный, зооморфный и др.

Следующее за рассветом время — это само **утро**. Кыргызы в качестве временного ориентира использовали горы. В зависимости от того, на какую часть гор падали лучи солнца, определялось, конкретизировалось время: когда солнце касалось вершины гор — когда поднялось солнце, когда солнце освещает все и т.д. Например, *күн тоонун башына тийгенде* — когда солнце коснется макушки гор. В это время женщины доили коров, выгоняли скот на пастбища. Когда солнце показывалось из-за гор (*күн көтөрүлгөндө*) — скот уже был на пастбищах, женщины занимались домашними делами. Когда лучи солнца ровно освещали склоны гор (*күн текиши тийгенде*) — кыргызы называли этот промежуток малым полднем. Если солнце поднималось над вершинами гор, то это был полдень, который определял рубеж первой и второй половины дня.

Помимо горно-солнечного ориентира кыргызы пользовались и специальными языковыми номинациями для обозначения отрезков дня. Дневное время суток дифференцировалось в следующих понятиях: *улуу шайке* — время перед полуднем. Буквально *улуу* означало великий, большой полдень. Идиома *жалган түш* обозначала время ближе к полудню. *Жалган* обозначает ложный, т.е. момент, приближающийся к полудню; *түш* — полдень, *чак түш* — ровно полдень, *түш кыя* (*кыя* — наискось) — время сразу за полуднем, которое еще называлось иранским словом *бешим*; *кыргыз бешим* (букв.: кыргызский *бешим*) — время, следующее за *бешимом*; со-

четание *түш оогон кез* (букв.: когда перевалило за полдень) обозначало «далеко за полдень».

Вечер (основная лексема *кеч*) для скотоводов был очень важным отрезком хозяйственной жизни. В то время, когда спускается с гор скот, нужно многое успеть по хозяйству. Основные этапы вечерней поры измерялись следующими событиями: *күн батарда* — перед закатом солнца; время после захода солнца — *күн батканда*, т.е. учитывается время перед заходом солнца, после захода. Наблюдая за сменой теней и солнечных лучей на склонах и вершинах гор, кыргызы фиксировали и вечернее время. Ср.: *тоо ичи ала көлөкө болгондо, басканда* — (букв.: когда горы покрываются пестрой тенью), т.е. это время раннего вечера, когда на склоны гор местами впрямую с солнечными полосами ложится густая тень от неровных горных вершин. О позднем вечере говорят *каш карайды* (букв.: бровь потемнела), т.е. свечерело, стемнело.

Сумерки для кыргызов-скотоводов считались самым неприятным и нежеланным временем суток. Сумерек побаивались, существовали суеверия относительно этого времени суток. В это время считалось опасным начинать что-то делать. Кыргызы различали вечерние сумерки: *иңир* — ранние сумерки, *ире-шире* — сумерки, начало вечерней темноты, *көз байланган кез* (букв.: время, когда завязываются глаза), т.е. сумерки, начало вечерней темноты; *көз байланан калганда* (букв.: когда глаза завязаны), т.е. когда свечерело. Слова *куугум, ымырт* означают сумерки; выражение *куугум талаш* (букв.: спорные сумерки), т.е. это время, когда кончаются сумерки и начинается спускаться ночь; *бүрүл* (или *үрүл-бүрүл*) — поздние сумерки, вечерняя темнота.

Существует и иная интерпретация отрезков вечернего времени, в соответствии с которой оно дифференцируется в зависимости от разных видов деятельности людей в это время суток. А именно: *эл аягы басыла* (букв.: когда прекратится хождение людей), далее идет время ужина *тамак ичер*. Основная трапеза у кыргызов проходила поздно вечером. Затем фиксируется время после ужина *тамак текши ичкенде*, и наконец вечер завершается моментом, когда люди укладываются спать (*эл жатар*).

Ночное время измеряется степенью яркости звезд: *жылдыз толгондо*, или *жылдыз толо*, или *жылдыз толуп* (букв.: когда

звезды наполняются), что означает «поздно ночью, когда наступает ночь». Другой когнитивный признак, уточняющий ночное время суток, — это «степень вхождения человека в состояние сна». Ср.: *эл текши жатканда* — когда люди легли спать, *уйкуга кирерде* — перед сном, *текши уктаганда* — когда все засыпают, *тоор уйку* — глубокий сон. Дальнейший отсчет времени в ночи происходит относительно полночи: *түн ортосуна жакын* — около полуночи, *түн ортосу* — полночь, *түн ортосу оогондо* — за полночь, *таңга жук* — перед рассветом.

Деление суточного времени было связано также и с религиозными ритуалами, т.е. временем молитв, которые совершались в строго определенное время, все слова заимствованы из арабского и иранского языков: *багымдат* — рассвет; *багымдат маалы болгондо* — когда наступило время рассвета; утренняя мусульманская молитва; *суна или суна садык, тан супасы* — рассвет, утренняя заря; *сарт бешим* — время, следующее за полуднем, *бешим* — название молитвы, *намаздигер* — время перед самым заходом солнца, т.е. предвечерняя молитва; *намаз куптан* — время вечерней молитвы; *акшам* — ранний вечер и время вечерней молитвы; *намаз шам* — молитва после захода солнца.

Концепт «Времена года»

Времена года зафиксированы в кыргызском языке в исконной лексике: *жай* — лето, *жаз* — весна, *кыш* — зима, *күз* — осень. Вместе с основными обозначениями времен года кыргызы фиксировали и начало времен года. Например, начало лета называли *ала жай*, т.е. пестрое лето, а раннюю весну обозначали в кыргызском языке двумя лексемами: *көктөм* и *баар*. *Каңтар* — название одного из периодов зимы; *аюунун каңтары* — это время, когда среди зимы или ранней весной поднимается вьюга, буря, т.е. начинается сильный снегопад.

Как известно, климат в Кыргызстане является умеренно континентальным, и поэтому зимой бывает очень холодно, а летом очень жарко. *Чилде* — это сорок самых холодных дней зимой или сорок самых жарких дней летом; *кышкы чилде* или *кыш чилдеси* самое холодное время зимы; поговорка *чилденин бири калса да, жут бо-*

лот — если остаётся даже один день зимнего чилде, всё же может быть джут, т.е. падеж скота; *чилде кирди* — началось *чилде* зимнее или летнее; *дың сууган убак* (букв.: время, когда остывает пахотная земля, т.е. поздняя осень).

Есть устойчивое выражение *жоон сүзүлүп, ичке үзүлүп турган кез* — (букв.: время, когда толстое растягивается (становится тоньше), тонкое рвётся), т.е. для кыргыза это самое тяжелое время года, когда после холодной зимы кормов не остается, скот становится тощим, от бескормицы начинается падеж скота. Одним словом, для кыргыза ранняя весна — это время трудных испытаний.

Обозначение месяцев

Народный календарь кыргызов отражает привычный хозяйственный уклад жизни народа. По календарю кыргызов можно говорить не только о роли охоты в жизни кыргызов, но и об особенностях географического ареала, где им приходилось охотиться. По предположениям С.М. Абрамзона, названия месяцев в кыргызском календаре свидетельствуют о том, что многие из них связаны с наименованиями диких оленей. В этой связи он отмечает, что охота на этих животных имела промысловый характер. По результатам исследований А.М. Щербака, названия семи месяцев связаны с охотоведением. Год начинается с марта, который называют *жалган куран* (букв.: *жалган* — ложный, *куран* — джейран). Название этих месяцев, по одной из версий, связано с гоним молодых джейранов, который начинается в сентябре; некоторые из джейранов еще не способны стать производителями, и это выясняется к марту. Отсюда и название месяца *жалган куран*. Апрель называют *чын куран* (букв.: истинный джейран), т.е. это означает, что в апреле джейраны действительно становятся самцами. По этому принципу идет наименование последующих месяцев, которым соответствуют другие дикие животные. Май называют именем *бугу* (олень), июнь — *кулжа* (дикий козерог), июль — *теке* (горный козел). Август и сентябрь соответственно называют *баш оона* и *аяк оона* (букв.: *баш* — начало, *аяк* — конец, *оона* — косуля). По свидетельству охотников, гон у косуль начинается в конце августа и в начале сентября и длится около месяца.

Временные сезоны, связанные с жизненным циклом промысловых животных, были хорошо известны кыргызам. По другим источникам, месяцы, названные именами разных животных, — это периоды их окота. По мнению С.М. Абрамзона, у кыргызов существует еще очень много наименований, связанных с половозрастными особенностями промысловых животных. И многие из них связаны с оленями (*марал, соечор, букачар, музоо, тогуз айры бугу, он эки айры бугу*). Это свидетельствует о том, что олени имели огромное значение в хозяйственной жизни кыргызов. Все это дает основание предположить Б. Юнусалиеву и С.М. Абрамзону, что оленеводство было для древних кыргызов частью их хозяйственной жизни. На наш взгляд, наличие такого количества названий диких животных, используемых для наименования месяцев у кыргызов, дает основание для подтверждения исторической локализации кыргызского этноса в географических ареалах, где в изобилии водились дикие животные. Только длительное наблюдение за этими животными, знание всех особенностей их жизненного цикла, их повадок может свидетельствовать о том, что для жизнедеятельности народа эти животные, среда обитания, условия и циклы их размножения имели для кыргызов огромный смысл. Все это наводит на мысль о том, что названия этих месяцев уведут нас к довольно далекому прошлому кыргызов, географическое место обитания никак не ограничивается современной территорией кыргызов. Историческая память нынешнего поколения может дать возможность обозреть только XIX в., когда, по свидетельству наших предков, кыргызы были заняты скотоводством, в рамках которого преобладало овцеводство, коневодство, но об интересе кыргызов к оленеводству нет достоверных свидетельств. Охота занимала в жизни наших обозримых предков определенное место, но это существовало как небольшая часть деятельности и не имело массового характера, а в последующем стало иметь характер развлечения, но никак не промысел, обеспечивающий жизнедеятельность народа. Кроме того, местами обитания этих животных никак не могли быть горы Притяньшанья. Судя по всему, эти дикие животные являются принадлежностью другого географического ареала, возможно, Енисея, Прииртышья, Алтая (см. исследования Ю.С. Худякова, А. Мокеева и др.).

Концепт «Временной момент»

Для кыргызов большую важность представляют такие моменты, как *ай башы* (букв.: луна + голова) — новолуние, *ай арасы* (букв.: луна + между) — новолуние. Начальную фазу какого-то события отмечают такими временными конкретизаторами, как *адегенде* — на первых порах, в первую очередь, *башы-кашы* (букв.: голова — брови), т.е. самое начало чего-л.; *бул окуянын башы-кашы мындайча башталган болчу*, т.е. начало этого события было таким. Давность какого-то события обозначают временными фиксаторами *езелтеден* — со стародавних времен; *кенедейден* — с раннего детства, с младенчества; *алмустактан бери* — издавна, с незапамятных времён; *абалкы заманда* — в прежние времена; *илгери* — раньше, прежде; *кун илгери* — заранее, заблаговременно; *илгертеден*, *илгертен* — издавна, исстари, с давних пор; *мурунку заманда* — в прежние времена; *мурунтан*, *эбактан*, *эчактан бери* — издавна; *атам заманында* — очень давно (букв.: во времена моих отцов). Фиксация определенного момента выражается фразеологизмом *бешиктен бели чыкканда* (букв.: когда он (младенец) чуть только из колыбели начал показываться (чуть подрос)).

Самой распространенной лексикой, выражающей фиксацию других временных моментов, являются следующие слова: *кечээ* — вчера; *бая куну* — недавно, на днях, *баягында* — давно; *карга бок чокуй электе келдим* (букв.: я пришёл, когда ещё ворона навоза не клевала), т.е. я пришёл ни свет, ни заря; *мурда (мурун)* — раньше, прежде; *мурдагуну* — позавчера, *бүрсүгуну* — позавчера, *бийыл* — в этом году, *былтыр* — в прошлом году, *илгери* — давным-давно.

Любопытно, что кыргызская лексика на фоне ограниченного количества лексических показателей будущего времени изобилует конкретизаторами прошедшего времени.

Фиксация конкретного момента выражается с помощью арабского слова *маал* (момент): *түшкө маал* — к полудню; *таңга маал* — к рассвету; *жазга маал* — к весне; *кечке маал* — к вечеру, а также с помощью слова *жуук* (близко): *таңга жуук* — к рассвету, перед рассветом; *кечке жуук* — к вечеру; *кечке жуук болгондо* — когда начало вечереть; *кузгө жуук* — к осени, перед осенью;

кышка жуук — к зиме, близко к зиме; *жуук арада* — в недалёком будущем.

Порой для фиксации временного момента используются фразеологизмы: *жети түндө* — (букв.: в семи ночах) обозначает «среди ночи». Ср.: *Жети түндө мында эмне кылып жүрөсүн?* — Ты что здесь посреди ночи делаешь? *Жер баспай турган кезде* (букв.: когда он не ходил по земле, а парил над ней), т.е. когда он был в расцвете сил.

Интересно у кыргызов обозначение даты рождения. Дело в том, что до революции в XIX и в начале XX в. кыргызы не придавали особого значения дню своего рождения. Когда у старых кыргызов спрашивают, когда он родился, они упоминают какие-то моменты из традиционной хозяйственной жизни или характерные моменты сезона года, климата, явлений природы, которые запомнились во время рождения ребенка. Вот некоторые из них:

Эрте жазда — ранней весной, *кыш чилдесинде* — в пик зимы, *чөп орокто* — во время жатвы, *эрте күздө* — ранней весной, *кеч күздө* — поздней весной, *көк чыкканда* — когда появляется трава, *эл жайлоого көчкөндө* — когда люди поднимались на летовку, *эл жайлоодон түшкөндө* — когда люди спускались с летовки, *сакмал маалында* — во время *сакмала* (уход за новорожденными ягнятами), *ала шалбыртта* — ранней весной, когда начинает таять снег и появляются проталины, *боз кыроо түшкөндө* — когда выпал иней, *саратанда* — знойным летом, *токсон түшкөндө* — когда началась зима. Субстантивированным числительным *токсон* (букв.: девяносто) называли три зимних месяца — декабрь, январь и февраль.

Фиксацию временных периодов жизни проводили через каждые 12 лет, и назывались они *мүчөл* от слова *мүчө* — достигать года своего рождения по животному циклу. Например: *он үчүндө мүчөдү*, *андан кийин күчөдү* — в тринадцать (лет) он достиг своего возраста — *мүчөл*, а затем стал набираться сил. *Мүчөл* — это этническое понятие, которое обозначает двенадцатилетний животный цикл; первый цикл кончается тринадцатилетним возрастом, а затем каждые последующие двенадцать лет составляют новый цикл. Начало этого периода *мүчөл* года в старом быту считалось опасным. Существовало поверье, что именно в это

время может оборваться жизнь или случиться несчастье. Поэтому в год наступления *мүчөл*-возраста проводились всевозможные обряды, приносилось в жертву животное, старейшины давали благословение (бата) и т.п. Фразеологизм *мүчөлүңө жеткендей* (букв.: достигая очередного цикла *мүчөл*) обычно употребляется в ситуации, когда выражается реакция по поводу опасений, тревог собеседника, достигшего *мүчөл*-возраста — ты боишься, будто достиг своего *мүчөл*. Выражение *мүчөлүнөн өтүптүр* обозначает: он один цикл; *мүчөлүм жаш, көптү көрөм* (букв.: возраст у меня небольшой, многое увижу), т.е. я еще молод, многое у меня впереди; *менин бүгүн үчүнчү мүчөлүм* (букв.: у меня сегодня наступил третий *мүчөл*), т.е. мне исполнилось тридцать шесть лет. Лексема *мүчөл* употребляется также в значении юбилей, годовщина. Выражение *сен менин бир мүчөлүмдөгү баласың* (букв.: ты в возрасте моего первого *мүчөл*), т.е. по сравнению со мной ещё мальчишка.

Однако есть свидетельства, что кыргызы в древности имели опыт более точного соотношения времени рождения с определенным месяцем. С этой целью они использовали знаки зодиака (слово «зодиак» в переводе с греческого обозначает «животное»). По одной из версий, зодиак — это скопление из 12 звезд в виде обрамления — орбиты, по которой движутся планеты. У каждой звезды было свое название: *Козу* (ягненок), *Уй* (корова), *Босого* (порог), *Саратан* (майский жук), *Арстан* (лев), *Сүмбүлө* (вершки пшеницы), *Тараза* (Весы), *Чаян* (скорпион), *Жаа* (Стрела), *Теке* (Козерог), *Конок* (Собака), *Балык* (Рыба). Следует полагать, что древние кыргызы умели обозначать месяц своего рождения и были уверены, что характер ребенка зависит от того, в какой месяц он родился, точнее они связывали основные черты характера человека с повадками зодиакальных животных. О том, что календарь с 12-летним циклом вошел впервые у древних тюрков, говорил еще 10 веков назад Махмуд Кашгари в своем известном произведении «Дивани—Лугати ат Турк».

Жизнь кочевого народа была полна неожиданностей и испытаний. И поневоле они научились жить по звездам. По ним они находили дорогу, определяли времена года, по звездам могли точно определять начало одного и конец другого месяца, устанавливали

промежутки между временными сезонами, которые кыргызы называли «токсон», т.е. девяносто, так как каждый сезон исчислялся ими точным количеством дней (90), определяли точное время зимних и летних «чилде».

Концепт «Временной отрезок»

В человеческом мире время максимально конкретно. Временные представления, а затем категория времени возникли на основе восприятия смены состояний (труд сменяется отдыхом, чувство голода — чувством насыщения, бодрствование — сном и т.д.) и круговорота (смена дня ночью и обратно, смена зимы летом и обратно и т.д.). Особенности образа жизни кочевника-скотовода могут создавать особый «облик» рутины, и с позиции стороннего наблюдателя их время представляется менее событийно насыщенным и более предсказуемым. Но для самого человека оно неизбежно рутинизируется и наполнение внутреннего времени остается повседневным «жизненным потоком» [Чернявская 2006].

В повседневной жизни кыргызов измерение времени осуществлялось через такие рутинные факты жизни, как дойка кобылиц, приготовление пищи и т.д.: *аиш (эт) бышым* — отрезок времени, достаточный, чтобы сварилось мясо, это примерно около полутора-двух часов; *чай кайнам* — время, необходимое, чтобы вскипел чай, небольшой отрезок времени около 20—30 минут. Ср.: *чай кайнам мезгил өттү* — прошло 20—30 минут; *чай кайнамда кирип барабыз* — мы быстренько доедем (дойдём); *бээ саамы* — промежутков времени между двумя доениями кобылиц (1—1,5 часа); *бээ саамга мында токтобо* — ты здесь не задерживайся, т.е. поскорее уезжай, уходи. В последующем лексема *саам* (доение) подверглось лексикализации и стало употребляться для обозначения временного отрезка: *бир саам* — некоторое время, немного времени; *күндөгүсүнөн бир саам кечигип турганын билди* — он понял, что встал (проснулся) несколько позже, чем обычно.

При выражении временных промежутков употребляются и идиомы: *айт-буйт дегиче* — вмиг, в мгновение ока; *түн ката или түн катып* — всю ночь, ночью; *түн ката кайра узатышкан* — ночью

проводили обратно. Фразеологизм *ачып көздү жумгуча* имеет значение «не успели оглянуться, в мгновение ока».

Грамматическая интерпретация времени

С прошедшим временем в языковой картине мира человек связан памятью, к будущему отнесены его планы и надежды, а с настоящим человек связан ощущениями и переживаниями. Говоря о временах тюркского глагола, прежде всего легко заметить количественное превалирование форм прошедшего времени над формами настоящего и особенно будущего времени. Прошедшие времена имеют разнообразные формально-грамматические вариации, актуализируя разные аспекты реализации действия в прошлом: исполненное действие, постоянно выполняемое действие, действие, восстановленное в памяти, и т.д. Что же касается плана настоящего и будущего, то для тюркского сознания они зачастую сливаются воедино. «Чистые» будущие времена почти не употребляются в языке. Иными словами, считается, что прошедшее время в тюркских языках имеет более четко очерченные контуры, чем настоящее и будущее время, что дает основание некоторым исследователям говорить о том, что тюркский менталитет «обращен своим взглядом более в прошлое, нежели в будущее» [Исмоили 1996].

Несколько иначе видится нам грамматическое время в кыргызском языке. На наш взгляд, настоящее время для кыргызского человека имеет большую ценность для него в плане того, что настоящее время для кыргыза — это реально существующее время. Кыргызское языковое время представляет собой единую и целостную систему с гибкой и управляемой структурой. Ядром этой системы и центром основных ее связей является время настоящее. Другие субъективные времена порождены настоящим и сохраняют с ним «родственные» связи. В любой момент прошедшее и будущее могут быть «возвращены» в настоящее, т.е. кыргызское прошедшее-будущее — это *потенциальное настоящее*. Поэтому **настоящее — главное кыргызское время**. В нем и происходят наиболее значимые события жизни кыргыза.

В. Дильтей: «Настоящее есть наполнение временного момента реальностью, оно есть переживание в противоположность вос-

поминанию или представлениям о будущем, которые выступают в желании, ожидании, надежде, страхе, волнении. Эта наполненность реальностью, или настоящим, постоянно существует, в то время как то, что составляет содержание переживания, все время изменяется. Представления, в которых мы обладаем прошлым и будущим, наличны только для живущего в настоящем» (цит. по: [Абдулхамид Исмоили]).

Кыргызский глагол свидетельствует, что в картине мира его носителей настоящее время не отличается в принципе от прошедшего времени. Поэтому естественно предположить, что все времена воспринимаются коренными кыргызами как подлинные, реальные; так же предметно, надо полагать, воспринимается ими и время как таковое. Настоящее время — *окуп жатам*. Основу формы настоящего времени образует глагол *жат* — лежать, т.е. то, что происходит в настоящем для кыргыза, это все неторопливо, в состоянии устойчивого горизонтального положения, стабильности. Настоящее время кыргызами воспринимается в статике. Аналитические формы кыргызского глагола порождают длительное и устойчивое субъективное настоящее, в котором многое можно успеть, что придает быстропеременному физическому времени субъективную неторопливость и даже стабильность. Статическое восприятие времени определяет этические и эстетические оценки и характеристики. Идеалы кочевников, говорил В.В. Радлов, не совпадают с идеалами оседлых народов. Кочевник живет настоящим и наслаждается спокойствием, пока возрастающая в нем сила не побудит его к деятельности или враг не заставит взяться за оружие [Радлов 1885, ч. 5]. Диапазон действия настоящего кыргызского глагола (в отличие от русского) достаточно широк, так как оно почти всегда существенно выходит за пределы момента речи — распространяется на объективное будущее вплоть до его полного поглощения. Простые формы настоящего времени в соответствии с дистрибуцией обслуживают сферу настоящего времени или сферу будущего времени. В сочетании с формой местного падежа проявляется семантика настоящего времени глагола: *мен фирмада иштеймин* — я работаю на фирме; в сочетании с дательным-направительным падежом эксплицируется значение будущего времени: *мен фирмага иштеймин* — я буду работать на фирме. Кыргызский глагол свиде-

тельствует, что в картине мира его носителей настоящее время не отличается в принципе от прошедшего. И прошедшее и настоящее время конкретны, подлинны, реальны с уточнениями разных аспектов характера протекания действия.

Прошедшее время в кыргызском языке детально дифференцировано, так как оно более конкретно. В нем зафиксированы такие аспекты прошлого опыта, как прошедшее событие, но с результатом в настоящем (*окудум*), событие как факт отдаленного прошлого (*окугам*), «припомненное» событие — как факт памяти (*окуптурмун*), событие как привычное, постоянное действие в прошлом (*окучумун*).

Форма прошедшего времени на *-ган* в кыргызском языке включает следующее базовое значение: неактуальная прекращенная ситуация в прошлом, т.е. ситуация имела место только до момента речи.

Форма прошедшего времени кыргызского глагола на *-ды*, которая представляет обозначаемое событие как прошедшее, но вместе с тем это событие является как бы составной частью настоящего.

Форма прошедшего времени кыргызского глагола на *-чу* выражает констатацию какой-то привычной, длительной деятельности, часто повторявшихся действий в прошлом, которые не связаны с моментом речи.

Будущее время (*окуймун*), как уже было сказано выше, является продолжением настоящего времени. Будущее у кыргызов фиксируется только на стадии намерения, т.е. здесь как бы предполагаются действия, которые им предстоит сделать, но полной уверенности в совершении какого-то действия не бывает. К примеру, формы времени с аффиксом *-ар* (*болор*, *барар*) имеют модальные оттенки предположительности, неуверенности, вероятности, гипотетичности, т.е. выражают значение «еще совершу какое-то действие: *окуурмун* — возможно, еще поучусь. Будущее время для кыргызского сознания как бы не настоящее, ирреальное, воображаемое. Кыргызы были суеверными, они старались не загадывать в будущее, не предопределять его заранее. К любому пожеланию в будущем, планируя какие-то дела, они добавляли идиому «*кудай буюрса*» — если бог даст.

Кыргызский язык актуализует объективное прошедшее-будущее и превращает его в протяженное субъективное настоящее;

прошедшее и будущее оказываются в сфере досягаемости человека, его чувств, разума, воли и рук. Время как таковое актуализуется, конкретизируется и, наконец, в результате всего этого — РЕАЛИЗУЕТСЯ. Человек мыслит и движется, действует и живет в реальном, практическом времени. Время подчиняется человеку, делается удобным и «послушным» в обращении, превращается в доступное и универсальное средство человеческой деятельности.

§ 4. КОНЦЕПТОСФЕРА «РОДСТВЕННЫЕ УЗЫ»

Концепт «Семья»

В кыргызской системе родственных отношений концепт «Семья» имеет несколько иное содержание, нежели это имеет место в европейской традиции. В европейском понимании семья — это муж, жена и дети, то у кочевых народов семья — это целый клан, объединяющий всех сыновей, их жен с детьми, старых родителей. Большая семья для кочевых народов явление распространенное, ее члены могли жить в нескольких юртах, при этом выделялась «большая» отцовская юрта, являвшаяся центром жизни семьи. Главное место в семье занимает мать, на которой лежит забота обо всех. Дети у кыргызов считались главным достоинством матери: *эненин көркү балада*, т.е. красота матери в детях. Мать олицетворяется с горным источником, а ребенок — это жеребенок в пустыне, которого всегда спасет родник: *эне тоодогу булак, бала чөлдөгү кулан* (букв.: мать — горный родник, дитя — жеребенок в пустыне). О том, что для матери все дети одинаково дороги, гласит поговорка: *Энеге баланын алалыгы жок*, т.е. для матери все дети равны. Об истинной красоте материнства говорится в пословице: *Дайранын көркү кемде, баланын көркү энеде*, т.е. красота реки — в пароходе, красота ребенка — в матери.

Материнская любовь (*энелик мээрим*) и нежность к ребенку выражаются в поговорке: *Карга баласын аппагым дейт, кирпи баласын жумшагым дейт* (букв.: ворона называет своего детёныша беленьким, ёж называет своего детёныша мягоньким). Проявление нежных чувств родителей к детям в кыргызском фоль-

клоре нередко передается через призму отношения к животным, особенно к домашним животным, повадки которых кыргызам были хорошо понятны. Ср.: *эчки сүйөт баласын, «тентегим» деп, кой сүйөт баласын, «жөнтөгүм» деп* (букв.: коза ласкает своего детёныша, говоря «озорник мой», овца ласкает своего детёныша, говоря «смирненький мой»). Ласковые обращения к детям — *күчүгүм* (мой кутенок), *берекем* (моя радость), *көлөкөм* (моя тень), *чырагым* (светильник мой), *каралдым* (моя надежда, опора). Чтобы уберечь детей от дурного сглаза, кыргызы никогда не обращаются с положительными эпитетами, т.е. не принято говорить: ты моя красавица, очаровательный ребенок, чудное создание, ангелочек и т.п. Напротив, выражая эмоции по отношению к ребенку, родители нарочито используют пейоративные эпитеты, называя какие-то физические недостатки ребенка: *бучугум* (курносый мой), *сасыгым* (пахучий мой), *бултугум* (толстощекий мой), *майрыгым* (криволапый мой) и т.п. Существует суеверие, что, используя нарочито насмешливые обращения, взрослые оберегают его от сглаза.

Символом материнской заботы является материнское молоко: *эне сүтүн актоо* — *унутулгус карыз*, т.е. оправдание материнского молока — это неизбывный долг. На плечах матери лежит достойное воспитание детей. Девочек с детства готовят к жизни в другой семье, обучают вести домашнее хозяйство, приучают к рукоделию, к соблюдению обычаев и т.п. Другими словами, мать является образцом для подражания для дочери: *Энесин көрүп-кызын ал, эшигин көрүп-төрүнө өт* (букв.: бери в жены девушку, оценив ее мать, в дом проходи, оценив порог). За воспитание дочери несли ответственность матери, за сыновей отвечали отцы, и об этой ответственности гласит поговорка: *Эне тыйбас кыздан түңүл, ата тыйбас уулдан түңүл* (букв.: не жди ничего хорошего от дочери, которую не может одернуть мать, не жди ничего хорошего от сына, которого не может одернуть отец). После замужества дочери общались со своими родителями очень редко, они могли навещать своих родственников (*төркүн*) только в качестве гости.

Об отношении к отцу в кыргызской семье говорится в следующих пословицах: *Алты кун ачка калсан да атанды сыйла* — Голодай хоть шесть суток, но отца почитать не забудь.

Абийир тапса баласы, атасына бак конот — Если у сына есть честь, то отец будет счастлив. *Атан алтымышка чыкканда алдап-соолап күчүн ал* — Когда отцу исполнится шестьдесят лет, уважая (улещая), используй его силу. *Атанын жаман көргөн уулу түк күттү* (букв.: нелюбимый сын отца скот завел), т.е. оказался хорошим хозяином. *Атанын каргышы — балага ок* — Проклятие отца — для сына стрела.

О наследственности, которая передается через родителей к детям, говорится в поговорках: *Ата жакшы — уул жакшы, эне жакшы — кыз жакшы* — У хорошего отца сын хорош, у хорошей матери дочь хороша. *Мал баласы туулганда жерди карайт, куш баласы туулганда көктү карайт* (букв.: когда животное рождается — вниз смотрит, когда птенец появляется — в небо смотрит).

Кыргызская семья была большая. Сыновья после женитьбы жили с родителями или поблизости от них. Дочери до замужества оставались в семье, и в повседневных отношениях со снохами (женами братьев) проявлялись определенные черты их характера, и отсюда поговорка: *Энеси мактаган кызды алба, жеңеси мактаган кыздан калба*, т.е. не женись на дочке, которую хвалит мать, женись на той, которую хвалит сноха.

Мать является ответственной не только за воспитание дочери, но и за воспитание своих невесток, поэтому, когда оценивают невестку, говорят: *Келин кайын эненин камырынан* (букв.: невестка из опары свекрови), т.е. невестка, как правило, по характеру уподобляется свекрови. У кыргызов к невестке изначально принято относиться как к члену семьи. У нее есть круг домашних обязанностей, она должна соблюдать определенную этику поведения по отношению ко всем членам семьи. О семьях, в которых негативно отзываются о невестке, говорят: *Келин жаман эмес, келген жери жаман*, т.е. плоха не невеста, плоха семья, куда она вошла. Репутацию невестки связывают и с мужем: *Обозгер жакшы-кан жакшы, катын жакшы-эр жакшы*, т.е. если хан хорош, значит, визирь хорош, коли муж хорош, значит, жена хороша. Эту пословицу также приводят для того, чтобы подчеркнуть роль жены в жизни мужа. Кыргызы действительно признают, что именно благодаря жене муж может достичь положения в социуме.

Дети у любого народа представляют одну из самых главных общечеловеческих ценностей. *Баласы жоктун ырысы жок*, что означает у кого нет детей, у того нет счастья — эта поговорка свидетельствует о том, что дети — это одна из главных ценностей в кыргызской семье. В кыргызской семье всегда было много детей. О ценности и важности детей в семье говорят следующие выражения: *Балалуу уй-кулустон, баласыз уй-көрүстөн* — Дом с детьми — цветник, дом без детей — кладбище, *Балалуу уй-базар, баласыз уй-мазар* — Дом, где много детей, как базар жужжит, дом, где нет детей, как могила молчит.

В кыргызской традиции отношение к детям имеет особенные черты, что отличает их от других народов по сей день. Существенная специфика состоит в том, что в кыргызской семье опека родителей над детьми продолжается почти до самого последнего дня. Редко у какого народа существует столько ритуалов, связанных с детьми. Важнейшей функцией новой семьи являлось продолжение рода. Увеличение семьи было особенно актуально для кочевых сообществ, где богатство и сила рода напрямую зависели от его численности.

Ритуалы сопровождали детей от рождения и до самого полного его взросления. Как только рождается ребенок, проводят *жентек-той*, т.е. ритуальное угощение по случаю рождения ребенка, через сорок дней исполняется ритуал исполнения первого рубежа после рождения — *кыркын чыгаруу*, затем *бешик-той* (праздник колыбели), который устраивают, когда ребенка укладывают в *бешик* (люлька). Когда ребенку исполняется один год, справляют *тушо-той* (разрезание пут на ногах), смысл которого состоит в том, чтобы ребенок, делая свои первые шаги после разрезания пут, уверенно, без препятствий шел по жизни. Затем следует обряд обрезания (*сүннөт той*), который носит религиозный характер и также является обязательным. Когда сын взрослеет, кыргыз заботится о том, чтобы поставить его на ноги, обучить чему-нибудь. И в наши дни он все свои сбережения тратит на то, чтобы обеспечить детям будущее. Он будет долгие годы растить скот, накапливать свои сбережения, чтобы потратить их на то, чтобы дать образование детям. Но и на этом заботы родителей не заканчиваются. Далее он копит свое состояние, чтобы достойно женить его. Женитьба сына издавна

требовала немалых расходов, поскольку за невесту следовало платить выкуп (*калым*). Если раньше в качестве выкупа платили большим количеством скота, то сейчас большую часть выкупа отдают деньгами. Помимо этого отец должен был провести большие торжества по случаю женитьбы сына, пригласив большое количество гостей. Женить сына — это одна из самых важных обязанностей кыргыза. Об этом гласит пословица: *Уул-кызды үйлөмөк-тукумуна кам көрмөк* (букв.: женить — выдать замуж значит позаботиться о потомстве), т.е. речь идет о продолжении потомства. Однако заботы родителей и после женитьбы не заканчивались. Теперь перед родителями стояла следующая задача. Они должны обеспечить каждого сына кровом над головой и отдать ему его *энчи* (долю наследства). Как правило, раньше отец делил поровну между сыновьями имеющийся скот (овец, лошадей, коров и т.п.). Как только *энчи* для одного из сыновей был готов, родители как бы его отделяли от себя, и этот обряд так и назывался *бөлүү*. Ритуал *бөлүү* (отделения) как бы открывал дорогу для самостоятельной жизни взрослых детей. По этому поводу существует пословица: *Өз балаңдан бөлүп кутуласың, небереңден өлүп кутуласың* (букв.: от детей освободишься, когда отделишь их, а от внуков освободит только смерть), т.е. смысл этой пословицы сводится к тому, что связь кыргызов с детьми (через внуков) продолжается до самой смерти.

Но и на этом опека родителей не заканчивалась. До самого конца они считают своим долгом поддерживать им и помогать и материально, и морально. Подтверждением тому является поговорка: *Он бала бир атаны бага албайт, бир ата он баланы багат* — Десятеро детей не смогут обеспечить отца, один отец сможет поднять десятерых детей.

Для кыргыза пол ребенка имел большое значение. *Уулуң өссө — урумга, кызың өссө — кырымга*, т.е. сын вырастет — род продолжит, дочь вырастет — далеко уходит. Рождение сына было довольно значимым и долгожданным событием. Сын для кыргыза был олицетворением его крыльев, с помощью которых он сможет подняться в этой жизни: *Уулсуз ата-канаты кыркылган куш* — Отец без сына словно птица с подрезанными крыльями. Без сыновей он чувствует себя неполноценным, обделенным в этой жизни. Поговорка *Уул таянган мал таянат, мал таянган жер таянат* имеет

смысл кто опирается на сына, тот имеет скот, кто опирается на скот, тот обладает миром. Сын для семьи был помощником в хозяйстве, отец учил его науке растить скот; приумножение скота было залогом безбедной, благополучной жизни.

Как уже говорилось, на дочь кыргызы смотрели как на временного члена семьи, которая задержится в этой семье ненадолго; потом она найдет другую семью, в которой станет постоянным членом семьи, а с родителями она будет общаться на правах гостыи. Об этом гласят пословицы: *Кыз — конок* (Девочка — гостыя), *Чыккан кыз чийден тышкары* (в значении: дочь выходит замуж, навсегда уходит из дома).

Воспитание в многодетной семье строилось не на поучениях, а на подражании поведению старших. Отсюда и поговорка: *Агасын көрүп, уни өсөт; эжесин көрүп, сиңди өсөт* — Глядя на старшего брата, растёт младший; глядя на старшую сестру, растёт младшая. Тот, кто рос с родителями, учится у них, перенимая у них все их навыки, знания: *ата көргөн ок бычат, эне көргөн тон бычат* (букв.: кто отца видел — стрелу обточит, кто мать видел — шубу скроит). Обычно в старых кыргызских традициях не принято было открыто поучать детей, тем более воспитывать грубым окриком: *сөгүп үйрөтпө-сүйлөп үйрөт, сөгүп үйрөтпө-окутуп үйрөт*, т.е. учить надо не бранясь, без крика, внушая словом.

Особая этика у кыргызов отмечается во взаимоотношениях с невестками и взрослыми сыновьями. Если возникала необходимость в воспитании сына или снохи с целью направить их поведение в нужное русло, то говорили безадресно: *Уугум сага айтамын, уулум сен ук, керегем сага айтам, келиним сен ук*. (*Уук* (жердь купола юрты), тебе говорю, пусть слышит сын, *кереге* (решетка юрты), тебе говорю, пусть слышит сноха). Не принято было отчитывать сноху в открытую, свекровь могла намеками, окольными путями указать на какие-то неправильные действия.

Все проблемы воспитания детей связаны как с поведением взрослых, так и с их отношением к ним, что подтверждается такой пословицей: *Атасы болушчаактын уулу урушчаак, энеси болушчаактын кызы ыйлаак* — У участливого отца сын драчлив, у участливой матери дочь плаксива. Слово *болушчаак* не имеет эквивалента

в русском языке. Этим словом характеризуют мать или отца, которые чересчур опекают свое дитя.

Об удачных и неудачных детях кыргызы говорят: *жакшыдан жаман туулса — чыгаша, жамандан жакшы туулса — киреше*, т.е. если от хорошего родится непутевый — это убыток, если от непутевого родится хороший — прибыль. Удачного ребенка можно определить с самого рождения: *болор музоо богунан* — телёнок, из которого толк будет, по помёту узнаётся. Хороший сын ассоциируется с воротником шубы на плечах отца: *ата баласы — тон жакасы* — сын у отца, что воротник у шубы. Ладный, разумный сын для кыргыза — это украшение и гордость семьи. Об этом гласит поговорка: *Атың жакшы болсо — жолдун ыраагы, уулуң жакшы болсо — көңүл чырагы* (букв.: если у тебя конь хорош — радость в пути, если у тебя сын хорош — свет для души). Способного ребенка, который выделяется среди остальных, сравнивают с единственным конем в стаде, который отличается своей необычной мастью: *жылкы ичинде аласы* (букв.: пестрый среди коней).

Но если ребенок вырастает непутевым, то кыргызы принимают это как неизбежность, которую он должен нести как крест: *ичтен чыккан ийри жылан* (букв.: кривая змея, вышедшая из своего нутра), т.е. хоть и уродливое, но родное. Неудачных детей кыргызы сравнивают с репейной колючкой, от которой трудно избавиться: *уул жаманы — уйгак менен тең* — дурной сын, что репей. *Уулу жаман болсо, тоодой болгон атасын төө үстүнөн ит кабат* — если сын неудачен, то гороподобного отца, восседающего на верблюде, достанет (укусит) собака. *Уулуң жакшы болсо-өмүрүң узарат, уулуң жаман болсо-өмүрүң кыскарат* — если сын удался — жизнь твоя будет долгой, если сын не удался — жизнь твоя будет коротка. *Жакшы өскөн бала эшикте калган ата-энесин төргө чыгарар, жаман өскөн бала төрдөгү ата-энесин сыртка чыгарар*. Смысл этой пословицы в том, что у хорошего сына родители будут восседать всегда на почетном месте его дома, а плохой сын выставит родителей за дверь.

Когнитивный признак «*Иерархия родства*». У кыргызов в силу кочевого уклада жизни, который диктует изолированный образ жизни каждой семьи, сложилась определенная система родственных связей, характеризующаяся различной степенью дистанци-

рованности родственников друг от друга. Так, например, дифференцируется отношение к родственникам по материнской линии, по отцовской линии. Родственники по отцовской линии считаются более близкими, родство по материнской линии более дистанцировано, поэтому с ними обращаются как с гостями. Поговорка *туугандын өзү таарынса да, боору таарынбайт* переводится так: Родич обижается, да печень его не обижается, т.е. родич может сам обидеться, но кровные узы не отпустят его. Печень олицетворяет самый главный орган, через который кыргызы передают свое эмоциональное отношение, особенно родственные ощущения. То есть как бы родственники ни обижались, все же кровные узы (печень) так или иначе дадут о себе знать. Поговорка *Түбү бирге түтпөйт* (букв.: то, что из одного корня, выдержит все), что означает кровный родич никогда не оставит в беде, не предаст. *Жал-куйрук* (хвост пернатого) в кыргызском языке олицетворяет родственников как опору, как защитников, единомышленников. Поговорка *Куш канаты менен учат куйругу менен конот* (букв.: птица взлетает с помощью крыльев, а приземляется с помощью хвоста) означает, что как бы далеко и высоко ни взлетел человек, в конце концов он возвращается к родным, находит у них пристанище.

Поговорка *Жан тартпаса да, кан тартат* — Хоть и не лежит душа, да зов крови (родство) тянет, т.е. родственнику, каким он ни был, помогут родичи.

Кыргыз ощущает себя комфортно только в кругу родственников: *жээк-жергем бар, жалгыз жүргөн жан эмесмин* — у меня есть родня и близкие, я не одинок.

Отношения среди родственников складывались по-разному. Об этом свидетельствуют следующие паремиологические единицы:

Тууган бар болсо көрө албайт, жок болсо асырай албайт — если у тебя достаток, родичу завидно, если у тебя нет ничего, он не позаботится о тебе.

Тууган бир жакшылыкта, бир жамандыкта — родич познается либо в радости, либо в горести.

Тууган күйгүзүп айтат, душман сүйгүзүп айтат — родич может обжигать словами, недруг может ласкать словами.

Тууган туугандын казанына аш салбайт — родич родичу в казан не положит еды.

Сыйлашарга жат жакшы, ыйлашарга өз жакшы — посторонние хороши для церемоний, свои хороши для сочувствия.

Из числа некровных родственников на первом месте находятся сваты, взаимоотношения с которыми занимают особое место в этнокультурной традиции кыргызов. К сватам, которых называют *куда* (сват), *кудагый* (сваха), *кудача* (сестра свата), у кыргызов весьма почтительное отношение. Сваты становятся самыми близкими родственниками, они пользуются особым уважением. Поговорка *Дос-жолдошуң бир жылдык, куда — сөөгүң миң жылдык* (Друзья — на один год, сваты — на тысячу лет) свидетельствует о том, что у кыргызов сваты — самые дорогие люди. Встреча сватов, угощение сватов по разным поводам — это целый ритуал с демонстрацией к ним почтения. А пословица *Сөөктүн эң жаманы суу кечирет* — Худший из сватов поможет перейти вброд — говорит о том, что в самых трудных ситуациях кыргызы всегда могут рассчитывать на помощь сватов. Для кыргыза большая удача, когда он через сватовство детей может породниться с достойными людьми. Именно поэтому, давая напутствие своему сыну при выборе будущей невесты, он просит обратить внимание на родителей невесты, т.е. будущих сватов: *катын албай кайын ал* — не жену выбирай, а ее родственников. Другие пословицы о сватах гласят:

Куда болгуча кулу-бийиңди сураш, куда болгондон кийин кул да болсо сыйлаш — Пока не стали сватами, можешь относиться как хочешь, как стали сватами, почитай, хоть и беден тот.

Кудага алыстан сыйлаш — Сваты лучше уважать на расстоянии.

Кудаң алыс болсо, сыйлуу болосуң, кудаң жакын болсо, чырдуу болосуң — Если сват далеко — будешь в почете, если сват рядом — быть раздору.

Куда-сөөктүн кызыгы — барып-келиш — Удовольствие иметь сватов — это ходить друг к другу в гости.

Тот образ жизни, который вели кыргызы на протяжении длительной истории, определил стереотипы во взаимоотношениях с близкими. Общение проходило в ограниченном коммуникативном пространстве. Удаленная жизнь в условиях кочевья, которая протекала в окружении только родных, семьи и детей, не позволяла часто общаться с другими, завязывать с ними тесные отноше-

ния. К исключительным случаям, к разряду которых можно было отнести женитьбу сыновей (*келин алуу*), похороны, поминки; на них собирались и приезжали издалека прежде всего сваты и другие родственники. Сватам оказывалось самое большое уважение. К приезду сватов тщательно готовились, щедро накрывали *дастархан*, в знак уважения закалывали специально откормленных к этому случаю овцу или жеребенка. Устраивали развлечения, приглашали певцов, сказителей. В день приезда сватов угощение затягивалось почти до самого рассвета. Их специально оставляли до следующего дня, чтобы и на другой день проявить свое уважение, которое выражалось обновлением *дастархана*, новым жертвоприношением в виде молодого ягненка, затем пышными проводами с богатыми подарками для сватов.

Для кыргызов, проживавших большими семьями, кланами, в труднодоступных местах, жизнь протекала в окружении только родных и близких. Отношение к друзьям у кыргызов кардинально отличается от норм и представлений, сложившихся в русском языковом сознании. Вообще категория «друг» для кыргыза — это позднее явление, это продукт советского образа жизни. Поэтому родственные узы для кыргызов гораздо важнее дружеских. Друзья в представлении кыргызов нужны для веселья и приятного времяпровождения, отсюда и поговорка: *Жамандын жолдошу көп, жанына пайдасы жок*, т.е. у непутевого друзей много, но пользы от них нет. *Дос таарынса, бергенин алат* (Если друг обидится, отберет то, что когда-то дал). Ироническое отношение к другу выражено в следующей пословице: *Досум дос элек — коон үзгөндө, тескери карап калыпсың — бозо сүзгөндө* (Пока дыни собирали были друзьями, как только бузу (хмельной напиток) налили — вдруг косяться стал). *Жаман дос көлөкө сыяктуу: күн ачыкта кутула албайсын, күн бүркөктө издеп таба албайсын* — Плохой друг как тень: когда солнечно, не избавишься, когда пасмурно, не найдешь.

Действительно, и по сей день в понимании кыргызов друзья являются спутниками веселой, беспечной жизни. Однако значение и роль друзей значительно возрастает в соотношении с недругами. Об этом свидетельствуют следующие пословицы и поговорки:

Дос сыйлайт, душман кыйнайт — Друг почитает, недруг мучает.

Дос сыртыңдан мактайт, душман көзүңчө мактайт — Друг хвалит за глаза, враг хвалит в глаза.

Досуң миң болсо да, азык кылат, душманың бирөө болсо да көптүк кылат — Друзей, даже если тысяча, их мало, врага даже одного много.

Эски дос эстен кетпейт, жаңы дос кадырга жетпейт — Старый друг из памяти нейдет, а новый недотягивает.

В иерархии социальных взаимоотношений друзья стоят на втором плане, на первом месте стоят сваты. Поговорка *Дос айрылат, сөөк кайрылат* (букв.: друг отойдет, сват поддержит (повернется)) подтверждает эту мысль. В данной поговорке сравниваются сват и друг, и понятие «сват» стоит выше, чем понятие «друг». Категория «друг» изменчива, друзья приходят и уходят, родные никогда не оставят в беде, проявят участие, всегда придут на помощь.

КП «Отношение к старшим». Уважение к старшему поколению у кыргызов заложено в традиционной этике: *карысы бардын ырысы бар* — где есть старец, там есть и счастье; *карысы жоктун ырысы* — где нет старца, у того и счастья нет. Издавна кыргызская семья жила по классическому патриархальному укладу, во главе которой стоял старейшина рода. Все хозяйственные, семейные проблемы решались только с его благословения. Поскольку основным делом кыргызов было скотоводство, то глава семьи был основным владельцем всего хозяйства, он распределял между сыновьями *энчи* — наследство в виде голов скота, он приобщал и обучал всем навыкам ухода за домашними животными, обучал искусству охоты и т.д. И в старости, передав сыновьям все свои умения и опыт, он тем не менее оставался почитаемым в семье человеком, которому сыновья были обязаны до конца жизни. И поэтому старые люди были объектом почитания и повиновения, который своим трудом создал основу для дальнейшего процветания своих детей. И хотя сейчас хозяйственно-экономические взаимоотношения кыргызов кардинально изменились, тем не менее такое отношение превалирует в сознании кыргызов. Подобных поговорок в кыргызской паремиологии достаточно много. Вот одна из них: *Ата-энеңди сыйласаң, өз балаңдан жакшылык көрөсүң* — Если будешь почитать своих родителей, получишь то же от детей своих. В принципе уважение

оказывалось не только к главе семьи, но и ко всем людям, старшим по возрасту.

КП «Разлад, непонимание». Сочетание *абысын-ажын* — это жёны родных или двоюродных братьев, сношеницы. Летом родственники жили на одном *джайлоо*, поэтому сношеницы тесно общались между собой. Поговорка *абысының болсо, күнүм жок дебе*, т.е. если у тебя есть сношеница, то не говори, что не имеешь соперницы-конкурентки.

В поговорке *Жакын талашса, жатка жем*, т.е. когда свои ссорятся, чужому корм, речь идет о разладе, разногласиях среди родственников, чем сразу могут воспользоваться чужие и еще больше могут усугубить конфликт.

Поговорка *Оору — аштан, доо — карындаштан*, т.е. болезнь — от пищи, а тяжба — от родича. Все конфликты, проблемы в семье, среди родственников идут от самих же родных. Поговорка, которая призывает к согласию среди родственников, звучит так: *Ага-тууган кимде жок, сыйлашпаса, жатча жок*, т.е. у всех есть родные и родичи, но если они не ладят между собой, они подобны чужакам.

К людям, которые плохо относятся к своим родителям, к старикам, применима поговорка *Бөрү карысын жектейт*, т.е. молодые волки отвергают старых.

Родственные связи были одной из главных ценностей для кыргызов, и поэтому если кто-то пытался отделиться от родни, то это предавалось осуждению: *Оорусун жашырган өлөт, боорун жашырган бөлүнөт*, т.е. кто болезнь свою скрывает, тот умирает, кто кровное родство скрывает, тот одиноким остается.

Когда среди родных случаются конфликты, нет согласия, то приходится констатировать: *билек бирге болсо да, манжа башка*, т.е. хоть и рука (запястье) вместе, а пятерня врозь.

КП «Семейное напутствие». Поговорка *Абышка өлсө, ат бошойт; кемпир өлсө, төр бошойт*, т.е. умрёт старик — конь освободится, умрёт старуха — почётное место. По кыргызскому обычаю к старой женщине проявляют неизменное уважение, она всегда занимает почетное место (*төр*). Любую трапезу, угощение начинают с пожилого человека, который находится на почетном месте.

Поговорка *Атаң барда жер тааны* (Пока есть отец, познай мир) является назиданием молодым о том, чтобы пока отец живой, чтобы он вместе с ним увидел мир, людей. Поговорка *Аганы көрүп уни өсөт, эжени көрүп —синди өсөт* (букв.: младший брат равняется на старшего, младшая сестра растет, смотря на старшую), т.е. старшие являются примером для младших, младшие растут, подражая старшим.

Поговорка *Музоо муз жалайт, торпок тоз жалайт* (букв.: телёнок-сосунок лёд лижет, годовичок раструски лижет) раскрывает один из аспектов взаимоотношений между младшими и старшими, т.е. старшие, мол, пусть угощаются, а молодежь потом. До сих пор в «правильных» в традиционном понимании семьях между младшими и старшими в семье и в обществе существует особая этика отношений. Пока старшие не заговорят, младшие должны молчать, пока старший в семье не отведает за общей трапезой кушание, младшие не приступают к еде. Пока старший не закончит трапезу, младшие не имеют права покинуть стол. Если кто-нибудь из старших заходит в дом, младшие тотчас должны встать и пропустить его на почетное место.

Поговорка *Атаң алтымышка чыкканда алдап-соолап күчүн ал*, т.е. когда твоему отцу исполнится шестьдесят, всеми хитростями попробуй перенять его силу. Другими словами, сила старших — в их опыте, в их знаниях, поэтому нужно приложить усилия, чтобы научиться у него полезным вещам, пройти школу жизни.

КП «Забота в семье». Забота друг о друге в семье занимает особое место. На первом месте стоят дети: *алпеиштеп багуу* — значит нянчиться, проявлять чрезмерную заботу по отношению к детям.

Сердобольного, отзывчивого человека, проявляющего внимание к другим, называют *жароокер*. При этом в семье должно существовать равновесие, забота не должна быть односторонней; с самого детства детей приучают к заботе о старших. *Күйүм* — это забота, направленная на старших, оно является производным от слова *күйүү* (гореть). *Ата-энесине күйүмү жок бала* говорят о сыне, не проявляющем заботу о родителях. Напротив, заботливого человека, чуткого человека характеризуют прилагательным *күйүмдүү* заботливый. *Кайрыл* (букв.: быть обращенным) означает

оказывать помощь, принимать участие в ком-либо, проявлять заботу. Поговорка *Кайгырганга кайрылган — жакшы* имеет значение проявить сочувствие к опечаленному — хорошо. Пословица *Ата-энесинин колуна — кол, бутуна — бут болуп* (букв.: быть продолжением рук, продолжением ног для родителей) означает стать хорошим помощником своим родителям. Значение «считать опорой, надеждой в семье» передается сочетанием *арка кыл* — быть опорой.

§ 5. КОНЦЕПТОСФЕРА «ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ»

Цивилизация кочевников — стойбища, тропы, племенная солидарность, бесконечные расстояния, главным образом белковое питание и животные жиры, тесное общение с животными, и прежде всего с лошадью. Мирным и относительно процветающим оседлым народам кочевники представляются людьми жестокими, скрытными, бесчеловечными, у них нет веры, они носители мрачных адских культов. В глазах кочевников оседлые безвольны, изнежены, растленны, крайне сластолюбивы, в общем, недостойны тех благ, которыми обладают [Культура кочевников Евразии].

Словарный запас дает исследователям представление о роли конкретной личности в данной этнической среде, о соотношении индивидуального и коллективного начал. Так, например, в русском языке две тысячи слов для выражения индивидуальных черт личности, в немецком — четыре, а в английском — семнадцать тысяч. В японском же языке вообще нет местоимений «я» и «ты». Японцы говорят о себе в третьем лице и используют слова «ничтожный», «неразумный», а о собеседнике — «почтенный», «высочайший» [Тойнби 1991, с. 106].

При составлении языкового портрета кыргызского человека оказалось, что лексика, обозначающая отрицательные черты характера, значительно превалирует над лексикой, предназначенной для описания положительных качеств. В количественном соотношении языковых единиц, обозначающих добродетели, насчитывается 200 единиц, человеческие пороки представлены 332. Надо

отметить, что языковые данные, представленные в данном разделе, главным образом характеризуют мужчину или вообще кыргыза в целом. О чертах женщины речь пойдет в последующем разделе.

Концептосфера «Кыргызские добродетели»

Вербализация положительных черт кыргызского человека, представляющих его добродетели, актуализирует такие когнитивные сферы, как человеческие качества — поведение — статус в обществе — умение и интеллект — внешний облик, которые соответствуют следующим концептам: лучшие качества человека; приятная наружность; авторитет — достоинство; светлый ум; усердие.

«Совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества, определяется нами как *номинативное поле концепта*» [Попова, Стернин, с. 48]. Номинативное поле отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики — лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля — тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав, и не выступает при этом как структурная группировка в системе языка, представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц. Номинативное поле включает единицы всех частей речи [там же, с. 49]. Для изучения концептосферы «Кыргызские добродетели» будет использована когнитивно-семантическая методика описания значения, которая предложена И.А. Стерниным и Т.М. Михайловой и представляет собой совокупность приемов описания семного состава слова через этап описания номинируемого данным словом концепта (см.: [Стернин, Михайлова]). Концепт выступает «информационной базой» (термин А.А. Залевской) описания семантики номинирующих его единиц, а соответствующие единицы — формой вербального осмысления народом соответствующей ментальной сферы.

Концепт «Лучшие качества человека»

Номинативное поле данного концепта формируется тремя пластами:

Лексический пласт	<i>адамгерчилик</i> — гуманность, <i>ак көңүл</i> — добрый, душевный, <i>алпейим</i> , <i>баёо</i> , <i>ак пейилдүү</i> , <i>жоомарт</i> , <i>март</i> , <i>кайрымдуу</i> , <i>кайраттуу</i> , <i>кенен</i> , <i>кишиликтүү</i> , <i>коңур</i> , <i>жоош</i> , <i>көтөрүмдүү</i> , <i>куйкумдай</i> , <i>өткүр</i> , <i>мээримдүү</i> , <i>ак пейил</i> , <i>боорукер</i> , <i>калыс</i> , <i>адилеттүү</i> , <i>акыйкаттуу</i> , <i>сабырдуулук</i> , <i>салмактуу</i> , <i>сезимдүү</i> , <i>сылык</i> , <i>тапан</i> , <i>тиригара</i> , <i>токтоо</i> , <i>тууганчыл</i> , <i>тың</i> , <i>уяттуу</i> — совестливый, <i>чыдамдуу</i> , <i>чыдамкай</i> , <i>чыйрак</i> , <i>чынчыл</i> , <i>шайыр</i> , <i>шар</i> , <i>эртүү</i> , <i>айкөл</i> , <i>намыстуу</i> (или <i>ар-намыстуу</i>), <i>намыскөй</i> , <i>курч</i> , <i>кичипейил</i> , <i>сыпайкерчилик</i> , <i>сыпайы</i> , <i>сыпаа</i> , <i>шайдоот</i> , <i>адептүү</i> , <i>жышаналуу</i> , <i>белсемдүү</i> ; <i>ыйбаа</i> , <i>тайманбас</i> , <i>көкүрөктүү</i>
Фразеологический пласт	<i>оор басырыктуу</i> , <i>бек киши</i> , <i>тил алчаак</i> , <i>маңдайы жарык</i> , <i>жүнү тирүү</i> , <i>оор мүнөз</i> , <i>мүнөзү жакшы</i> , <i>сүттөй ак</i> , <i>жүрөгү майлуу</i> , <i>көз ирмебеген баатыр</i> ; <i>от басар</i> или <i>от кечер</i> , <i>өргө чапкан</i>
Паремиологический пласт	<i>Сабырдын түбү сары алтын</i> ; <i>Дили — жумиак казыдай</i> ; <i>Дили — жумиак казыдай</i> ; <i>Кой оозунан чөп албаган</i> ; <i>Көл-дайра</i> — перен. (о человеке) щедрый, широкая натура; <i>Сай кашка</i> — (о человеке) сознательный, передовой; <i>Жакшы ат камчы салдырбайт</i> ; <i>Сыр аяктын сыры кетсе да, сыны кетпейт</i> ; <i>Азаматтын жакшысы азыраак сүйлөп, көп тыңшайт</i> ; <i>Созулган киши</i> — перен. быть спокойно-грациозным, скромным и неразговорчивым; <i>ак ийилет</i> , <i>сынбайт</i> ; <i>Жакшы таз башын жашырбайт</i> , <i>жакшы аял ашын жашырбайт</i> ; <i>Колу ачыктын жолу ачык</i> ; <i>Тең жегенди теңирим сүйөт</i> ; <i>Жолборс (арстан)</i>

	<i>изинен кайтпайт</i> , <i>жигит сөзүнөн кайтпайт</i> ; <i>Атасы — журттун улугу</i> , <i>энеси — суунун тунугу</i> ; <i>жүрөгүндө кара жок</i> ; <i>кайраттуу жүрөк тап жарат</i> ; <i>Бычакка сап бол-</i> ; <i>Арстан катуу качырат</i> , <i>жумиак алат</i>
--	--

Представленная лексика неоднородна как по семантическим, так и по структурным аспектам, т.е. здесь есть как прямые номинации концепта «Добродетель», так и вторичные, производные и слова с переносным значением, синонимы, симилары (однословные аналогии).

Прямые номинации указанного концепта: *сылык* — вежливый, *баёо* — смирный, скромный, *жоош* — кроткий, мягкий, *алпейим* — спокойный, приветливый, *тың* — ловкий, расторопный, *март* (*жоомарт*) — щедрый, *калыс* — объективный, *шайыр* — жизнерадостный, веселый, *ыйбаа* — стыдливость, скромность.

Производные слова: *адамгерчилик* — гуманность, *ак көңүл* — добрый, душевный, *ак пейил*, *ак пейилдүү* — добросердечный, *кайрымдуу* — отзывчивый, *кайраттуу* — смелый, решительный, *кишиликтүү* — человеческий, *көтөрүмдүү* — терпеливый, *мээримдүү* — добрый, ласковый, *адилеттүү*, *акыйкаттуу* — справедливый, честный, *сабырдуу* — сдержанный, *сезимдүү* — догадливый, понятливый, *боорукер* — сердобольный, *тиригара* — деятельный, энергичный, *тууганчыл* — любящий свою родню, *уяттуу* — совестливый, *чыдамдуу*, *чыдамкай* — выносливый, стойкий, *чынчыл* — правдивый, *эртүү* — волевой, *айкөл* — великодушный, *намыстуу* (или *ар-намыстуу*) — принципиальный, тот, кто дорожит своей честью, своим достоинством, *кичипейил* — простой, демократичный, *адептүү* — воспитанный, *жышаналуу* — (о человеке) с хорошими задатками, подающий надежды; приносящий счастье, *белсемдүү* — надёжный (о человеке, который справится с поручением, с работой), *тайманбас* — бесстрашный.

Слова с переносным значением: *кенен*, *коңур*, *салмактуу*, *токтоо*, *көкүрөктүү* *куйкумдай*, *өткүр*, *курч*, *шар*, *тапан*, *чыйрак*, *сыпайы* / *сыпаа*, *шайдоот*.

Кенен в прямом значении выражает такие признаки, как вполне достаточный, обильный; просторный; положительная характеристика человека связана с широкой натурой, с щедростью души.

Коңур — в первичном значении это прилагательное обозначает цвет: коричневый, каштановый. В переносном значении это слово характеризует мягкого, нежного человека.

Салмактуу в прямом значении обозначает увесистый, тяжелый. Применительно к человеку говорится о его серьезности, степенности.

Токтоо — прилагательное, образованное от глагола *токто* (остановиться, задержаться). В переносном значении это прилагательное обозначает такую черту характера, как скромный, сдержанный, степенный, спокойный.

Прилагательное *көкүрөктүү* образовано от слова *көкүрөк* (грудь) и имеет прямое значение «широкогрудый», в переносном значении обозначает «смелый, храбрый».

Лексема *куйкумдай* (как куйкум) является производной от слова *куйкум* (палёная шкура) с аффиксом сравнения *-дай*. Запах паленой шкуры животного — это очень знакомый запах для кочевых кыргызов и имеет положительную коннотацию. В пищевом рационе кыргызов опаленные голова и ножки барана, отваренные в бульоне, считаются деликатесами. О крепком и приятном на вкус кумысе или бузе говорят *кымызы куйкум* — кумыс у него крепкий. В переносном значении энергичного и решительного человека характеризуют эпитетом *куйкумдай*.

Прилагательные *өткүр* и *курч* (острый) и в прямом значении характеризуют режущие, колющие предметы; в переносном значении являются эпитетом к энергичному, боевому, смелому джигиту: *өткүр жигит*.

Слово *шар* в прямом значении характеризует быстрое, бурное течение *шар аккан суу* (быстрый поток воды), в переносном значении *шар киши* — это открытый, прямой человек.

Лексема *тапан* — это альчик, у которого сглажены *алчы* (сторона альчика, противоположная *таа*, считается самой выпырышной) и *таа* (сторона альчика, противоположная *алчы*) и который постоянно становится то на *алчы*, то на *таа*. Считается, что, характери-

зуя человека словом *тапан*, подчеркивают его ловкость, находчивость.

Прилагательное *чыйрак* в прямом значении сочетается со словом «нить / нитка»: *чыйрак жип* (крепкая, прочная нитка). По отношению к детям, которые смело и ловко ездят верхом на лошади, применяют данный эпитет *чыйрак балдар* — смелые, ловкие дети.

Прилагательные *сыпайы* / *сыпаа* являются по этимологии историзмами и обозначают воина Кокандской армии (гл. обр. конный; так именовались главным образом начальники) или же чиновника в Кокандском ханстве. Современное значение этих слов связано с понятиями «благородный» (высокой нравственности, честный), «благовоспитанный».

Этимологически слово *шайдоот* называло при перекочёвках вьючное животное, легко нагруженное и идущее впереди других. Позднее это слово стало характеризовать расторопного, проворного, бодрого человека. Ср.: *шайдоот жигит* — расторопный парень.

Пласт фразеологических единиц расширяет языковой диапазон восприятия кыргызским человеком положительных качеств лица. Фразеологизмы этой группы делятся на три подгруппы:

1) устойчивые компаративные единицы: *сүттөй ак* (букв.: белый как молоко) — честный, *жүрөгү тоо* (букв.: сердце-гора) — бесстрашный, *жүрөгү от* (букв.: сердце-огонь) — храбрый;

2) фразеологизмы, имеющие буквальное значение: *эр жүрөк* (букв.: мужское сердце) — бесстрашный, *оор басырыктуу* (букв.: тяжело + сдавленный) — выдержанный, степенный, *бек киши* — крепкий человек (умеющий держать слово), *тил алчак* (букв.: язык + брать) — послушный, *маңдайы жарык* (букв.: лоб светлый) — радостный, открытый, *көз ирмебеген баатыр* (букв.: батыр, который не моргнет глазом) — отважный батыр; *пейли-кую кенен* (букв.: характер широкий) — отзывчивый, добрый, великодушный. Идиома *колу ачык* (букв.: раскрытые руки) обозначает щедрый;

3) фразеологизмы, имеющие метафорическое значение: *жуну тируу* (букв.: шерсть живая) — бодрый; *жүрөгү майлуу* (сердце, покрытое жиром) — храбрый, отважный; *от басар* или *от кечер*

(букв.: идущий по огню или проходящий через огонь) — смелый, отчаянный; *өргө чапкан* (букв.: на скаку взмывающий вверх) — смелый, отважный; *көл-дайра* (букв.: озеро-река) — щедрый, широкая натура; *бычакка сап болгон* (букв.: быть, стать рукояткой для ножа) обозначает быть, стать надёжной опорой для кого-либо. *Сай кашка* — (о человеке) сознательный, передовой. Фразеологизмы *сай күлүк*, или *сай тулпар*, или *сай кашка*, *сай буудан* обозначают выдающегося скакуна. Иносказательно так называют человека решительного, неординарного, талантливого. Фразеологизм *кой оозунан чөп албаган* (букв.: такой смирный, что изо рта овцы травинки не возьмёт) характеризует тихого, безобидного, доброго человека.

Фразеологизмы этой группы являются одним из средств экспрессивной характеристики человека, эмоциональной оценки его индивидуальных качеств или его положения в обществе, коллективе. *Дили жумшак* — *казыдай* стих. сердце у него доброе-доброе (букв.: мягкое, как брюшной конский жир).

Третий пласт в данной концептосфере образуют паремиологические выражения: *сабырдын түбү сары алтын* — на дне терпения — чистое золото. Выражение *колу ачыктын жолу ачык* подтверждает, что у щедрого человека всегда дорога открыта. Выражение *дили — жумшак казыдай* — сердце у него доброе-доброе (букв.: мягкое, как казы — брюшной конский жир). Казы считается любимым деликатесом у кыргызов. Поговорка *Жакшы ат камчы салдырбайт* (Хороший конь не нуждается в нагайке) о человеке, который не терпит контроля, сам принимает решения без чьей-либо указки. Пословица *Сыр аяктын сыры кетсе да, сыны кетпейт* (Если даже краска сойдёт с крашеной чашки, качество её не пропадёт), характеризует рассудительного, здравомыслящего человека, который при всех трудностях, лишениях остаётся таким, каким он был. Выражение *азаматтын жакшысы азыраак сүйлөп, көп тыңшайт* (лучший из молодцов мало говорит и много слушает) подчеркивает немногословность как положительное свойство в характере джигита. Пословица *Ак ийилет, сынбайт* (Истина гнется, но не ломается) характеризует честного, негибаемого человека.

Поговорка *Эр болсоң, көк бол, айткан сөзгө бек бол* призывает: если ты молодец, будь настойчив, в слове будь твёрд. О твердости характера, о постоянстве мужского слова говорится в пословице *Жолборс (арстан) изинен кайтпайт, жигит сөзүнөн кайтпайт* (букв.: тигр (лев) не сворачивает с тропы, джигит держит слово). Для характеристики смелого человека в кыргызской паремиологии существуют следующие поговорки: *Кайраттуу жүрөк таи жарат* энергия (букв.: энергичное сердце камни дробит); *Арстан катуу качырат, жумшак алат* — Лев яростно нападает, но мягко берёт; это часто встречающийся положительный эпитет смелого человека.

Концепт «Приятная наружность»

Кыргызы весьма пристально оценивали внешность человека. При этом в восприятии кыргызов мужчины, женщины и дети выглядели по-разному. Поэтому каждая из этих групп характеризовалась по-разному. Так, по отношению к внешности мужчин самыми лучшими чертами считались статность, правильные черты лица, опрятный внешний вид. О мужчине с приятной наружностью говорили: *келбеттүү* — красивый, с красивыми чертами лица; статный, видный; *келишимдүү* — стройный, статный; красивый; ср.: *келишимдүү жигит* — статный парень; *нурдуу* — лучезарный; благородный и симпатичный; *нурдуу жигит* — красивый парень; *нурдуу жуз* — благородное, исполненное величия лицо.

Данное номинативное поле состоит из трех пластов.

Лексико-деривационный пласт	<i>зыңкыйган, зыпыйган, келбеттүү, келишимдүү, койкойгон, матырайган, мотурайган, мөлтүрөгөн, назик, олбурлуу, нурдуу, сүр, сымбаттуу, сүрдүү, сындуу, сымбаттуу, чырайлуу, адеми, татынакай, тыкан, таза</i>
Устойчивые единицы	<i>иреңи жылуу, сүрү бар киши; көзгө толумдуу; шыңга бойлуу или бою шыңсадай</i>
Паремиологические единицы	<i>Сакадай бою — сары алтын</i>

1. *Сындуу* — статный, имеющий хороший вид, обладающий внешними и внутренними достоинствами; *сымбаттуу* — внушительный, статный; *олбурлуу* — о крупном человеке высокого роста; *жылдыздуу* (от звёздный, со звездой) — приятный, с приятательной внешностью; *тыкан* — аккуратный, тщательный; *жымылдак жигит* — опрятный и расторопный парень. Особенностью кыргызского языка является деривационная группа образно-экспрессивных слов, которые характеризуют субъективное восприятие внешнего вида человека. Например: *зыңкыйган* — стройный, подтянутый. В прямом значении *зыңкый* — значит затвердеть, стать очень твёрдым. В таком же значении употребляется и слово *зыпыйган* — о подтянутом, аккуратном человеке небольшого роста.

2. Устойчивые единицы: *иреңи жылуу* (букв.: лицо теплое) — с приятным лицом; *тунук мүчө* (букв.: чистая фигура) — здоровая и статная фигура (о человеке, о коне); *көзгө толумдуу* (букв.: заполняющий взор) — симпатичный, приятный взору; *сүрү бар киши* (букв.: человек с серьезным видом) — важный человек, внушающий к себе почтительное отношение.

3. Паремииологические выражения. Поговорка *Сакадай бою — сары алтын* (букв.: ростом с биток (сака), но золото) является эквивалентом русской пословицы *Мал золотник, да дорог*.

Внешность кыргызской женщины, девушки воспринимают более романтично и поэтично. И поэтому основная часть лексики связана с метафорами и метафорическими сравнениями. Ключевыми словами следует считать такие определения, как *сулуу* — красивая; *адеми* — красивая, прекрасная; *чырайлуу* — красивая, миловидная; *ай чырайлуу кыз* — лунолика девушка; *ажарлуу* — миловидная; симпатичная, обаятельная; *сүйкүмдүү* — миловидный, приятный, симпатичный; *аруу кыз* — миловидная девушка (*аруу* в переводе с арабского означает *чистый*); *назик* — нежная; *татынакай кыз* — миловидная девушка.

С особой теплотой кыргызы отзываются о ребенке. Часто в качестве эпитетов кыргызы употребляют образно-изобразительные слова-экспрессивы, которые отражают эффект эмоционального восприятия внешнего вида ребенка. К таким словам относятся *матыйрайган бала* — миловидный ребёнок; *мотурайган* — пухлень-

кий, хорошенький; *мандалактай балдар* — полненькие и румяные дети от слова *мандалак* (тюльпан).

Концепт «Авторитет — достоинство»

Данный концепт представлен следующим номинативным полем:

Лексический пласт	<i>азамат, атактуу, барктуу, ардактуу, алымдуу, кадырлуу, мартабалуу, нарктуу, сабаттуу, салабаттуу, ыйзаттуу, чыгаан, абийирдүү, аткаминер</i>
Устойчивые сочетания	<i>акар-чакар, аттуу-баштуу адамдар, аттын кашкасындай, сый киши; мыкты жигит, бала-чакалуу, очор-бачар, мык чегер; от агасы; аскар тоодой карааным</i>
Паремииологический пласт	<i>Азаматтын жакшысы — он бешке келсе, кичүүлүк жок, жүзгө келсе, карылык жок; Тоо бийиктиги алыстан байкалат.</i>

Основными достоинствами человека кыргызы считали его статус, вес в социуме. Для обозначения этих качеств существует немало лексических номинаций: *атактуу* — известный, имеющий авторитет; *барктуу* — достойный, авторитетный, *кадырлуу* — уважаемый, почетный; *ардактуу* — уважаемый, чтимый, *мартабалуу* — уважаемый, солидный, степенный (от арабского слова *мартаба* — степень, достоинство; авторитет); *салабаттуу* — величавый, благообразный; почтенный, солидный; степенный от арабского слова *салабат* — отходная молитва; *нарктуу киши* — достойный, значимый человек, поведение которого заслуживает подражания; *ызааттуу* — уважаемый, чтимый; учтивый, почтительный; *абийирдүү* — порядочный, пользующийся хорошей репутацией от иранского слова *абийир* в значении совесть, честь; *чыгаан* — выдающийся, замечательный; *мыкты жигит* — крепкий парень физически, в труде, в учёбе и т.п.; *аттуу-баштуу адамдар* — почётные люди, лидеры в своей среде, *алымдуу* — о

человеке приятном, уживчивом, общительном; *азамат* — молодец, *азаматтык* — самые лучшие свойства и качества, присущие молодому мужчине.

Для характеристики авторитетного, почтенного человека используются следующие фразеологические единицы:

аттын кашкасындай (букв.: как белая отметина на лбу лошади), т.е. заметно выделяющийся среди других в положительном смысле;

сый киши — уважаемый, почитаемый человек;

от агасы — (букв.: брат огня) о мужчине, глава семейного очага, глава семьи;

мык чегер — (букв.: кующий гвозди) заправила; *бир үйдүн мык чегери* — тот, на ком весь дом держится, кто всем домом управляет;

аскар тоодой карааным или *ала аскар тоодой карааным* (букв.: моя опора наподобие высокой горы) — моя каменная стена, т.е. надёжная опора;

акар-чакар киши — человек семейный, степенный, с оседлым хозяйством; *акар-чакар болуп калыптыр* — он стал солидным, степенным хозяином;

бала-чакалуу, очор-бачар болуп калган — он стал семейным и степенным.

Из паремиологических выражений, характеризующих уважаемого человека, можно выделить следующие поговорки:

Эрдин атын алыстан ук, жанына келсе — бир киши — О молодце услышишь издалика, подойдешь ближе — он обычный человек;

Азаматтын жакшысы — он бешке келсе, кичүүлүк жок, жүзгө келсе, карылык жок — Хороший молодец в пятнадцать лет не мал, в сто лет не стар;

Тоо бийиктиги алыстан байкалат — Высоту гор видно издалика.

Концепт «Светлый ум»

Немаловажным в восприятии кыргызского человека со стороны были его интеллектуальные данные. Данный концепт репрезентирован следующим номинативным полем:

Лексический пласт	<i>акылман, аң-сезимдүү, акыл-эстүү, акылдуу, кыраакы, ойчул, туюмдуу, туярман, зээндуу, жүйөчү, жүйөчүл, эс тартуу, эс токтотуу, тикенектей</i>
Устойчивые сочетания	<i>акылы бүтүн, аркы-беркини көзү көргөн, акылдын тунугу, эси бүтүн адам, чымыны бар</i>
Паремиологический пласт	<i>Акылдуу отко карайт, акмак казанга карайт; адамдан акыл качып кутулбайт; Акылдуунун алды менен жүр, акмактын арты менен жүр; Акылдуунун сөзү кыска, айта салса — нуска; Адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт; Кеп кыйшынын жүйөчү билет, ичер ашты ээси билет; Терең дарыя тынч агат, акылдуу киши тынч айтат. Поговорка Баши — акыл үчүн, акылман — эл үчүн</i>

Лексические номинации реализуют такие когнитивные признаки.

КП «Руководствующийся в своих действиях требованиями рассудка, здравого смысла»: *акылман* — умный, рассудительный, мудрый; *акылдуу* — умный, разумный; *аң-сезимдүү* — сознательный; *ойчул* — склонный к размышлениям, раздумьям.

КП «Проницательный, умеющий предугадывать, предвидеть»: *кыраакы* — бдительный; дальновидный, прозорливый, догадливый; *туюмдуу* — догадливый, прозорливый; *туярман* — провидец, прозорливец.

КП «Быстро и легко усваивающий что-л»: *зээндуу* — понятливый, способный от арабского слова *зээн* — способность, понятливость, толковость; *жүйөчү, жүйөчүл* — толковый, находчивый, сообразительный, знаток правил обихода, обычаев.

Из арсенала устойчивых сочетаний, метафор, сравнительных оборотов, выражающих умственные способности человека, были выделены следующие единицы:

- *акылдын тунугу* (букв.: прозрачный ум) — светлый ум;

- *эси бүтүн адам* (букв. человек с полным сознанием) — здравомыслящий, рассудительный человек;
- *эси бар* (букв.: имеющий сознание) — рассудительный;
- *сокур чымыны бар акын* — (букв.: поэт со слепой мухой), т.е. акын (или поэт) с признаками дарования;
- *чымыны бар* — (букв.: с мухой), т.е. имеющий дарование, главным образом, поэтическое; *чымыны бар акын* — ода-рённый акын;
- *эс тартуу* или *эс токтотуу* (букв.: подтянуть мысли или притормозить мысли). Речь идет о подрастающем ребёнке, который умнеет, становится разумнее;
- *акылы бүтүн* (букв.: ум цельный) — умный, разумный;
- *акылы көзүндө* (букв.: у него ум в глазах) — о человеке, который понимает с одного взгляда.

Паремиологические единицы, характеризующие умственные способности человека:

- *Адамдан акыл качып кутулбайт* (букв.: ум от человека бегством не спасётся) — человек на выдумки хитёр.
- *Акылдуу отко карайт, акмак казанга карайт* — умный за огнём смотрит (подкладывает топливо и т.п.), а дурак в котёл заглядывает.
- *Акылдуунун алды менен жүр, акмактын арты менен жүр* — ходи впереди умного, ходи сзади дурака (умный, заметив у тебя недостаток, скажет тебе, а дурак, переусердствовав, может ударить).
- *Кеп кыйшыгын жүйөчү билет, ичер ашты ээси билет* — о том, где слово к месту, знает находчивый, о том, какая будет пища, знает её хозяин.
- *Терең дарыя тынч агат, акылдуу киши тынч айтат* — глубокая река спокойно течет, умный человек спокойно говорит.
- *Акылдуунун сөзү кыска, айта салса — нуска* — речь умного коротка, а скажет — образец для других, от арабского слова *нуска* — образец; пример, достойный подражания.

- *Адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт* — человек мыслью не насытится (всё думает и думает), а волк овцами не насытится.

Концепт «Усердие»

Трудовые навыки человека, его отношение к труду, работе были также в центре внимания. Человек, способный добросовестно относиться к своим обязанностям, обладающий определенными навыками, пользовался огромным уважением. Номинативное поле данного концепта:

Лексический пласт	<i>ийкем, бүйрө, кынап, өнөрлүү, тырышчаак, эптүү, шыктуу, күжүрмөн, эпчил, кыраан, сарамжалдуу</i>
Паремиологический пласт	<i>Коёндун жатагына чейин билет; Кылган иши кынаптай; Чоркок төөнү жаза муштайт, өнөрлүү тырмак менен казык уштайт; Көз коркок, кол баатыр.</i>

Лексические номинации, представленные качественными прилагательными, обращают внимание на опыт, мастерство, трудолюбие, хозяйственность человека:

- *ийкемдүү* — активный, расторопный, тот, кто в соответствии с ситуацией принимает решения, предпринимает активные действия;
- *бүйрө* — крепкий, ловкий;
- *оокатка бүйрө жигит* — умеющий зарабатывать на жизнь, добывать все своим трудом, умом;
- *өнөрлүү* — умелый, искусный; умелец, имеющий какую-л. профессию, знающий какое-л. дело;
- *тырышчаак* — старательный;
- *шыктуу* — способный;
- *эптүү* — ловкий, проворный, находчивый, изобретательный;
- *эптүү жигит* — ловкий, находчивый парень;

- *эптуулук* — ловкость, проворство, находчивость, изобретательность;
- *эпчил* — ловкий, умелый, расторопный, увёртливый;
- *күжүрмөн* — энергичный, неутомимый; *күжүрмөн жигит* — активный, энергичный парень;
- *кыраан* — энергичный, выделяющийся среди других благодаря своей решительности и незаурядности;
- *сарамжалдуу* — заботливый, хозяйственный;
- *белсемдүү* — надёжный, ответственный (о человеке, на которого можно положиться в любом деле);
- *кынапта* — делать что-либо тщательно, искусно. *Айымжан кынаптап мээлей тигип отурган* (Т. Сыдыкбеков) — Айымжан сидела и старательно шила варежки.

Паремиологический пласт. Поговорки и пословицы отражают умения и природные наклонности человека:

О высоком мастерстве и профессиональных навыках человека говорится в пословицах:

- *Коёндун жатагына чейин билет* (букв.: он знает всё, включая логово зайца) — Он знаток своего дела;
- *Чоркок төөнү жаза муштайт, өнөрлүү тырмак менен казык уштайт* — Недотепа в верблюда кулаком промах даст, умелец ногтем кол затёсывает;
- *Өнөрлүү өлбөйт* — Умелец не пропадёт.

Выводы

Погружение в сферу языковой репрезентации кыргызских добродетелей позволило контурно обрисовать портрет положительного кыргыза, который напрямую обусловливается социально-бытовым укладом кыргызского народа, его исторической памятью, жизненными ценностями. Кыргызский народ имеет свой нравственный идеал человека, который еще прочно связан с историческим прошлым и поэтому далеко не во всем совпадает со стереотипами советской и постсоветской морали. Нравственный идеал кыргызского человека в массовом языковом сознании состоит из следующих добродетелей: *душевная щедрость, справедливость, толерантность, бесстрашие, вес в обществе, ум, проницательность, мастерство и умение.*

Концептосфера «Кыргызские пороки»

Концептосфера «Кыргызские пороки» актуализирует такие когнитивные сферы, как природные задатки, характер человека, отношение к окружающим, поведение и характеристику, которые соответствуют следующим макроконцептам: «Недостатки характера», «Плохой нрав», «Плохое отношение», «Негативное поведение», «Низкая оценка»

Недостатки характера	Плохой нрав	Плохое отношение	Негативное поведение	Низкая оценка
Порок Жадность Хитрость	Тяжелый нрав Упрямство Слабоволие	Надменность Бесчестное отношение Безразличие	Недостойное поведение Хвастовство	Никчемность Неприятный на вид Недалекий ум

Макроконцепт «Недостатки характера»

Макроконцепт «Недостатки характера» формируется такими концептами, как «Порок», «Жадность», «Хитрость».

Концепт «Порок»

Концепт «Порок» представлен 34 языковыми единицами. Номинативное поле концепта включает:

Лексический пласт	<i>тоң моюн, куйту, калтычы, таарынчаак, соргок, оюнкараак, тажатма, селсаяк, алдамчы, кызганчаак, култулдак, култуңда- жалачы, жалачыл, бейжай айылчы, аңкылдак, ажылдак, беймаза богооз, шылуун, куйтулан, жылдырма</i>
-------------------	---

Фразеологический пласт	<i>жел таман, беш өрдөк учур-, жылма кабак, ниети бузук, кулкуну бузулган, бет тырмар жалаа, ичи тар, суу жукпаган шылуун, кой терисин жамынган шылуун, кулкуну бузулган, кулкунга сал- или кулкунга куй-, кулкунуна куюп койду, кулкуну эң эле кулкулдап кетти, кулагына кум куйгандай</i>
Паремиологический пласт	<i>Эшектин кулагы узун, ушакчынын тили узун; Өз көмөчүнө күл тарткан; Өзүм-өзүм дегенде өргө чыкчу күчүм бар, өзгө менен кектешкенде кетпес-бүтпөс өчүм бар; Бекерчиден безе кач, ушакчыдан көчө кач; Өз кекиртегин гана ойлойт — он заботится только о личной выгоде; Соргок-суусак, долу-ыйлаак, ырысы жок-таарынчак; Кошоматчыга кой сойдурба; Калптын арышы кыска калп ырыс кесет; Калптын казаны кайнабайт; Оордун үстү, жеңилдин асты менен кайпып кетет; Обу жок катын оорсок уй саайт; Төркүнү жакындын төшөгү жыйылбайт; Сагызган сактыгынан өлбөйт, суктугунан өлөт карыганда; Айылчынын аягы ашта-тойдо тыйылат</i>

Когнитивно-семантический анализ лексических номинаций выявил основные когнитивные признаки, которые характеризуют определенные отрицательные наклонности личности, такие как болезненная уязвимость, стремление поживиться за чужой счет, склонность к эмоциональному выяснению отношений, склонность говорить неправду, склонность причинять беспокойство, склонность к словесной агрессии, склонность к неискренности:

1) **КП «Болезненная уязвимость»:** *таарынчак* — обидчивый; *намысчыл* — без меры обидчивый, тот, кто склонен по поводу и без повода удариться в амбицию;

2) **КП «Стремление поживиться за чужой счет»:** *айылчы* — любитель ездить по чужим аулам с целью получить угощение; *соргок* — обжора, прожорливый, ненасытный;

3) **КП «Склонность к эмоциональному выяснению отношений»:** *ажылдак* — крикун, который другим не даёт слова сказать; *аңкылдак* — крикливый, болтливо простодушный; *бейжай* — вздорная, скандальная (о женщине); *богооз* (букв.: дерьмо + рот) — сквернословие;

4) **КП «Склонность причинять плохое людям»:** *жылдырма* — пролаза, тот, кто исподтишка делает какую-либо пакость, а потом ходит себе смиренным; *шылуун* — обирала, ловчила; *суу жукпаган шылуун* — ловчила, который сухим из воды выходит;

5) **КП «Склонность причинять беспокойство»:** *беймаза* — надоедливый, беспокойный, причиняющий беспокойство; *тажатма* — надоедливый, назойливый;

6) **КП «Склонность к неискренности, к недоброжелательству»:** *куйту* — лживый, лицемерный, лживый; *проныра*; *куйту киши* — смутьян, интриган; *култулдак* — неискренность, двуличие; непостоянство; *култуңда* — испытывать скрытую радость; *куйтулан* — вести нечестную игру, сеять раздор;

7) **КП «Склонность говорить неправду»:** *калтычы* — лгун; *алдамчы* — обманщик; *жалачы, жалачыл* — клеветник, клеветник;

8) **КП «Склонность думать только о своих интересах»:** *жекечил* — замкнутый, стремящийся к обособлению; *өзүмчүл* — тот, кто думает только о себе; *кызганчаак* — ревнивый;

9) **КП «Склонность к несерьезному поведению»:** *оюнкараак* — шаловливый; шутник, забавник, весельчак; *селсаяк* — склонный к бродяжничеству, не имеющий пристанища; скитающийся на чужбине.

Второй номинативный пласт концепта «Порок» составляют свободные сочетания, фразеологические единицы. Когнитивные признаки, характерные для данных языковых единиц, следующие:

1) **КП «Склонность поживиться за чужой счет»:** *кой терисин жамынган шылуун* — обирала в овечьей шкуре; *кулкунга сал* (букв.: положить в глотку) от арабского слова *кулкун* (глотка) или *кулкунга куй* (букв.: налил в глотку) — присвоить чужое, прикарманить; *кулкунуна куюп койду* (букв.: налил себе в глотку) — он хап-

нул, прикарманил; *кулкуну эң эле кулкулдап кетти* (букв.: уж очень глотка его стала ненасытной), т.е. что-то уж аппетиты у него непомерно разыгрались; *кулкунун тартуу керек* (букв.: надо подтянуть его глотку) — нужно умерить его аппетиты; *кулкуну тыйылды* — он удовлетворил свой аппетит; *кулкуну бузулган* (букв.: глотка испорченная) — ненасытный, взяточник;

2) КП «Склонность свалить вину на другого»: *бет тырмар жалаа* (букв.: клевета как исцарапать лицо) — клевета, преследующая цель свалить вину на другого;

3) КП «Склонность думать только о своих интересах»: *өз көмөчүнө кул тарткан* — тот, кто на свой каравай подтягивает золу;

4) КП «Склонность к непониманию других»: *кулагына кум куйгандай* (букв.: как песком набили уши) как глухой, т.е. ему как об стенку горох;

5) КП «Склонность говорить неправду»: *беш өрдөк учур* (букв.: пустить пять уток) — рассказывать небылицы;

6) КП «Склонность к легкомысленному поведению»: *жылма кабак келин* — влюбчивая и ветреная молодая женщина.

Третий пласт концепта «Порок» образуют паремиологические выражения:

1) КП «Склонность думать только о своих интересах»: *Өзүм-өзүм дегенде өргө чыкчу күчүм бар* — когда самого себя касается — сил столько, что на гору взлетишь; *өз кекиртегин гана ойлойт* — он заботится только о личной выгоде (букв.: он думает только о своей глотке); *сагызган сактыгынан өлбөйт, суктугунан өлөт* — сорока умирает не от осторожности, а от жадности;

2) КП «Склонность к бесполезному образу жизни»: *бекерчиден беке кач, ушакчыдан көчө кач* — от бездельника беги без оглядки, от клеветника поскорей откочуй. *Айылчынын аягы ашта-тойдо тыйылат* — ноги айылчы успокаиваются (только) на поминках и на пиру, где он расслаживается;

3) КП «Склонность к безответственности»: *оордун үстү, жеңилдин асты менен кайнып кетет* (букв.: проскользнет поверх тяжелого, прошмыгнет под легким) — о человеке, который ходит вокруг да около, а по сути не говорит; также о безответственном человеке, который делает любое дело спустя рукава;

4) КП «Склонность говорить неправду»: *калптын казаны кайнабайт* — кривдой не проживёшь (букв.: у лжи котёл не кипит); *калптын арышы кыска* — у лжи шаг короткий; у лжи ноги короткие; *калп ырыс кесет* — ложь счастье отсекает; ложь к добру не ведёт;

5) КП «Неумение контролировать себя»: *Соргок-суусак, долуйылаак, ырысы жок-таарынчак* — обжора — ненасытен, истеричка — плаксива, невезучая — обидчива. *Обу жок катын оорсок уй саайт* — бестолковая баба недоиную корову доит — от слова *оорсок*, так называют недоинный скот или *оорсок уй* — неподпускная корова, доящаяся без телёнка, что в старом быту было необычным. *Төркүнү жакындын төшөгү жыйылбайт* — у кого женина родня близко, у того постель не убирается (в доме не прибрано, так как жена то и дело бегает к своей родне); *эшектин кулагы узун, ушакчынын тили узун* — у осла уши длинные, у сплетницы язык длинный;

6) КП «Неумение быть искренним»: *кошоматчыга кой сойдурба* — не доверяй резать барана подхалиму.

К явным порокам кыргыз относит такие черты, как эгоизм, ложь, изворотливость, лицемерие, безделье, легкомыслие, бездушие, эмоциональную несдержанность.

Концепт «Жадность»

Среди понятий, отражающих личностные свойства человека, своей наибольшей номинативной и синонимической представленностью в рамках макроконцепта «Порок» выделяется концепт «Жадность». Проживая большими семьями, родственными кланами, кыргызы стремились к равноправному распределению добра, скота и прочего. Пытаясь соблюдать равные доли, они всячески пресекали попытки присвоить себе больше, чем другим. Люди, позарившиеся на нечто большее, предавались осуждению. Для языковой объективации концепта «Жадность» в кыргызском языке существует более десятка лексических номинаций. Но в каждой номинации присутствует своя специфическая сема, которая дифференцируется в зависимости от отношения человека к материальному богатству, к пропитанию, к быту и т.д.

Концепт «Жадность» формируется из следующего номинативного поля, в котором выделяется три пласта:

Лексический пласт	<i>сараң</i> — жадный, <i>ачкөз</i> — ненасытный, <i>битир</i> — мелочный скупердй, <i>зыкым</i> — прижимистый, скупой, <i>сугалак</i> — жадный до еды, ненасытный, прожорливый, <i>опкок</i> — ненасытный, прожорливый
Фразеологический пласт	<i>пейли тар</i> — скупой; <i>кулкуму жаман</i> (букв.: глотка плохая) или <i>кулкуму бузулган</i> (глотка испорченная) — прожорливый, взяточник; <i>тарамыштай тырышкан</i> (букв.: тянуться как сухожилие) — скряга; <i>таш тырмак</i> — жадный (букв.: каменные ногти), <i>жез тырмак</i> — скупой (букв.: медные ногти), <i>ичине кара таруу айланбайт</i> (букв.: у него внутри так тесно, что просяному зернышку негде повернуться) — скряга, скупердй
Паремиологический пласт	<i>Бербестин ашы бышпас</i> — У того, кто не хочет давать, пища долго варится; <i>Киши өзү тойсо да, көзү тойбойт</i> — Человек хоть и досыта наестся, глаза никак не насытятся. <i>Кең пейилдүү кемибейт, тар пейилдүү жарыбайт</i> — У щедрого не убудет, а у скупого не прибудет

Для обозначения такого свойства человека, как жадность, в кыргызском языке употребляются такие метафоры, как *таш тырмак* (каменные ногти) и *жез тырмак* (медные ногти). Наиболее значимым для выражения идеи ценностного значения посредством метафор, создаваемых носителями кыргызского языка, является предметный культурный код. Это объясняется тем, что для метафоризации в целях ценностно-значимостного переосмысления избираются такие объекты предметного и телесного мира, которые структурируют жизненно важное пространство человека.

Метафоры, классифицируемые на основе телесно-соматической ассоциации, реализуются через лексему *кулкум* (глотка), которая является мерилем ненасытности. Образ скряги ассоциируется у кыргыза с чем-то напряженно-натянутым, которое напоминает ему сухожилие (*тарамыш*). Идея сжатости, тесноты встречается в поговорке *Ичине кара таруу айланбайт* (букв.: у него внутри так тесно, что просяному зернышку негде повернуться).

С лингвокультурологической точки зрения интерес представляет такое выражение, как *берерге бешимде кымыз, бербеске шашкеде саамал* — кому хотят дать, так и после полудня для него найдётся кумыс, а кому не хотят дать, так и к позднему утру он еще не заквасится. Обычно большая часть кумыса обычно выпивается до полудня, после чего в бурдюк вливают новую порцию свежего кобылиного молока, и кумыс становится готовым только к утру.

Концепт «Хитрость»

Хитрость — в понимании кыргыза один из неистребимых человеческих пороков. В кыргызском лексиконе для номинации этого понятия оформилось около десятка единиц. Часть этих слов заимствована из арабского языка. Семантическая структура данного понятия складывается из таких сем, как хитроумность, изворотливость, скрытность, плутовство, тайный умысел и т.п.

Номинативное поле концепта «Хитрость»:

Лексические номинации	<i>куу</i> — хитрый, пронырливый; <i>арамза, митаам, амалкөй</i> — плут, хитрый, ловкач; <i>айлагер</i> — хитрец, плут, <i>кытмыр</i> — себе на уме, хитрый, скрытный; <i>жылдырма</i> — хитрец, действующий незаметно, исподтишка, пройдоха; <i>амалдуу</i> — изворотливый; <i>айла</i> — хитрость, уловка
Фразеологический пласт	<i>элдүү түлкү</i> (букв.: лиса при народе) — хитрец, имеющий опору, много сторонников; <i>элсиз түлкү</i> (букв.: лиса без народа) — хитрец, не имеющий опоры, без сторонников;
Паремиологический пласт	<i>Эр айласы бир, катын айласы миң</i> — У мужчины одна уловка, у женщины — тысяча; <i>Адамдан айла качып кутулбайт</i> (букв.: уловка от человека бегством не спасётся) — Человек на выдумки хитёр; <i>Айла алтоо, акыл жетөө</i> — Хитрости — шестеро, а ума — семеро, т.е. ум сильнее хитрости

Когнитивный признак, присущий всем языковым единицам, подчеркивает динамическую природу порока «Хитрость», которые заложены в семантической структуре репрезентируемых единиц, таких как изворотливость, пронырливость, уловка, бегство и т.д.

Анализируя приведенные выражения, можно сказать, что хитрость — это прагматически мотивированное качество, помогающее в некоторых случаях выживать в суровых условиях, однако кыргыз воспринимал это качество негативно и отдавал предпочтение честной смекалке, здравому разуму.

Макроконцепт «Плохой характер»

Макроконцепт «Плохой характер человека» состоит из концептов «Тяжелый нрав», «Упрямство», «Слабоволие».

Концепт «Тяжелый нрав»

Данный концепт имеет в кыргызском языке высокую номинативную плотность. Более 40 единиц служат для выражения этого понятия. Из них 16 лексических номинаций, 32 свободных и устойчивых синтагм и 8 паремиологических выражений.

Лексический пласт	<i>чыр, долу, ажаан, мерез, кырс, тажаал, өкүм, канкор, оолукма, тайбас, чоогол, орөскөөл, намысчыл, каяшачыл, кекчил</i>
Фразеологический пласт	<i>таш боор, кара ниет, бети калын, кара пейил, кара муртөз, терс кыял, чорт кыял, каны суюк, териси тар, кыялы чукул, кыялы корс, тааш боор, мүнөз кут, жеңил мүнөз, кайрымы жок, батымы жок, ачуусу чукул, көр жеңме, ичи тар, кара муртөз, ичи арам; метафоры: кызыл камчы, жылкы мүнөз, топоз кыял</i>
Паремиологический пласт	<i>Жылан өлтүрөйүн десе, тааш алып бербейт; Жумурткадан кыр тапкан; Желкесинин чуңкуру жок; Айдатма азуусун айга бүлөгөн</i>

Лексические номинации представлены как исконно кыргызскими словами, так и заимствованиями из арабского языка (*ажаан, тажаал*). Эти слова выражают многочисленные психические аспекты тяжелого нрава: жестокость, мстительность, кровожадность, бессердечие, зависть, злость, раздражительность, вспыльчивость, грубость и т.п.

КП «Охваченный, проникнутый злом»: *ажаан* — злой, злющий; *тайбас* — дерзкий, грубый; *ичи тар* — завистливый; *кекчил* — мстительный; ненавистник; *кырс* — нелюдимый, недобрый.

КП «Не имеющий жалости, склонный к жестокости»: *мерез* — нелюдимый, жестокий, суровый; *балага мерез киши* — человек, т.е. жестокий в обращении с детьми; *канкор* — кровожадный, жестокий, кровопийца, хищник.

КП «Не умеющий сдерживать себя, склонный к конфликтам, агрессии»: *тажаал* — страшилище, невозддержанный, скандальный; *оолукма* — раздражительный, легко возбудимый, вспыльчивый; *урушчаак* — склонный к скандалам, раздражительный; *долу* — сварливый, истеричный, вздорный; *кайшачыл* — склонный к конфронтации, вздорный; *өкүм* — несдержанный, вспыльчивый; *чоогол* (название колючего растения) — вспыльчивый, несдержанный.

Устойчивые и свободные синтагмы указывают на различные проявления тяжелого характера человека. Когнитивные признаки, лежащие в основе данных единиц, дублируют приведенные выше.

КП «Не умеющий себя сдерживать, склонный к эмоциональной агрессии»: *кыялы корс* — характер у него грубый; *кырс мүнөздүү* — вспыльчивого, строптивого характера; *чыр киши* — вздорный человек, скандалист; *терс кыял* — грубиян; *кыялы кырс* — вспыльчивый; *мүнөзү чорт* — вспыльчивый человек; *чорт кыял* — вспыльчивый; *кыялы чукул, ачуусу чукул* — вспыльчивый; *жеңил мүнөз* — вспыльчивый характер; *оолукма киши* — вспыльчивый человек; *оолукма жинди* — буйно помешанный; *кыялы чатак* — вздорный; *жинди кыял* — помешанный; *кызуу киши* — горячий человек; *каны суюк* (букв.: у него кровь жидкая) — вздорный, несдержанный, горячий; *териси тар* (букв.: ему его кожа тесна) — вспыльчивый, раздражительный.

КП «Не имеющий жалости, склонный к жестокости»: *пейли кара* или *кара пейил* — злонамеренный человек; *кайрымы жок* — безжалостный, бессердечный, бездушный; *кызыл камчы* (букв.: красная плеть) — жестокий и скорый на расправу; *кызыл камчы немеге жолугуптурмун* — муж мне достался жестокий и с тяжёлой рукой; *таш боор* (букв.: каменная печень) — жестокий; *ичи арам* — скрытный, таящий в себе скверные мысли и намерения; *кара ниет* — злое намерение; *кара муртөз* — скрытный, недоброжелательный, злопамятный; *желкесинин чуңкуру жок* (букв.: у него нет ямки у заднего основания шеи) — бездушный.

КП «Имеющий плохой нрав»: *кыялы жаман* или *кыялы бузук* — человек скверного нрава; *беттин калыңдыгы* (букв.: толстость щеки) — неотзывчивость, толстокожесть; *жылкы кыял* (букв.: лошадиный нрав) — неуравновешенный; *жылкы мүнөз* (букв.: лошадиный характер) — неуживчивый характер; человек с неуживчивым характером; *көр жеме* — тот, кто поедом ест других; *ал көр жеме* — *катынына да, балдарына да күн көрсөтпөйт* — он такой ворчун, что ни жене, ни детям житья не даёт; *батымы жок* — неуживчивый; *мүнөз күт* — иметь плохой нрав, характер; *өрөскөөл адам* — грубый человек.

Выражения *каны суюк* (жидкая кровь), *таш боор* (каменная печень), *териси тар* (тесная кожа), *беттин калыңдыгы* (толщина лица) раскрывают характер кыргызов через телесный и физиологический коды. То есть степень жидкость крови и теснота кожи в кыргызском сознании ассоциируется с неуживчивостью, конфликтностью человека, толстокожесть лица олицетворяет бездушие, каменная печень приписывается холодному, жестокому человеку. Надо сказать, что у кыргызов печень является средоточием многих чувств как положительных, так и отрицательных.

Языковая экспликация человеческих пороков, естественно, не обходится без участия зооморфного кода. Характер неуравновешенного человека выражается идиомами *жылкы кыял*, *жылкы мүнөз* (лошадиный норов).

Лингвокультурологическую окраску можно заметить во фразеологизме *кызыл камчы* (красная плеть). Так у кыргызов называют мужа, жестоко обращающегося со своей женой.

Поговорки, выражения передают негативную человеческую сущность, которая проявляется в жестокости, придирчивости, бездушии, злости.

КП «Имеющий плохой нрав»: *Жумурткадан кыр таап* (букв.: отыскивая грань у яйца) — придираясь к мелочам, копаясь в подноготной; придирчиво; *алар жумурткадан кыр табууга аракет кылышат* — они стараются найти повод для придирок, стараются хотя бы к чему-нибудь придраться; *өгөй* — *өөнчүл*, *жетим* — *кекчил*, что означает неродные (мачеха, отчим) придирчивы, а потому сирота злопамятен; *жылан өлтүрөйүн десе, таш алып бербейт* — даже камня не подаст, чтобы убить змею.

КП «Не умеющий себя сдерживать, склонный к эмоциональной агрессии»: *катының долу болсо, замандын тынчтыгынан не пайда?* — Что пользы в том, что времена спокойны, если у тебя жена сварлива? *Өкүм болмок* — *озүңдөн*, *сылык болмок* — *сөзүңдөн* — быть вспыльчивым — от тебя зависит, быть вежливым — от твоих слов, т.е. и проявление несдержанности и вежливости зависят от самого человека. *Өзүн-өзү токтото албайт экен, каны суюк* — он не может сдерживать себя, горяч; *Оолукмалуу балага эликмелүү жин тиет* — на необузданного паренька буйный бес нападает. *Айдатма азуусун айга бүлөгөн* (клык свой точил о луну) — драчливый, склонный к конфронтации. Здесь также прослеживается зооморфный код.

Концепт «Слабоволие»

Слабоволие — это также одно из проявлений человеческой сущности, которые представляют своего рода антипод резкому, необузданному характеру, который был рассмотрен выше. Человеческие слабости в понимании кыргыза были одним из отрицательных проявлений в характере человека. К ним относились по-разному: снисходительно, с жалостью, с неприятием.

Номинативное поле концепта состоит из 19 единиц.

Лексические номинации	<i>жалтаң, кажыгыр, жоош, жалакай, коркок, жалтаң, жалтак, уялчаак, оома</i>
-----------------------	--

Фразеологические единицы	<i>боз койдон жоош, катындан казан талашкан, жүрөгү тайкы, күн карама, көз карама, жүрөгү майсыз</i>
Паремиологические единицы	<i>Уялган шыбагасынан кур калар — Уялчаак өз ырыскысынан куру калат. Коркоктуң баарынан жогу. Коркокту үч жолу коркутсаң, баатыр болот. Жооштон жоон чыгат. Жумиак жыгачты курт басат. Жыгачтын жумиактын курт жейт, адамдын жумиактын адам жейт. Коркок миң өлөт, баатыр бир өлөт.</i>

Такие слабости, как трусость, пугливость, стеснительность, непостоянство, кротость и т.п., считались проявлением бесхарактерности, безволия. Лексические единицы, репрезентирующие данный концепт, актуализируют следующие когнитивные признаки:

КП «Имеющий пугливый характер»: *жалтак* — запуганный, забитый, трусоватый; *жалтаң* — запуганный, забитый, нерешительный; *жалтаң киши* — боязливый, несмелый человек; народная мудрость гласит: *жалкоо менен жалтаңдын, жанында даяр күбөөсү* — рядом с лентяем и трусом всегда готов защитник; *коркок* — трус, трусливый.

КП «Имеющий слабый дух»: *жалакай* — невыносливый, непереносимый к боли, не приспособленный к чему-либо; *кажыгыр* — слабый, вялый; *жоош* — смирный, кроткий; *оома* (букв.: сваливающийся набок) — непостоянный, легко поддающийся влиянию.

Указанные когнитивные признаки лежат и в основе фразеологизмов:

КП «Имеющий пугливый характер, склонный всего бояться»: *жүрөгү тайкы* — трус; *жүрөгү майсыз* (букв.: сердце его без жира) — трус; *жер карама* (букв.: смотрящий на землю) — забитый, запуганный, замкнутый.

КП «Имеющий слабую волю»: *көз карама* (букв.: тот, кто заглядывает в глаза) — зависимый, находящийся в зависимости от другого; *күн карама* (букв.: тот, кто смотрит на солнце) — подсолнечник, так называют заискивающего, не имеющего своего мнения человека, зависимого от кого-то; *боз койдон жоош* (или *момун*),

ак койдон аңкоо (или *маңоо*) — смирнее серой овцы, проще белой овцы, т.е. тише воды, ниже травы; *катындан казан талашкан* — он у жены оспаривает котёл; так презрительно говорят о безвольном мужчине, который занимается женскими делами.

Концепт «Слабоволие» раскрывается и через поговорки.

КП «Трусость как неприглядная черта человека»: *Коркоктуң баарынан жогу* — (букв.: чем быть трусом, лучше уж совсем бы его не было), т.е. хуже трусости ничего нет; *Коркокту үч жолу коркутсаң, баатыр болот* — Если трижды напугать труса, он станет храбрецом; *Коркок миң өлөт, баатыр бир өлөт* — Трус умирает тысячу раз, герой умирает один раз.

КП «Слабый характер не безопасен»: *Жооштон жоон чыгат* (букв.: из смиренного нечто толстое выходит), т.е. в тихом омуте черти водятся; *Жумиак жыгачты курт басат* — (букв.: на мягкую древесину черви нападают), другими словами, мягкий человек становится для всех легкой добычей; *Жыгачтын жумиактын курт жейт, адамдын жумиактын адам жейт* — Мягкую древесину черви пожирают, мягкого человека человек уничтожает.

КП «От слабого характера нет пользы»: *Уялган шыбагасынан кур калар* — Застенчивый и своей доли не получит; *Уялчаак өз ырыскысынан куру калат* — стеснительный и своей доли лишится. Чрезмерная застенчивость характера считалась недостатком, поскольку человек из-за неуместной стеснительности часто лишается своей доли в чём-либо, радостей, определённых человеку судьбой.

Кажыгыр күйөө кайынсаак, төжүгүр катын төркүнсөөк — Слабый муж льнет к родне жены, непоседливая жена бежит к своей родне. Осуждению кыргызов подвергался мужчина, который сближался с родственниками жены, и жена, которая тесно общалась со своими родными. В традициях кыргызов жена, придя в дом мужа, должна была ограничить свое общение со своей семьей, поскольку она, выйдя замуж, считалась членом уже новой семьи.

Концепт «Упрямство»

Упрямство — одно из отрицательных свойств человеческой природы.

Лексический пласт	<i>тээжик, кыйык, кежир, өжсөр, көк, керденкеч, тетир, өлөрман</i>
Фразеологический пласт	<i>кер ооз, жүрөгү таиш или таиш жүрөк</i>
Паремиологический пласт	<i>Эрегиштен эр өлөт, кара кулак шер өлөт; Тил албаган ит оорусу бар; Жыгылган күрөшкө тойбойт, маалкатып турган жок</i>

Лексическая номинация: *тээжик* — упрямый; *кыйык* (букв.: косые обрезки ткани) — упрямый; *кежир* — упрямый; *өжсөр* — упрямый; *көк* (букв.: синий) — упрямый, упорный; возможно речь идет о человеке, который проявляет упрямство до посинения; *керденкеч* — упрямый, несговорчивый, строптивый; *тетир* (букв.: наоборот) — о человеке, который упорно все делает наперекор другим; *өлөрман* (от слова *өл* — умирать) — неистовый в действиях; например: *эчтемеден кайтпаган өлөрманды жиберишти* — он послал такого неистового, который ни перед чем не остановится; *кераяк* или *терсаяк* — упрямый, делающий всем наперекор; *маалкатуу* — упрямиться; речь идет об упрямстве человека с выражением напускной важности с элементами намеренного оттягивания времени, нежеланием выполнять просьбу; ср.: *маалкатпай эле жүрсөңчү* — будет тебе важничать, упираться, пойдём.

Фразеологические единицы: *кер ооз* (от «назад + рот») — несговорчивый; *жүрөгү таиш* или *таиш жүрөк* (букв.: каменное сердце) — непреклонный;

Паремиологические единицы: *Эрегиштен эр өлөт, кара кулак шер өлөт* — От тупого противостояния богатырь гибнет — чернотухий лев погибнет; *Жыгылган күрөшкө тойбойт* — Победённый борьбой не насытится, т.е. ищет реванша; *Тил албаган ит оорусу бар* (он страдает собачьей болезнью неслуха) — Он уж такой неслух, уж такой упрямец!

В основе приведенных языковых единиц лежит общий когнитивный признак: «делающий все наперекор другим, не желающий никому уступить».

Макроконцепт «Негативное отношение»

Макроконцепт «Негативное отношение» актуализируется такими концептами, как «Надменность», «Бесчестность», «Безразличие».

Концепт «Надменность»

«Надменность» — достаточен емкий концепт в кыргызском языке, о чем свидетельствует его высокая номинативная плотность (35 ед.). Можно думать, что это качество проявлялось в отношениях людей так часто, что для кыргыза это одна из наиболее нетерпимых сторон человеческой натуры. Таких людей всегда остерегались, боялись, зачастую от них зависели простые люди. И именно последние были объектом уничижительного отношения со стороны тех, кто занимал более высокое положение, имел материальное превосходство и т.д.

Лексический пласт	<i>текебер, өрдүк; керейген, бааланган, керсей, бойкер, кенкей, кербез, кекирейген</i>
Фразеологический пласт	<i>чамгарактаган жекесинген, төрө пейил, өр көкүрөк, бой көтөр, ооз кесир, көөдөн көтөр, ооз көптүрүп сүйлө, бейил күт-, кыялы семирген, кыял күтүп калды; көөдөнүн өргө чаап турган, чаначтай көпкөн</i>
Паремиологический пласт	<i>Менменсингендин төбөсү жүрбөйт булак өзүн көлмүн дейт; Жаман уул атасы өлгөндө кобөт; Кийиктин жүргөн тоосу бийик болсо, көзү кызыл болот; Үзөңгүнү чирене тээп турган кези; Көпсөң — жарыласың, толсоң — төгүлөсүң; Көзүн май басты он, өзүн өзү билип, өтүгүн төргө илип; Куру намыс көрк бербейт</i>

Лексические номинации имеют отрицательную коннотативную окраску. Некоторые из этих слов заимствованы из арабского и

иранского языков (*текебер*, *кербез*). Исконно кыргызские выражения отражают особое восприятие такого типа людей. В представлении кыргызов это такая категория людей, которые становятся неестественными в своем поведении, ходят надутыми с запрокинутой назад головой, смотрят на людей свысока. Этнокультурный компонент содержит слово *чамгарактаган* от слова *чамгарак* — это длинные, загнутые сверху жерди, которые поддерживают сверху основную круг юрты (*тундук*). Когда человек зазнается, то кыргызы часто говорят, что он занесся наверх (до высоты *чамгарака*).

КП «Считающий себя исключительным, относящийся к другим свысока»: *текебер* — кичливый, заносчивый, надменный; *кербез* — чванливый, заносчивый; *өрдүк* — заносчивость, надменность; *керейген* — заносчивый от *кер* — расправлять, растягивать; ср.: *аркан кердим* — я растянул верёвку; *бойкер* (букв.: выпрямить стан) — важничать, смотреть свысока; *керсейген* — важный, чванливый; *кекирейген* — напыщенный, важный; *жекесин* (от слова *жеке* — только он сам) — быть самонадеянным, считать себя исключительным; *баалан* — чваниться; *баарлан* — чваниться; мнить о себе; *чамгаракта-* зазнаваться; *маалкатуу* — важничать; *менменсинуу* (от слова «мен» — я) — похвалиться, бахвалиться.

Фразеологические единицы: *төрө пейил* — барственно гордый; *ооз кесир* — бахвальство; самонадеянные речи с угрозой; *бой көтөр* (возвышать рост) — задирать нос, важничать, зазнаваться; *пейил күт* — быть напыщенным, деланно важным; *өр көкүрөк* (вздымающаяся грудь) — заносчивый, надменный; *кыял күтүп калды* — он заважничал, зазнался; *ооз толтуруп сүйлө* (букв.: говорить, наполнив рот) — говорить самонадеянно; *ооз көптүрүп сүйлө* (букв.: говорить вздутым ртом) — говорить самонадеянно; *кыялы семирген* (букв.: сознание разжирело) — он стал заносчивым; *чаначтай көпкөн* (букв.: вздувшийся как бурдюк) — без меры чванливый, заносчивый; *көөдөнүн өргө чаап турган* (букв.: грудь, устремленная вверх) — возгордившийся, от иранского слова *көөдөн* — грудь, верхняя часть туловища, стать напыщенным, заносчивым; зазнаться; *көөдөн көтөр* (букв.: поднимать грудь) — стать заносчивым, надменным, важничать; *үзөңгүнү чирене тээп* (букв.: опираться на стремена вытянутыми ногами, не сгибая их

в коленях), т.е. в такой манере садиться верхом, демонстрируется надменное отношение к другим.

В основе этих сочетаний лежит такая же интерпретация, о которой мы говорили выше. Интересна языковая трактовка выражений, связанных с манерой говорить у заносчивых людей, т.е. кыргызов воспринимает как людей с безобразно наполненным, вздутым ртом. Этнокультурологический характер наблюдается в выражении *чаначтай көпкөн* (вздувшийся как бурдюк), т.е. чванливого человека сравнивают с бурдюком, который в кыргызском быту заполняют кумысом.

Паремиологические единицы. Самыми большими человеческими пороками считались чванство и высокомерие: *Куру намыс көрк бербейт* — Пустая спесь не украшает; *Көзүн май басты* (букв.: у него глаза жиром заплыли) — он с жиру бесится, он зазнался; *Жер баспай калды* (букв.: он не ходит по земле) — Он вознёсся, нос задрал; *Көпсөң — жарыласың, толсоң — төгүлөсүң* (букв.: вздуешься — лопнешь, наполнишься — прольёшься) — так говорят о непомерно заносчивом человеке; *Булак өзүн көлмүн дейт* — Родник мнит себя озером; *Менменсингендин төбөсү жүрбөйт* — У бахвалистого макушка без движения; *Өзүн өзү билип, өтүгүн төргө илип* — Непомерно чванясь и возомнив о себе (букв.: сам себя зная, сапоги свои на почётное место повесив); *Кийиктин жүргөн тоосу бийик болсо, көзү кызыл болот* — Если гора, по которой ходит кийик (вид горного козла), высока, он начинает важничать. Общеизвестно, что и в наши дни не каждый выдерживает испытание властью и деньгами. У кыргызов человека, достигшего высокого положения или имеющего высокое покровительство, сравнивают с диким козлом, у которого на высокогорье глаза наливаются кровью и становятся красными. Эти ассоциации с диким животным в кыргызском языковом сознании связаны со стереотипами их исторического образа жизни, огромное значение в котором имели охота, скотоводство.

Концепт «Бесчестность»

Бесчестное отношение (24 ед) к окружающим также является предметом языковой интерпретации в любом языке. В кыргызском

языке при выражении этой стороны взаимоотношений людей имеет место достаточно детальная языковая интерпретация:

Лексическая номинация	<i>арам, абийирсиз, уятсыз, арамза, таркы, арамзаада, адилетсиз, тукургуч, азгыруу, бузуку</i>
Свободные и устойчивые сочетания	<i>ары жок, ыйбаасы жок, бети калың, тик көз, бети чымырабай, уят-сыйытты билбеген, тузу арам, нас адам, пейли бузук</i>
Паремиологические единицы	<i>Кыз боозуп, энесин коркутат; Өз башындагы төөнү көрбөгөн киши бирөөнүн башындагы чөптү көрөт; Боор ооруса, боорго тепкен</i>

В понимании кыргыза безнравственное отношение к другим проявляется, как бесстыдство, подлость, неблагодарность, беззастенчивость.

КП «Не имеющий совести»: *уятсыз* — бессовестный, *абийирсиз* — бесстыдный, беспутный; *бети жок* (букв.: лица нет) — бессовестный, бесстыдный; *нас адам* — низкий (подлый) человек; *ары жок* — бессовестный, бесстыдник; *уят-сыйытты билбеген* (букв.: не знающий ни стыда, ни совести) — бессовестный, безнравственный; *төө таркы* (букв.: верблюд в раскоряку) или *таркы* — беззастенчивая (о женщине); *бети чымырабай* (букв.: лицо без единого движения) — без зазрения совести; он бессовестный; *бети калың* (букв.: лицо толстое) — бессовестный; *ыйбаасы жок* — бесстыдный; *тик көз* (букв.: прямой + глаз) — беззастенчивый; *көзү тик келин* — беззастенчивая молодуха.

Поговорки: *Уятты кайдан ит билет!* — Где уже собаке знать стыд! (о бессовестном человеке); *Өз башындагы төөнү көрбөгөн киши бирөөнүн башындагы чөптү көрөт* — На своей голове верблюда не видит, на чужой голове былинку видит; *Кыз боозуп, энесин коркутат* (букв.: дочь, забеременев, на мать дуется), т.е. с большой головы на здоровую.

КП «Имеющий нечистые помыслы»: *арам* — нечистый, мерзавец, *арамза* — мерзавец, подлец, *арамзаада* — стервец; *пейли бузук* (душа испорченная) — нечестный, не порядочный; *тузу*

арам (соль его нечиста) — неблагодарный. Этот когнитивный признак содержат и поговорки: *Ала жылкы жоголбойт, арамзаада оңолбойт* — Пегий конь не потеряется, подлец не исправится; *Боор ооруса, боорго тепкен* — Его пожалели, а он в печень лягнул (о неблагодарном).

КП «Провоцирующий других к распрям»: *бузуку* — смутяня, подстрекатель, *тукургуч* — подзуживающий, провокатор; *алдамчы* — мошенник, обманщик, *азгырма* — соблазнитель, подстрекатель.

Очень часто кыргызы многие человеческие качества соотносят и оценивают сквозь призму опыта своего общения с домашними животными. В приведенных выше поговорках фигурируют конь (*жылкы*), верблюд (*төө*), собака (*ит*). Издревле занимаясь скотоводством, кыргыз воспринимает любое домашнее животное не только утилитарно. Он относится к ним как равному живому существу, чувствует его состояние, понимает его, различает их не только внешне, но и по повадкам. Именно поэтому очень часто в основе образных выражений кыргызского языка мы находим зооморфный код, когда кыргыз соотносит свою жизнь, сравнивает себя и других с животными; так спокойного человека он сравнивает с овцой; неповоротливый человек, тугодум у него ассоциируется с коровой, а неуравновешенный человек сравнивается с лошады.

Концепт «Безразличие»

Безразличие так же рассматривается как один из важных аспектов во взаимоотношениях кыргызского социума. Для выражения безразличия, равнодушного отношения к другим отмечены следующие языковые единицы:

Лексическая номинация	<i>кайдыгерлик, кенебестик, тоотпос, камаарабаган</i>
Устойчивые сочетания	<i>кош пейил, кош көңүл</i>
Паремиологические единицы	<i>Ал камаарап да койбойт</i>

КП «Проявляющий безразличное отношение к кому-либо»: *кайдыгерлик* — безразличие, *кенебестик* — равнодушие, *кош пейил* — безразличный ко всему; *кош көңүл* — равнодушный, *тоотпос* — непробиваемо-безразличный, *камаарабаган* — беспечно-безразличный; *ал камаарап да койбойт* — он ничуть не беспокоится; он и в ус не дует.

Макроконцепт «Негативное поведение»

Под негативным поведением понимается то, что прямо противоположно таким достоинствам человека, как сдержанность, степенность, учтивость и др. У кыргызов предается осуждению легкомысленное поведение, распушенность, развязность и прочее. Макроконцепт «Негативное поведение» включает следующие концепты: «Невыдержанность», «Хвастовство».

Концепт «Невыдержанность»

Лексическая номинация	<i>маңыз, эрке, албуут, алабарман, шалакы ээн-баиш, опсуз, куучирен, ойсоке, алжаске, опсолоң, шайкелең, шакылдаган; опулдаган, чоёктогон, кылжыңдаган, кылыктанган, ылжактаган, ыржактаган шыйпандаган</i>
Устойчивые сочетания	<i>аңгаал киши, адеби жок, катын жандуу, обу жок, тизгини жок</i> <i>адеби жок жигит жүгөнү жок атка окшойт; туткасы жок кумгандай; ооздугу жок аттай</i>
Паремиологические единицы	<i>Алжаске эркекке жалжаске катын туш келет; Жоргонун тери кургабайт, эркенин жашы кургабайт; Жаштайында сүзөөнөк болсо, картайганда үзөнөк болот; Буканын өзү карыса да, мурду карыбайт; Атан төө мас болсо, тайлак менен дос болот</i>

При анализе данной группы языковых единиц выявлены следующие когнитивные признаки, являющиеся значимыми для кыргызского менталитета:

КП «Не умеющий вести себя в соответствии с ситуацией»: *опсолоң* — бесшабашный, безрассудный, *эрке* — избалованный; *обу жок киши* — человек со странностями, не умеющий себя вести; *аңгаал киши* — человек, действующий наобум, без раздумья. Указанный когнитивный признак ярко проявляется в следующих фразеологизмах: *тизгини жок* — без поводьев, *ооздугу жок аттай* — как конь без удил, как саврас без узды. Эти выражения характеризуют человека, непредсказуемого в своем поведении. Фразеологизм *туткасы жок кумгандай* (букв.: как кувшин без ручки: не за что ухватиться) относится к непостоянному, ненадежному человеку. Поговорка *Атан төө мас болсо, тайлак менен дос болот* — Когда верблюд пьянеет (развеселится), он с верблюжонком дружбу заводит.

КП «Проявляющий негативные эмоции в общении»: *одоно* — грубый, невежливый, вульгарный, *сабырсыз* — нетерпеливый, невыдержанный, *албуут* — буйный, нервный, *ач күзөнчө чыңырат* — визжит, как голодный хорёк. Поговорка: *Жоргонун тери кургабайт, эркенин жашы кургабайт* — На иноходце пот не высыхает, у баловня слёзы не высыхают.

КП «Чересчур свободный в общении, поведении»: *ээнбаиш* — своевольный, неуправляемый, *шалакы* — разгильдяй, *куучирен* — повеса, шалопай, *алабарман* — безалаберный; *алжаске* — развязный; *ылжактаган, ыржактаган* — развязный, бесцеремонный, *кылжыңдаган* — тот, кто кривляется и надоедает своим поведением. Следующие негативные характеристики связаны с непристойным поведением женщин: *чоёктогон* — тот, кто капризничает и жеманничает, *кылыктанган* — о жеманной, кокетливой женщине; *шайкелең* — озорная, кокетливая женщина, *ойсоке* — кокетка. Недостойное поведение мужчин осуждается в следующих выражениях: *катын жандуу* — бабник, бабский угодник, *желдүү жигит* — ветреный парень. *Жаштайында сүзөөнөк болсо, картайганда үзөнөк болот* — если смолodu бодлив, то в старости будет буяном. В следующей пословице непостоянного человека сравнивают с перекаати-поле: *Жүргөнүмдү жел билет, конгонумду сай билет* — Где я (перекаати-поле) хожу — только ветер знает, где я ночую — только сухое русло знает. Поговорки *Алжаске эркекке жалжаске катын туш келет* — Развязному мужчине бесцеремонная жена попадает; *Бу-*

канын өзү карыса да, мурду карыбайт — Бык сам может состариться, да вот только нюх у него не изменится (седина — в бороду, а бес — в ребро). Речь идет о похотливости в старости.

Наблюдая за поведением людей, кыргыз часто сравнивает некоторых людей с животными, используя для этого устойчивые сочетания, фразеологизмы.

Концепт «Хвастовство»

Хвастливость — это один из неприглядных сторон в поведении человека. Номинативное поле данного концепта небольшое. Оно состоит из нескольких лексических, устойчивых единиц и поговорок:

Лексические единицы	<i>мактанчаак</i> , <i>опулдаган</i> , <i>мыктысын-</i> , <i>баатырсын-</i> , <i>апыртын сүйлө-</i>
Фразеологические единицы	<i>өпкөсү жок</i> , <i>жел толгон эле өпкө</i> , <i>ала өпкө</i> , <i>куру чирен</i>
Паремиологические единицы	<i>Анын ооз кесири бар</i> ; <i>Курулай оозуңду көптүрбө</i> ; <i>Сорпунун тескейинен кеп кылат</i>

Ключевым в этом поле является слово *мактанчаак*. В основе такого характера поведения, как хвастовство, лежит образ «вздутых легких», закрепленный в кыргызской лингвокультуре через соматический код. Именно «өпкө-легкие» как орган человеческого организма ассоциируются с проявлением непомерного хвастовства. Данное номинативное поле актуализирует следующие когнитивные признаки, релевантные для кыргызского языкового сознания:

КП «Имеющий склонность преувеличивать свои возможности»: *өпкөсү жок* (букв.: не имеющий легких) — хвастун, пустозвон; *жел толгон эле өпкө* (букв.: вздутые легкие) — напыщенный и пустой человек; *ала өпкө* (букв.: пестрые легкие) — грубо самонадеянный; *куру чирен* (букв.: пустой натяг) — хвастун; *опулдаган*, — тот, кто бахвалится чрезмерно.

КП «Изображать из себя большее, чем он из себя представляет»: *мыктысын* — считать себя сильным, изображать из себя

сильного; похвалиться силой, умением; *баатырсын* — считать себя богатырем, изображать из себя героя, храбриться; *апыртын айт-ты* или *апыртын сүйлөдү* — он преувеличивал, он рассказывал небывлицы; *ооз көптүрүп сүйлө* — или *ооз толтуруп сүйлө* (букв.: наполнить рот воздухом), т.е. бахвалиться попусту. Поговорка *Сорпунун тескейинен кеп кылат* (букв.: говорить о прошлогоднем бульоне) гласит: он бахвалится своим былым величием. *Анын ооз кесири бар* — Он слишком самонадеянно говорит, *ооз көптүрүү*.

Макроконцепт «Низкая оценка»

Ментальная специфика существует и в оценке определенных человеческих пороков. Кыргыз выражает свою оценку человека с точки зрения его полезности семье, окружающим, с точки зрения его внешнего вида, с точки зрения его интеллектуальных способностей.

Макроконцепт «Низкая оценка» состоит из таких концептов, как «Никчемность», «Неприятный вид», «Недалекий ум».

Концепт «Никчемность»

Номинативное поле данного концепта состоит из 3 пластов (лексических номинаций, устойчивых сочетаний и паремиологических единиц). Особенность номинативного наполнения данного концепта состоит в том, что самым значительным по числу составляющих элементов оказался паремиологический сектор, который представлен наибольшим количеством пословиц и поговорок, дающих негативную оценку характера человека.

Лексические номинации	<i>жаман</i> , <i>начар</i>
Устойчивые сочетания	<i>мурдун тарталбаган</i> , <i>колунан кокон келбес</i> , <i>колу тайкы</i> , <i>жетеси жаман</i> , <i>перишитеси качкан</i> , <i>баркы жок киши</i> , <i>үй күчүк</i> , <i>арам тамак</i> , <i>эписиз киши</i> , <i>чоркок киши</i> , <i>ит оорусу бар</i>

Паремиологический пласт	<i>Жамандын өзү коркок, сөзү чоркок; Өтө жаман-өзүн мактайт, башкы жаман-баласын мактайт, аяккы жаман-аялын мактайт; Жаман каап сүйлөйт, жакшы таап сүйлөйт; Жаман бука оз башына чөп үйөт — жамандан тон кийсең, тойдо доолайт жаман өзүнү билбейт, жакшыны көзгө илбейт; Жаман карыган сайын жашарат; Жамандын жыргалы — уйку жамандын жан жыргатары — уйку уй сыйпаганды билбейт, жаман сыйлаганды билбейт; Эки жаман таарынышса-амандашпайт, эки жакшы таарынышса-жамандашпайт; Жакшы жигит элин өргө сүйрөйт, жаман жигит элин көргө сүйрөйт жакшы баш кошсо-тунук суудай, эки жаман баш кошсо-ылай суудай — два хороших поженятся; Өзүнө жакшылык кылбаган адамдан өзгөжө жакшылык артпайт; Өзүн сыйлабаган, башканы да сыйлабайт; Пейли жаман кишиден күтөт, өз ашын жашырып ичет; Көп ыйлаактын көзү жаман, көп сүйлөөктүн сөзү жаман; Эки жакшы бир жайлоого чыкса-кудалашып түшөт, эки жаман жайлоого чыкса-кудалашып түшөт; Күлүп сүйлөгөн адамдан корк, күлүмсүрөп жааган жамгырдан корк; Күлүп сүйлөгөн кишиден түңүл, тийип туруп жааган күндөн; Бир кумалак бир карын майды булгайт (или чиритет); Булуттан чыккан кун ачуу, жамандан чыккан сөз ачуу; Таз тарангыча той таркайт; Чоркок киши төөнү жаза муштайт; Жетең жаман, киши болбойсуң; Жаман катын, терисин жыйбай, иттен көрөт; Сая албаган ийне тандайт, саптай албаган учук тандайт; Өзү билбес, билгендин тилин албас; Убадасыз кишиден жүрүп кеткен жел артык; Өзү билбеген, билгендин сөзүнө кирбеген-айбандык; Өзү ууру бирөөнү ууру дейт, өзү кара бирөөнү</i>
-------------------------	--

	<i>кара дейт; Колу кыймылдабагандын, оозу да кыймылдабайт; Кашыктап жыйган нерсени чөмүчтөп төгүп жибердик</i>
--	---

Критический взгляд кыргыза разглядывает в человеке такие черты, как никчемность, бесполезность. Люди с такой репутацией вызывают раздражение и неприятие окружающих. В сфере отрицательной характеристики никчемность — один из осуждаемых пороков. Такие качества, как неловкий, нерасторопный, недотепа, безответственный и т.п., составляют суть понятия «никчемный». В языковой репрезентации данного понятия участвует значительное количество разноуровневых единиц: лексические ресурсы, словосочетания, фразеологизмы, сравнительные обороты, поговорки. Однако ключевой единицей является семантически емкое слово «жаман» (плохой), которому не вполне соответствует русский эквивалент «плохой». Понятие «жаман» обозначает все плохое в человеке и включает все перечисленные выше качества, но доминирующей семой в сложном значении этого слова является сема «никчемность». Этот вывод подтверждается и когнитивным признаком, раскрывающим суть данных языковых единиц.

КП «Никуда не годный, не приносящий никому пользы».
Жаман — плохой, никчемный, никудышный.

Словосочетания, фразеологизмы: *мурдун тарталбаган* — (букв.: тот, кто не может нос потереть) о никчемном, никудышном человеке; *колуна коккон келбес* (букв.: человек, который даже на грош пользы не приносит) — о никчемном человеке (*кокон ист.* серебряная монета Кокандского ханства двадцатикопеечного достоинства); *чоркок киши* — неловкий, недотепа; *жетесиз* — безродный, без рода без племени; (от слова *жете* — предки, происхождение); *баркы жок киши* — человек, не пользующийся авторитетом, уважением; *периштеси качкан* — он уронил свой авторитет, он потерял уважение окружающих; *колу тайкы* — у него руки короткие, т.е. ему не по силам, у него не хватит сил; *арам тамак* (букв.: нечистая глотка) — дармоед, тунеядец; *эписиз киши* — неловкий, нерасторопный; *уй күчүк* — (букв.: домашняя собачка) так называют никчемного человека, который сидит дома без дела;

ишке чоркок — неловкий в работе; *ит оорусу бар* (букв.: собачья болезнь) — закоренелая дурная привычка (напр. к пьянству, воровству, скандалам и т.п.).

Паремиологические единицы также демонстрируют, что предметом осуждения для кыргыза являются бесполезность, несостоятельность человека. Народная мудрость фиксирует в пословицах и поговорках разные проявления никчемности человека. Ср.:

- *Жамандын өзү коркок, сөзү чоркок* — Никудышный человек всего боится, и говорить толком не умеет.
- *Өтө жаман-өзүн мактайт, башкы жаман-баласын мактайт, аяккы жаман-аялын мактайт* — Самый никудышный сам себя хвалит, умеренно никудышный — дитя свое хвалит, последний никудышный жену хвалит.
- *Жаман каап сүйлөйт, жакшы таап сүйлөйт* — Никудышный говорит как лает, хороший человек говорит метко.
- *Жаман бука оз башына чөп үйөт* — Плохой бык рогами на свою голову траву складывает, т.е. о том, кто проявляет излишнее усердие.
- *Жамандан тон кийсең, тойдо доолайт* — Наденешь одежду, попросив у никчемного, а он на пиру (при всех) потребует обратно.
- *Жаман өзүн билбейт, жакшыны көзгө илбейт* — Никчемный за собой плохого не замечает, а хорошего человека ни во что не ставит.
- *Жаман карыган сайын жашарат* — Никчемный чем больше стареет, тем больше молодеет, т.е. ведёт себя несообразно с возрастом.
- *Жамандын жан жыргатары — уйку* — Для никчемного единственная улада — сон.
- *Уй сыйпаганды билбейт, жаман сыйлаганды билбейт* — Корова не чувствует поглаживания, не реагирует на него, никчемный человек не понимает почестей.
- *Эки жаман таарынышса — амандашпайт, эки жакшы таарынышса-жамандашпайт* — Двое никчемных поссорятся, не будут здороваться, если двое умных поссорятся, плохо не говорят друг о друге.

- *Жакшы жигит элин өргө сүйрөйт, жаман жигит элин көргө сүйрөйт* — Настоящий джигит народ свой вверх тянет, никчемный народ свой в могилу тянет.
- *Эки жакшы баш кошсо-тунук суудай, эки жаман баш кошсо-ылай суудай* — Два хороших поженятся — жизнь, как прозрачная вода, два никчемных поженятся — жизнь как грязная, мутная вода.
- *Өзүнө жакшылык кылбаган адамдан өзгөжө жакшылык артпайт* — Человек, который своим не помогает, другим и подавно.
- *Өзүн сыйлабаган, башканы да сыйлабайт* — Не уважающий себя и других не уважает.
- *Пейли жаман кишиден күтөт, өз ашын жашырып ичет* — Никчемный человек на других уповаet и тайком ест свою еду.
- *Көп ыйлаактын көзү жаман, көп сүйлөөктүн оозу жаман* — У того, кто много плачет, глаза виноваты, у того, кто много говорит, рот виноват.
- *Эки жакшы бир жайлоого чыкса-кудалашып түшөт, эки жаман жайлоого чыкса-кудалашып түшөт* — Если два хороших человека выйдут на джайлоо, сватами возвращаются, если двое никчемных на джайлоо взойдут, врагами скатятся оттуда.
- *Күлүп сүйлөгөн адамдан корк, күлүмсүрөп жааган жамгырдан корк* — Бойся человека, который говорит смеясь, бойся слепого дождя.
- *Күлүп сүйлөгөн кишиден түңүл, тийип туруп жааган күндөн корк* — Не верь человеку, который говорит с ухмылкой, бойся внезапного дождя.
- *Бир кумалак бир карын майды булгайт (или чиритет)* — Один катышек помета портит целый кутырь масла.
- *Булуттан чыккан кун ачуу, жамандан чыккан сөз ачуу* — Жгуче солнце, вышедшее из тучи, едко слово, сказанное никчемным.
- *Таз тарангыча той таркайт* — Пока паршивый причешется, пир закончится (о медлительном человеке, который заставляet долго ждать себя).

- *Чоркок киши төөнү жаза муштайт* — Неловкий и в верблюда кулаком промах даёт.
- *Жетеси жаман* — Со скверными задатками. Ср.: *жетең жаман, киши болбойсуң* — У тебя плохие задатки, из тебя человека не выйдет.
- *Жаман катын, терисин жыйбай, иттен көрөт* — Дурная баба шкуру не убирает, а собаку винит за то, что она съела ее.
- *Сая албаган ийне тандайт, саптай албаган учук тандайт* — Та, которая вышивать не может, иголку выбирает (всё иголка не та), та, которая нитку вдеть не может, нитку выбирает (о горе-рукодельнице).
- *Өзү билбес, билгендин тилин албас* — Сам ничего не знает и знающего не слушает.
- *Убадасыз кишиден жүрүп кеткен жел артык* — Кратковременный ветер лучше, чем человек, который не держит слова.
- *Өзү билбеген, билгендин сөзүнө кирбеген-айбандык* — Если сам ничего не знает, не прислушивается к тому, кто знает — это свинство.
- *Өзү ууру бирөөнү ууру дейт, өзү кара бирөөнү кара дейт* — Сам нечистый на руку, в других видит вора, сам ничтожество, других очерняет.
- *Колу; кыймылдабагандын, оозу да кыймылдабайт* — Если руки бездействуют — и рот без движения.
- *Кашыктап жыйган нерсени чөмүчтөп төгүп жиберди* — То, что было собрано ложкой (т.е. понемногу), расплескали плоской (т.е. растрясжили).
- *Санаасы жок* — уйкучул, акылы (или ары) жок — кулкучул — Беззаботный сонлив, глупый (или бессовестный) — смешлив.

В представленных паремиологических выражениях образ никчемного человека представлен всесторонне, т.е. такой человек труслив, ленив, неуклюж, неловок, неряшлив, косноязычен, отличается пустой самонадеянностью, желчно-недброжелателен, груб в словах, склонен к ругани и противостоянию, избирательно услужлив, своим непредсказуемым поведением может поста-

вить в неудобное положение, не умеет ценить доброе отношение, недалекий и бестолковый, не считается с чужим мнением, не умеет строить отношения с людьми, доставляет им много неприятностей, не желает делать никому добра, никогда не выполняет обещаний, живет только за счет других, способен к бесчестным поступкам. Никчемный человек не является открытым врагом; это, как правило, человек из ближнего окружения, который своим поведением, поступками вызывает раздражение и досаду, и самое главное — вред от такого человека в том, что из-за таких может пострадать имидж и авторитет семьи, рода в глазах других.

Концепт «Недалекий ум»

По словам С.И. Ожегова, ум, разум, интеллект — это способность человека мыслить и регулировать своё отношение к действительности. Опираясь в основном на собственные представления о человеческом разуме, народ тоже создал свои оценки этого явления. И, безусловно, всё это нашло отражение в языке: появилось большое количество лексических и фразеологических единиц, выражающих умственные способности человека.

Лексические номинации	<i>макоо, келесоо, аңкоо, аңгүдүк, апенди</i>
Фразеологические и свободные сочетания	<i>көк мээ, эси жок, көңдөй адам, акылы пас, акылга тайкы, акылы тайыз, билими тайкы, топон баи, көөдөнү жок</i>
Паремиологические единицы	<i>Бээ десең, төөгө кетет; Теректей бойдон, теменедей акыл артык; Өгүз болгуча торпок бейли калбаптыр; Акмак достон акылдуу душман артык; Арак ичкен — тойдо мас, акылы жок — күндө мас</i>

Когнитивная интерпретация отрицательной оценки умственных способностей человека акцентирует внимание на следующих признаках:

КП «Скорость и глубина протекания интеллектуальных процессов, быстрота мышления и понимания»: *аңгүдүк* — телялодум; *акылы тайыз* — (букв.: ум неглубок), т.е. глуповатый, недалекый; *топон баш* — безмозглая, глупая голова от *топон* — мякина; *акылга тайкы* — ум у него неглубокий; *көөдөнү жок* — (букв.: без груди), т.е. глупый; *билими тайкы* — (букв.: знания коротки) неуч, малосведущий в чём-л.

КП «Умственная ограниченность»: *келесоо* — придурковатый, с придурью; *макоо* — бестолковый; *аңкоо* — простоватый, недалёкий, придурковатый; *апенде, апенди* — простоватый, чудакватый. Из фразеологических сочетаний указанный КП характеризует следующие единицы: *эси жок* — неразумный; *көңдөй адам* (*көңдөй* — полый предмет) — глупый, пустой человек; *акылы нас* — недалёкий, умственно ограниченный; *көк мээ* (букв.: синие мозги) — тупой, глупый; так еще называют вертячку — болезнь скота, главным образом овец и рогатого скота, выражающуюся в верчении головой.

Паремиологические единицы свидетельствуют о степени вреда от людей, не отличающихся большим умом, выражают оценочное отношение к таким людям: *Бээ десең, төөгө кетет* — Ты ему говоришь о кобылице, а он идёт за верблюдом (*бээ* — ожеребившаяся кобылица). Русский эквивалент: «я про Фому, а он про Ерёму»; *Өгүз болгуча торпок бейли калбаптыр* — Большой вырос, а ума не вынес (букв.: остался телёнком до бычьего возраста); *Акмак достон акылдуу душман артык* — Умный враг лучше глупого друга; *Арак ичкен — тойдо мас, акылы жок — күндө мас* — Пьяница проспится, а дурак никогда (букв.: тот кто водку пьёт, на пиру пьян, а дурак каждый день пьян); *Теректей бойдон, теменедей акыл артык* — Лучше иметь ум с иглу, чем быть ростом с тополь.

Концепт «Неприятный вид»

Внешний облик человека является предметом эстетической оценки. При характеристике и оценке внешнего вида человека обращается внимание не только на его одежду и физические данные, но и на его опрятность.

Номинативное поле данного концепта состоит из:

Лексические номинации	<i>балит, илээнди, айбат, одуракай, итирей-, олдоксон, сыланкороз, кыржый-, итирей-, чүй-рүүдө-</i>
Фразеологические средства	<i>иреңи суук, ырайы суук, дидары суук, иреңи суз, чанач мурун, түсү чаар, өңү серт; топоз келген аял, ач күзөндөй арык, саз өндүү или өңү саз</i>
Паремиологические единицы	<i>Көйнөгү кирдин көөнү кир. Тышы жалтырак, ичи калтырак</i>

Когнитивные признаки акцентируются на особенностях внешнего облика человека и умения быть опрятным и т.п.

КП «Неопрятный внешний вид» реализуется в следующих лексических единицах: *балит* — грязный; *илээнди* — неряха.

КП «Негативная оценка физических данных человека»: *одуракай* — с грубыми чертами лица; *итирей* — быть плюгавым, невзрачным; *кыржый* — быть очень худым, тощим, *кыржыгый* — худышка, заморыш; *чүйрүүдөгөн* — тот, кто пренебрежительно кривит губы, морщит нос.

Подавляющая часть свободных и устойчивых сочетаний реализует именно данный когнитивный признак. Ср.: *иреңи суук* — неприятное, несимпатичное лицо; *иреңи суз киши* — человек мрачного вида; *ырайы суук* — неприятный, противный; *түрү суук* — неприятного вида, неприятный на вид; *өңү суук* — лицо, вызывающее антипатию; *көзгө суук* — страшный, неприятный на вид; *дидары суук или дидары жаман* — с неприятным, несимпатичным лицом; *ач күзөндөй арык* — худой, как голодный хорец; *саз өндүү или өңү саз* — человек с пожелтевшим лицом (букв.: лицом болотного цвета); *өңү серт* — у него лицо некрасивое, непривлекательное; *топоз келген аял* — (букв.: женщина, фигурой напоминающая яка), т.е. неуклюжая женщина; *түсү чаар* (букв.: вид рябой) — злобное лицо; *чаары турат көзүндө* — злоба у него в глазах; он очень обозлён; *чанач мурун* (букв.: нос как бурдюк) — толстоносый, с большим мясистым носом; *бети табактай* — морда огромная, как таз.

Пословицы указывают на связь внешнего вида и внутреннего мира человека. Ср.: *Көйнөгү кирдин көөнү кир* — У кого платье

грязное, у того и душа нечистая; *Тышы жалтырак, ичи калтырак* — Снаружи блестит — внутри зыбит.

В вербальных единицах данного номинативного поля воплощаются образные коды, которые связывают язык с культурным пространством кыргызского этноса. В качестве культурного кода при анализе языковых средств, вербализующих концепт «Неприятный вид», были выявлены температурный код (*суук* — холодный), когда неприятная внешность вызывает ощущение холода, зооморфный код (сравнение полной женщины с яком, худого человека с хорьком), предметный код (сравнение носа с бурдюком или размеров лица с тазом), а также колоративный код, который ассоциирует внешность человека с неприятной желтизной болота, или злобное выражение лица — с пестротой.

Вывод

Таким образом, концептосфера «Кыргызские пороки» формирует образ плохого человека из таких черт, как порочность, тяжелый характер, надменность, никчемность, жестокость, хвастливость, упрямство, слабоволие, глупость, хитрость, безнравственность, безразличие, недостаток ума.

§ 6. КОНЦЕПТОСФЕРА «ЖЕНЩИНА»

В кыргызской культуре женщина — это первооснова жизни, она мать, продолжательница рода, ее ассоциируют с Землей. Она партнер в супружеской паре, она хранительница очага, она источник мудрости, она источник эстетического наслаждения. Для формирования цельного образа кыргызской женщины важны как поведенческие факторы, так и внутренние качества. Из поведенческих проявлений важно, чтобы она была расторопной и проворной в хозяйстве. Из внутренних свойств должную оценку получает женщина рассудительная, умеющая поддержать мудрым советом. В характере женщины предпочтение отдается сдержанности, эмоциональной выдержанности и немногословности. Общеизвестно, что в кыргызской традиции и истории характерно

почтительное отношение к женщине — источнику благоденствия. В кыргызской мифологии прародительницей кыргызов была небесная мать-Умай — Умай-эне. В устном народном творчестве это имена мудрой жены Манаса — Каныкей, предводительницы Жаңыл-мырза, девы-воительницы Сайкал. Вследствие более прочного закрепления в сознании людей явлений, а также в соответствии с социально-историческими предпосылками развития кыргызского народа в образе женщины преобладает описание таких положительных качеств, как женская мудрость, женская интуиция, и доминирует положительная коннотация языковых единиц. В истории кыргызов имеются свидетельства особого отношения к женщине: прежде всего это алайская царица Курманжан — датка, которая отличалась своей мудростью, глубокой прозорливостью и материнским мужеством, за что ее почитали и старейшины рода и простые люди.

Концепт «Женщина — жена»

В рамках данного концепта необходимо рассмотреть специфическую природу женщины в тесной взаимосвязи с ее общественной и семейной социальными функциями и изучение сложившегося посредством языка в национальном когнитивном восприятии феномена женщины с учетом жизни и быта кыргызского народа, его взглядов на мир и духовные ценности. Общечеловеческое назначение женщины быть женой и матерью не чуждо и для кыргызского мироустройства. Номинативное поле концепта «Женщина» состоит из следующих частей:

Лексические номинации	<i>байбиче, жубай, жар, өмүрдүк жар, колукту</i>
Устойчивые сочетания	<i>эриш-аркак, тизе жылыт-, төшөк бастыр-, төшөк тепсет-</i>
Паремиологический пласт	<i>Ар кимдики өзүнө, ай көрүнөт көзүнө кыз-конок атка бергис кунан бар, кызга бергис жубан бар камчы кайраттуу болсо, катын уят-</i>

туу болот Катын албай кайын ал Эрди катын бир үйдүн-айы менен күнү. Камчы кайраттуу болсо, катын уяттуу болот Катынды күтүп албаган күң кылат Эрди-катын-эриш аркак Эрди-катын урушат, эси кеткен болушат аял жакшы — эр жакшы Жаман атты мингенче жөө жүргөн артык, жаман катын алганча бойдок жүргөн артык Аял жок үй-жетим Колуңда жүрүп билинбейт-камчыдан артык курал жок, койнуңда жүрүп билинбейт-аялдан артык тууган жок. — Эр-зайыптын экинчи кудайы; Тамакты таттуу кылган — туз, алысты жакын кылган — кыз; Катын төркүнү төрдөн узайт, эр төркүнү ирегеде узайт (же кайтат) Эстүү аялдын эри бай болот Катыным сокур-жаным тынч Катын өлсө камчы сап сынган менен тең эне өлсө, төркүндөн кадыр кетет; кызды сураганга бер, кымызды ичкенге бер.

Лексические номинации представлены разными наименованиями жены: *байбиче* — хозяйка в доме, жена, так называют супругу в почтенном возрасте; в старину «байбиче» называли старшую из жен, а младшую — *токол*.

Лексема *жубай* имеет книжный характер и обозначает «супругу». Слова *жар* (возлюбленная) *өмүрдүк жар* (букв.: подруга жизни), т.е. жена, используются по отношению к молодым супругам.

Устойчивые сочетания: *эриш-аркак* — дружно, душа в душу; *төшөк бастыр* (букв.: позволить ступить на постель) или *төшөк тепсет* (букв.: позволить ступить или топтать постель) — нарушить супружескую верность. Идиома *тизе жылыт* (букв.: греть колени) подразумевает жениться на молодой.

В номинативном поле концепта «Женщина — жена» паремнологический сектор достаточно обширный. Данные пословицы и поговорки были проанализированы с точки зрения когнитивной значимости.

КП «Все зависит от женщины». *Аял жок үй- жетим* — дом без жены — сирота; *Эрди катын бир үйдүн-айы менен күнү* — муж и жена — солнце и луна одного дома; *Эрди-катын-эриш аркак* — муж и жена как уток и основа в ткани; *Аял жакшы — эр жакшы* — Жена хороша, (так и) муж хорош; У мудрой жены муж всегда успешен и почетен в миру; *Колуңда жүрүп билинбейт-камчыдан артык курал жок, койнуңда жүрүп билинбейт* — аялдан артык тууган жок — Нет лучше оружия, чем камча, нет лучше родни, чем жена; *Катын өлсө камчы сап сынган менен тең* — Если умирает жена, то это равносильно камче без рукоятки.

Паремнологические выражения кыргызского языка представляют разные стороны семейных отношений.

Кыргызской семье издавна были характерны равноправные отношения между мужем и женой. Но были отклонения, где царил диктат мужа или же верховодила жена.

КП «Держать жену в строгости». Поговорка *Камчы кайраттуу болсо, катын уяттуу болот* — если камча (плеть) резкая, то и жена будет совестливая. В следующей поговорке осуждению предается муж, который жестко обращается с женой: *Катынды күтүп албаган күң кылат* — Тот, кто не ценит жену, в рабыню ее превратит.

КП «Не вмешиваться в жизнь молодой семьи». В правилах семейной жизни у кыргызов не было принято вмешиваться в отношения между мужем и женой, даже если речь шла о любимой дочери: *Эрди-катын урушат, эси кеткен болушат* — Муж с женой бранятся, а недалекие на защиту встают.

КП «Сварливая жена». Негативное отношение к жене от ее назойливого контроля выражено в поговорке: *Катыным сокур-жаным тынч*, т.е. жена слепа — душа моя спокойна. С позиции неудачно женившегося мужа отношение к женитьбе выражено в следующей поговорке: *Жаман атты мингенче жөө жүргөн артык, жаман катын алганча бойдок жүргөн артык*, т.е. чем садиться на клычу, лучше пешком ходить, чем плохую жену брать, лучше холостым остаться. Поговорка *Кыз экенде — кызыл кыз, жаман катын кайдан чыкты?* (букв.: в девицах была красная девица, откуда же взялась дурная жена?) отмечает такие «перемены» в поведении молодых жен.

КП «Хорошие сваты — залог семейного счастья». Нередко считается, успешность брака зависит от родителей невесты или жениха, т.е. по сватам можно судить об уровне воспитания, о генах, о состоянии будущей супруги и т.п. Отсюда и поговорка: *Катын албай кайын ал* — Не жену бери, а сватов выбирай.

Родственники жены всегда пользуются особым уважением. Они редкие гости, и дочь с зятем должны принимать их с большим почтением: *Катын төркүнү төрдөн узайт, эр төркүнү ирегеден узайт (же кайтат)* — Родню жены потчуют на почетном месте юрты (төр), а родню мужа потчуют у порога юрты (иреге).

КП «Идеальная жена». *Эр-зайыптын экинчи кудайы* — Муж — второй бог для женщины — это как заповедь для кыргызской женщины. В поговорке *Атка бергис кунан бар, кызга бергис жубан бар* (бывает третьяк, которого не променяешь на коня, бывает молодуха, которую не променяешь на девицу) — это высшая похвала для мудрой, разумной жены.

КП «Дочь — гость в родительском доме». Немало паремиологических единиц в кыргызском языке отражают положение дочери в семье. Поговорка *Кыз конок* (дочь — гость) — это общеизвестная заповедь, в соответствии с которой к дочерям с самого рождения в кыргызской семье относятся как к госте. Ее с самого детства готовят к тому, чтобы отдать замуж. Выйти замуж у кыргызов значило, что она навсегда будет членом другой семьи, отсюда и отношение к ней было как к госте. Наряду с тем, что мать готовила к семейной жизни, ее старались вместе с тем холить, баловать, оберегать. Поэтому, выходя замуж, девушки плакали, родители расставались тоже со слезами, так как отдавали дочь навсегда. И это был закон кочевой жизни, который никто не мог нарушать. И мысль неизбежности такого хода событий выражена в поговорке *Буудайдын барар жери тегирмен, кыздын барар жери — күйөө* (конечный путь пшеницы — мельница, конечный путь девушки — муж). Существовала и такая поговорка: *Кызды сураганга бер, кымызды ичкенге бер*, т.е. дочь отдай тому, кто просит, кумыс дай тому, кто пьет его, которая поддерживала естественную логику кыргызской жизни, своевременно отдать дочь замуж. Как только девушка выходила замуж, она была как отрезанный ломоть: *Чыккан кыз-чийден тышкары* (замужняя дочь — за пологом юрты), т.е.

в юрту назад домой она могла зайти только с мужем и родственниками мужа по особому приглашению. И действительно, в доме родителей ее принимали как почетную гостью, сажали на почетное место. Роль девочки в семье очень высоко ценили. Считается, что именно благодаря дочерям незнакомые становятся родными, дальние — близкими: *Тамакты таттуу кылган* — туз, алысты жакын кылган — кыз, т.е. соль придает вкус еде, дочь сближает людей.

Концепт «Красота женщины»

Концепт «Красота женщины» представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине как носителя социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании культурно-исторических, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций. Номинативное поле концепта «Красота женщины» состоит из следующих вербальных единиц:

Лексические номинации	<i>ажар, ажарлуу, аруу жылдыздуу, сулуу, сүйкүмдүү, чырайлуу, адеми, татынакай</i>
Устойчивые сочетания	<i>туруна моюн сурма көз, сүлөөсүндөй керилип аш ичсе, алкымынан көрүнөт кызыл беттүү, кымча бел бели бир тутам ай десе — айдай, күн десе — күндөй сулуу кыз ай жамал или ай жамалдуу или толгон айдай; жакамдагы кундузум</i>
Паремиологический пласт	<i>Алмадай мөлтүрөгөн сулуу кыз; Тиши аппак күрүчтөй; Оймок ооз- или оозу оймоктой; Камчыдай бели ийилген, кой көз, кымча бел или кымча белдүү, кумурска бел; Бото көз, айча бел; Мончоктой кыз; Оймок ооз; Өрдөк моюн; өрүктөй болгон жүз; Жибек саамай, акак тиши; Тал чыбыктай ийилген / тал чыбык; Тунук мүчө; Улар үндүү, кой көздүү</i>

Восприятие внешнего вида женщины у кыргызов отличается поэтичностью, так как оно дается в метафорическом восприятии.

В основе метафорического описания женской красоты лежат различные лингвокультурные коды. Так, понятие женской красоты в кыргызском языковом сознании связывается с небесными телами, посредством космического кода. По мнению Брагиной «...генезис эстетической оценки происходил на этапе формирования космогонических представлений» (Брагина, 2004, 489). Стереотипное представление о красоте девушки непременно связано с образами луны, солнца и звезд: *ай десе — айдай, күн десе — күндөй сулуу кыз* (девушка красива, как луна, как солнце). Эталон женской красоты выражается в сочетаниях *ай тамак* — лунная шея, *айча бел* — тонкий стан, тонкая талия (*айча* — месяц). Женские имена у кыргызов часто восходят к символам из галактики: (*Жылдыз* (звезда), *Айдай* (луноподобная), *Нурсулуу* (лучезарная), *Айсулуу* (лунная красавица), *Жаркынай* (светлая луна).

Вегетативный код актуализируется в фразеологизмах, характеризующих стройный стан девушки: *тал чыбыктай ийилген* (*тал чыбык* — ивовый прутик); *тал чыбыктай буралып* — легко и плавно изгибаясь, как ивовый прутик; прекрасное лицо красавицы ассоциируется со спелым абрикосом или наливным яблочком: *өрүктөй болгон жүзү* — миловидное и румяное личико (букв.: как абрикос); *алмадай мөлтүрөгөн сулуу кыз* — пригожая девушка — словно яблоко.

Перцептивно-зрительный код акцентирует нежность женского тела, говорили *аш ичсе, алкымынан көрүнөт*, т.е. букв.: когда красавица ест, то пища сквозь горло просвечивает.

Зооморфный код лежит в основе многих метафорических образов, характеризующих красоту женщины. Красивую тонкую шею девушки сравнивали с журавлиной шеей *туруна моюн* (*туруна* — журавль), а также с утиной шеей: *өрдөк моюн* (*өрдөк* — утка). В поэтических образах изящную шею сравнивают с шеей крохали (*суксур*): *суксурдай мойну койкойгон*. Изящную неторопливую походку красавицы сравнивали с повадками рыси *сүлөөсүндөй керилип* (букв.: потягиваясь, словно рысь), *жакамдагы кундузум*. Эталоном красоты женских глаз у кыргызов считались огромные глаза верблюжонка с густыми ресницами: *бото көз* (*бото* — верблюженок, *көз* — глаза) говорят о больших карих томных глазах. Большие, красивые карие глаза красавицы сравнивают также с

глазами самого распространенного у кыргызов домашнего животного — овцы: *кой көз* (*кой* — овца). О стройной девушке с тонкой талией говорят *кумурска бел* (*кумурска* — муравей) — муравьиная талия.

Предметный код присутствует в следующих выражениях: внешность девушки ассоциируется и с предметами домашнего обихода (плеть, наперсток, пуговица): *камчыдай бели ийилген* — её тонкий стан изгибается, как плеть; *оймок ооз*- или *оозу оймоктой* — у неё ротик маленький (букв.: как напёрсток); *мончоктой кыз* — хорошенькая, миловидная девушка (*мончок* — бусы); *тиши аптак күрүчтөй* — зубы её ослепительно белы (букв.: как рис); *ичке моюн, түймө баи* — тоненькая шея, маленькая головка (букв.: *түймө* — пуговица из материи). В представлении кыргызов женщина с маленькой изящной головкой считалась красавицей. *Кымча бел* (тонкая талия) (*кымча* — шёлк, шёлковая материя) — о стройной девушке, молодой женщине с тонкой талией.

О том, что красота женщины — это понятие субъективное, гласит пословица: *Сулуу-сулуу эмес, сүйгөн-сулуу*, т.е. красива не красавица, красива любимая.

О красоте и коварстве кыргызской женщины гласит пословица *Жылаандын териси кооз, тиши* — уу, т.е. кожа у змеи красива, зубы — яд. По хитрости женщина превосходит мужчину: *эр айласы бир, катын айласы миң*, т.е. если у мужчины одна уловка, у женщины — тысяча.

Концепт «Женская натура»

Женская натура многогранна и противоречива. Вместе с тем кыргызская женская натура имеет свои национальные особенности, которые зафиксированы в языке. Номинативное поле данного концепта состоит из трех вербализованных пластов:

Лексический пласт	<i>салбар, алжаке, торкунсөөк / төркүнчүл, долу, ажаан, албуут, акыштанган, жалжаңдаган, жоруктанган</i>
-------------------	--

Свободные и устойчивые сочетания	<i>кара далы; куу далы атасынын төрүндө картайды; кызыңды сүрсүтөсүңбү? атасынын төрүндө тууган кыз; согончогу канабаган аял; тумиугу жок катын</i>
Паремиологический пласт	<i>төркүнү жакындын төшөгү жыйылбайт; жаман катын чыккан жерин төркүнсүйт; жаман инек музоочул, жаман катын төркүнчүл; катын эрке болсо, эрине теке болот; чакылдаган катынды уй чечкенде (или эл көчкөндө или кыз бергенде) көрөрбүз, Жаман аял белгиси, казаны калат жуулбай, кабы калат буулбай; Катын бийликке жетсе азынат; Катынга бийлик тийсе, теңирин тааныбайт; Жаман кыз тамак үчүн ыйлайт, жакшы кыз энесин сыйлайт; Катындын чачы узун, акылы кыска; Жаман аял кетем деп коркутат, жаман эркек өлөм деп коркутат; Жаман кыздын белгиси-жазгы келген коноктой, үй-бүлөсүн жүдөтөт мизи мо кок ороктой; Катының долу болсо мейманың кетер, уулуң жаман болсо ыйманың кетер; Жылаандын териси кооз, тиши — уу; Эр айласы бир, катын айласы миң; Кунаажын көзүн сүзбөсө, букачар мурдун да чүйүрбөйт; Алжаке эркекке жалжаке катын туш келет; Катындан башка душман жок, койнуңда жатып билинбейт; Кыз жаманы-кыроо, уул жаманы-уйгак, келин жаманы-кетпес кезик. Жакшы болсо катының, табыла берет акылың; Эркектен ийменген катын элине сыйлуу; Аял эрин тили менен жеңбейт, дили менен жеңет; Жакшы аял жарынын жакшысын ашырат; Катын жакшы — эр жакшы; Вазир жакшы — хан жакшы, аял жакшы — эр жакшы; Камчысы жакшыга түшкөн; Катын эрден чыкса да элден чыкпайт; Турмуштун туткасы-аял</i>

Когнитивно-семантический анализ данного языкового материала позволил выявить наиболее существенные когнитивные признаки, важные для кыргызского языкового сознания.

КП «Предосудительные черты и факты в контексте национальных стереотипов». Данный КП объединяет ряд идиом и паремиологических выражений.

Фразеологизм *кара далы* (букв.: черная спина, лопатка). Взрослую девушку 17—18 лет называли засидевшейся девицей. Идиома *куу далы* (букв.: парализованная лопатка) обозначал у кыргызов старую деву. Жена, не пользующаяся вниманием своего мужа, или девушка, которой пренебрегают женихи, у кыргызов не удостоивалась должного отношения и называлась *салбар*. По обыкновению кыргызскую девушку выдавали замуж в 14—15 лет. На засидевшуюся девушку смотрели предосудительно. О ней говорили: *атасынын төрүндө картайды*, т.е. она засиделась и состарилась под боком (букв.: *на төрө*) у родителей. Засидевшуюся в девках девушку сравнивали с вяленным мясом или рыбой, которую кыргызы заготавливали впрок. Слово *сүрсү* обозначало вялить мясо, рыбу, что в переносном значении выражало «держать под спудом, без движения». Когда девушку родители долго не выдавали замуж, задавали ироничный вопрос: *кызыңды сүрсүтөсүңбү?* — ты дочь свою впрок будешь вялить? Данные образные выражения кыргызского языка выводят на интересные параллели, мотивирующие эти понятия через соматический код (лопатка), пищевой код (вялить).

Позорным явлением для кыргызской семьи было, если девушка до брака беременела и рожала ребенка. Выражение *атасынын төрүндө тууган кыз* обозначает «девица, родившая у отца под боком, точнее на *төрө*». Словом *төр* в кыргызском языке обозначают почетную часть юрты, предназначенную для почетных гостей или для главы семейства — отца, матери. Молодым женщинам не полагалось там сидеть, у них было свое место, ближе к выходу с правой стороны юрты. Родить вне брака считалось осквернением родительского дома.

Непростительным пороком кыргызской женщины было, если она после замужества стремилась сохранять тесные отношения со своим родительским домом. Выражение *төркүнү жакындын төшөгү жыйылбайт* обозначало: «у кого родня жены близко, у

того постель не убирается» (жена встаёт и бежит к матери, отцу, родным и т.д.). К женщине, склонной к частому посещению дома своих родителей, есть свои определения *торкунсөөк*, *төркүнчүл*, т.е. такая жена, которую всё время тянет к своей родне, та, которая думает не о своём с мужем доме, а о своей родне. Поговорка *Жаман катын чыккан жерин төркүнсүйт* — Дурная жена к семье мужа относится так, как к семье своих родителей, т.е. ведет себя не как сноха, а как в девичестве у себя дома. Поговорка *Жаман инек музоочул, жаман катын төркүнчүл* (дрянная корова тянется к телёнку) раскрывается через зооморфный код и характеризует недостойное поведение дочери.

Негативное отношение было к женщинам, которые после замужества не могли иметь детей. Такую женщину называли *согончогу канабаган аял женищина*, т.е. букв.: женщина, у которой пятки не были окроплены кровью. Бесплодная женщина считалась у кыргызов несчастной. Есть идиома *тумиугу жок катын*, что в переводе означает женщина, которая лишена *тумиука*. *Тумиук* — это клюв у пернатых. Зооморфный (орнитологический) код образно уподобляет бесплодную женщину ущербной птице, у которой нет клюва.

Порицания заслуживали своенравные, властные женщины, поведение которых раскрывается также через зооморфный код в поговорке *Катын эрке болсо, эрине теке болот* — Если жена избалована, она для мужа своего козлом становится, т.е. командует им.

Этнографическую мотивацию имеет следующая поговорка: *Чакылдаган катынды үй чечкенде (или эл көчкөндө или кыз бергенде) көрөрбүз*, т.е. на крикливую бабу посмотрим, когда будет разбирать юрту (или когда народ будет перекочёвывать, или когда она дочь будет выдавать замуж). Положение женщины, ее авторитет в социуме зависели от ее умений, знаний обычаев, сноровки в хозяйственных делах. Все ее возможности, способности становились достоянием гласности во время проведения традиционных национальных обрядов. Так, кыргызская женщина должна была уметь разобрать юрту, уметь ее собрать, должна была уметь полностью своими руками приготовить все детали убранства юрты, а именно: соткать тканевые изделия, бечевки, связать чиевые перегородки, свалить шерсть для покрытия юрты, расшить все войлочные и тканые изделия

юрты. Кроме этого женщину оценивали, когда она выдавала дочь замуж. Для приготовления приданого матери готовили дочерей с самого рождения. Она должна была изготовить узорчатые ковры из войлока — ширдаки, сшить от 10 до 20 стеганых одеял, из овечьих шкур скроить мягкие подстилки с орнаментами. Поэтому разбирание юрты и подготовка дочери к замужеству — это были серьезные испытания для кыргызской женщины.

КП «Предосудительное поведение». В поведении кыргызской женщины недостойным являются такие качества, как жеманство (*акыштанган катын*, *жалжаңдаган*), кокетство (*жоруктанган*), грубость, сварливость; в гневе женщина набрасывается на мужа, на родных, соседей с бранью, проклятиями (*алкылдап эле беттен алат, долу, ажаан, албуут*), бесцеремонность (*алжаке катын*). Выражение *алкылдап эле беттен алат* буквально переводится как «бесцеремонно хватается за лицо». Такая характеристика женщины, как *албуут*, в прямом значении характеризует лошадь с норовом, которая яростно вырывается вперед, встряхивая головой.

Недостатки кыргызской женщины раскрываются также и в паремиологических выражениях:

Бесхозяйственность: *Жаман аял белгиси, казаны калат жуулбай, кабы калат буулбай* — признак никчемной жены — невымытый казан, развязанные мешки.

Властолюбивый характер: *Катын бийликке жетсе азынат* — женщина, придя к власти, начинает на всех орать, и еще: *Катынга бийлик тийсе, теңирин тааныбайт* — если женщине дать власть, она Бога не признает.

Тревоугодие: *Жаман кыз тамак үчүн ыйлайт, жакшы кыз энесин сыйлайт* — Никчемная девушка по еде плачет, а хорошая девушка мать почитает.

Умственная ограниченность: *Катындын чачы узун, акылы кыска* — У женщины волос долог, а ум короток.

Непостоянство и капризы: *Жаман аял кетем деп коркутат, жаман эркек өлөм деп коркутат*, т.е. Никчемная жена пугает «уйду», никчемный муж пугает «умру».

Несобранность: *Жаман кыздын белгиси-жазгы келген коноктой, үй-бүлөсүн жүдөтөт мизи мокок ороктой*, т.е. никчемная

девка напоминает весенних гостей и мучает семью, как затупевший серп. В этой поговорке прослеживается этнографический код, характеризующий особенности уклада кыргызской жизни. Сравнение вздорного характера девушки с весенними гостями связано с отношением к визиту гостей в весеннее время, которое считалось самым трудным периодом в жизни кыргызов, когда скот после зимы был тощим, прожиточные запасы все были на исходе и посещения гостей приносили очень много непредвиденных, разорительных затрат.

Вздорный характер: *Катының долу болсо мейманың кетер, уулуң жаман болсо ыйманың кетер* — Если жена сварлива, гостей лишишься, если сын никчемный, чести лишишься.

Развязность женщины — один осуждаемых пороков: *Алжаке эркекке жалжаке катын туш келет*, т.е. развязному мужчине бесцеремонная жена попадает. Характеризуя развязную женщину, используют глагол *жылпыңда* — вести себя излишне вольно. О кокетстве женщины говорится в пословице *Кунаажын көзүн сүзбөсө, букачар мурдун да чүйүрбөйт*, т.е. если тёлка глазами не поведёт, то бычок даже носа не поморщит.

Обобщая образ никчемной жены, кыргызы считали, что если у тебя плохая жена, то и никакого врага не нужно: *Катындан башка душман жок, койнуңда жатып билинбейт*, т.е. нет хуже врага, чем жены, которая под боком у тебя. Говоря обобщенно о плохих дочерях, снохах и т.д., кыргыз заключает: *Кыз жаманы-кыроо, уул жаманы-уйгак, келин жаманы-кетпес кезик*, т.е. плохая дочь — иней, плохой сын — репей, плохая сноха — неизлечимая болезнь.

КП «Поведение, соответствующее принятым нормам, требованиям морали». Ум, мудрость женщины. Разумная жена всегда поддержит мужа мудрым советом: *Жакишы болсо катының, табыла берет акылың*, т.е. если жена у тебя хорошая, то умное решение всегда найдётся.

Одобрением в кыргызском социуме пользовались такие черты, как скромность, стеснительность: *Эркектен ийменген катын элине сыйлуу*, т.е. жена, которая стыдлива перед мужем, уважаема людьми.

Примерной женой считалась та, которая не позволяла повышать голоса на мужа как в семье, так и на людях: *Аял эрин тили*

менен жеңбейт, дили менен жеңет — Жена покорит мужа не языком, а душевным отношением.

Мудрая жена никогда не выносила на люди недостатки мужа, не разглашала семейные дразги, а, напротив, старалась показать все самое лучшее: *Жакишы аял жарынын жакишысын ашырат*, т.е. хорошая жена всегда представляет мужа в лучшем свете.

Именно поэтому сложилось мнение, что именно от жены зависит, каким будет муж: *Катын жакишы — эр жакишы*, т.е. жена хороша, так и муж хорош. *Вазир жакишы — хан жакишы, аял жакишы — эр жакишы*, т.е. коли жена хороша, то и муж хорош. Считалось, что статус и достоинство мужа напрямую зависят от мудрости жены. Здесь отмечается исторический код, который отсылает к прошлому кыргызского этноса, т.е. параллель проводится с визирем хана, который направляет своими мудрыми советами своего повелителя.

Предметные коды появляются при сравнении жены с камчой (плетью): *камчысы жакишыга түшкөн*, т.е. у него хорошая жена (букв.: ему плеть досталась хорошая); к женщине относятся как к опоре: *турмуштун туткасы-аял*, т.е. опора жизни — жена. Здесь прослеживается также предметный код, проводится параллель со словом «тутка» — держалка, ручка.

Следующая поговорка представляет одну из типичных сторон кыргызской жизни: *Катын эрден чыкса да элден чыкпайт* — жена даже без мужа вне народа не останется. По обычаю, если жена по каким-то причинам остается без мужа, т.е. вдовой или разведенной, то она, как правило, не возвращается к себе домой, а остается до конца своей жизни с родней мужа.

§ 7. КОНЦЕПТОСФЕРА «ЭМОЦИИ»

Психологическое состояние человека отражается в виде непосредственных переживаний, ощущений приятного или неприятного, отношения человека к миру и людям в процессе жизнедеятельности и в результате его практической деятельности. Языковая номинация передает позитивное и негативное состояние человека. Количественное соотношение языковых единиц, служащих для выражения эмоций, свидетельствует о значительном преобладании

негативной эмотивной лексики по сравнению с языковой номинацией положительных эмоций.

Макроконцепт «Положительные эмоции»

Объективируется в таких концептах, как счастье, радость, любовь.

Концепт «Счастье»

Лексический пласт	<i>бакыт, таалай, кут, ырыс, дөөлөт</i>
Фразеологический пласт	<i>кунуң тууду; дөөлөт кушу башында</i>
Паремиологический пласт	<i>Төбөсү көккө жетип калды; Ташы өдө (или өргө) кулап турат; Төбөң — жайлоо, төшүң — кышто алдына ай, аркасына күн туугандай болуп; Итиң чөп жей баштаган белем, чыккан — мээнет, кирген — дөөлөт; Артык дөөлөт баш жарбайт; Дөөлөт тоголок болот, мээнет жалпак болот</i>

В кыргызском языке есть целый синонимический ряд единиц со значением счастья, а именно: *таалай, бак (бакты, бакыт) ырыс, дөөлөт, кут*. Многие единицы из этого ряда являются полными синонимами, способными к взаимозаменяемости. Слова *бакыт, дөөлөт, таалай* являются заимствованными. К исконно кыргызским относятся слова *ырыс* и *кут*. Однако в устном дискурсе употребление всех этих слов достаточно частое. Исключение составляет лишь слово *дөөлөт*, которое имеет книжный оттенок. В семантическом объеме этих слов имеются особенности, которые обуславливают соответственно прагматический аспект их употребления.

Слова *бак, бакты, бакыт* заимствованы из иранского языка, но они прочно вошли в активный запас кыргызского словаря и обозначают «счастье и удачу», причем с наибольшим перевесом смыслового компонента «удача». Такие выражения, как *бак конгон жигит* — удачливый парень, *анын башына бак конду* — ему

привалило счастье, *бак консун сенин башына* — пусть удача сопутствует тебе. Интересно, что это слово часто сочетается со словом *конуу* (спускаться) — так обычно говорят, когда приземляются птицы. По-видимому, в сознании кыргызского человека счастье — это то, что спускается сверху в виде благодати. Часто можно встретить слово *бакыт* и в сочетании с глаголом *ач* (открыть, раскрыть): *анын багы ачылды* — его счастье раскрылось; *багың ачылсын* (букв.: пусть тебе откроется счастье) — будь счастлив, а выражение *бактысы байланды* (букв.: его счастье связано) означает «его постигла неудача». И данное употребление подтверждает, что счастье в понимании кыргыза, — это нечто непостоянное и стихийное, которое может снизойти на него сверху, а может и не снисходить, может открыться для него или не открываться.

Таалай — слово арабского происхождения, которое так же, как и слово *бакыт*, не воспринимается носителями кыргызского языка как заимствованное. Оно также используется для обозначения понятия «счастье», но с ведущей ролью семантического компонента «судьба». Так, выражения: *таалайыма туш келген аял* — жена, данная мне судьбой, *таалайыма жазылган* — предначертана мне судьбой — подтверждают эту мысль. Если проводить параллель с русским языком, то наиболее подходящим эквивалентом здесь выступает понятие «счастливая доля».

Слово *ырыс* также обозначает счастье. *Ырысын тоодон чоң экен* — счастье твоё больше горы; *ырыс куткөн адам* — счастливый и богатый человек. Это слово используется для обозначения конкретного состояния: *карысы бардын ырысы бар* — у кого есть старик, у того есть и счастье, *баласы жоктун ырысы жок* — у кого нет детей, у того нет счастья. Эти выражения связывают счастливое состояние с пожилыми родителями, с детьми. Метафоры *ырысын кес* (букв.: отрезать счастье), *ырысын кырк* (букв.: выстричь счастье) обозначают «стать несчастливым» и мотивируются через физический код. Образно счастье представляется как нечто конкретное, которое можно отрезать и отстричь.

В слове *дөөлөт* (арабского происхождения) (счастье) доминируют семы «богатство» и «достояние». В следующей пословице счастье и труд воспринимаются в перцептивных образах: *Дөөлөт тоголок болот, мээнет жалпак болот* — счастье нечто круглое, а

труд — нечто плоское. В понимании кыргыза счастье (богатство) непостоянно, оно как прикатилось, так может и укатиться, а труд всегда с тобой, никуда от тебя не денется.

Кут для кыргызского человека — одно из основных понятий, в смысл которого вкладывается целый спектр национально окрашенных представлений. Этимологически слово «кут» имеет мифологическое происхождение и обозначает кусочек пластичного вещества, якобы падающего сверху в очаг юрты и приносящий счастье тому, кто сможет его взять (см. словарь К.К. Юдахина). При этом взять его может только хороший человек с чистыми руками и чистыми помыслами. В руках плохого человека он превращается в кусок дерьма. В современном понимании слово «кут» многозначно. Одно из основных значений — это обозначение счастья, удачи, благодати. Такие выражения, как *кут конду* — благодать спустилась, *уйунө кут кирди* — к ним в дом пришло счастье и т.п.

Кыргызский *кут* скорее ассоциируется с какой-то сказочной сверхъестественной силой, которая спускается откуда-то сверху и своим светом и сиянием делает всех счастливыми, благополучными, т.е. это особая аура, которая заполняет собой все пространство, и погружает всех в состояние благоденствия.

Слово *кут* часто используется у кыргызов в формулах пожелания по поводу новоселья, бракосочетания, праздничных событий: *Тоюңар кут болсун! Конуш кут болсун!* — Счастливого новоселья! *Келин кут болсун!* (букв.: пусть невестка принесет счастье!) *Майрамыңар кут болсун!* — Счастливого праздника! *Кудай кут кылсын!* — Да осчастливит вас Бог!

Этот концепт является базой для множества производных слов, таких как: *кутман*, *кутмандуу* — счастливый, *кутман эл* — счастливый народ, *куттуу* — благодатный. Выражение *уйдун куту* символизирует самого уважаемого и почтенного человека семьи, им могут быть глава семейства или мать. Это сочетание мотивировано одним из устаревших значений слова *кут*, оно обозначает оберег, охраняющий человека и его богатство. В кыргызских традициях пожилой человек всегда являлся объектом почитания. Пожилой или старый человек в доме воспринимается как символ согласия, мудрости и стабильности.

Другие выражения, связанные с пониманием счастья, фиксируют именно эти жизненные ценности. В основе этих выражений лежат лингвокультурные коды, которые раскрывают архетипическое сознание кыргызского этноса. Астрономический код: *кунуң тууду* (букв.: твоё солнце взошло), т.е. пришло твоё время быть успешным и удачливым. *Алдына ай, аркасына кун туугандай болуп* (букв.: будто перед ним взошла луна, а за ним взошло солнце), т.е. он почувствовал себя так, будто ему сопутствует полная удача. Выражение *төбөсү көккө жетип калды* (букв.: его макушка достигла неба) — он на седьмом небе. Пространственный код: *ташы өөдө* (или *өргө*) *кулап турат* (букв.: его камни катятся вверх) — его дела идут великолепно. Поговорка *Төбөң — жайлоо, төшүң — кыштоо* (букв.: макушка твоя — летнее пастбище, грудь — зимнее пастбище), т.е. нет надобности в дальних перекочёвках, что означает «у тебя полная благодать».

Зооморфный код: *Итиң чөп жей баштаган белем* (букв.: твоя собака, вижу, траву есть начала) — дела у тебя, вижу, на лад пошли; *дөөлөт кушу башында* (букв.: птица счастья на его голове), т.е. он вполне счастлив и всем доволен (обеспечен материально и уважаем в обществе); *дөөлөт кушу конду* (букв.: птица счастья приземлилась), т.е. ему привалило счастье.

Итак, счастье для кыргыза воспринимается как социальное благосостояние, материальный достаток, семейное благополучие. Понимание концепта «Счастье» в русском языке несколько иное, оно менее прагматично, чем в кыргызской концептосфере. С.Г. Воркачев называет такие концепты телеономными. Понятие счастья наряду с такими феноменами человеческого бытия, как благо, смысл жизни, смерть, желание и любовь, «покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания», а «отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения» [Воркачев, 2003, с. 95]. В русском концепте счастья превалирует духовная сущность. Стремление к гармонии с окружающими, как и желание наслаждаться жизнью, получая максимум удовольствий, характеризует состояние души.

Концепт «Радость»

Номинативное поле концепта «Радость»:

Лексический пласт	<i>кубаныч, жыргал, шат, шаттык, сүйүнүч, куунак, жадыра-, жырга-, кымтыңда-, кымый-, кымпылда-, маашырка-, дардалаңда-</i>
Фразеологический пласт	<i>көңүл көтөр-, көөнүм көтөрүңкү, маңдайы жарылган кубаныч, катыны эркек туугансып, шаттыкка бөлө-, көңүл ач, көңүлү куунак, кушубак, шатыра-шатман</i>
Паремиологический пласт	<i>Кубанычым койнума батпайт; коргошун болуп баратам; Байыдым деп сүйүнбө, ийгилигине сүйүн</i>

Вербальные средства, объективирующие данный концепт, актуализируют следующие когнитивные признаки:

КП «Чувство удовольствия, ощущение душевного подъема»: ключевой лексемой здесь является слово *кубаныч* — радость, *кубанчым* — моя радость; *кубанычым койнума батпайт* (букв.: радость не умещается в моих объятиях) — я вне себя от радости; *маңдайы жарылган кубаныч* (букв.: радость, от которой взрывается лоб), т.е. бурный восторг. От иранского слова *шат* (радостный) образовано слово *шаттык* (радость), которое вступает в устойчивые и свободные связи с другими словами; *шаттыкка бөлө* (букв.: погрузить в колыбель радости), т.е. доставить большую радость. Самый близкий синоним слову *кубаныч* — это *сүйүнүч* (радость). Выражение *сүйүнүчү койнуна батпайт* (его радость не умещается в объятиях), т.е. он вне себя от радости. Просторечное выражение *катыны эркек туугансып* (букв.: будто его жена родила мальчика) означает «он несказанно рад». Поговорка *Байыдым деп сүйүнбө, ийгилигине сүйүн* поучает — Не радуйся богатству, радуйся своим успехам.

В кыргызском языке для выражения семантики радости имеются образно-изобразительные слова, которые выражают внутреннее состояние души, в том числе и состояние радости: *кымтыңда* —

радоваться; *кымпылда* — испытывать сильное желание, чувствовать радость; *кымый* — испытывать внутреннюю радость; *кымылда* — то же, что *кымый* (но более длительно); *ичинен кымылдай, башын жерге салды* — радуясь в душе, он опустил голову. Эти глаголы используются для описания человеком внутреннего состояния, которое ни внешне, ни на лице ничем не выдается, никак не проявляется. Лингвокультурные коды, связанные с образом жизни кыргызского этноса, эксплицируют зооморфные образы. Выражение *кекилик кармаган адамдай кубанат* (букв.: радуется, как человек, поймавший кеклика-куропатку) говорит о том, что кыргызы любили охотиться на птиц, диких животных и получали от этого занятия огромную радость. Фразеологизм *жүрөгү туйлап кетти* (у него сердце сильно забилося) выражает радостное волнение; *кубанчыман жүрөгүм тайдай туйлады* — от радости у меня сердце запрыгало, будто жеребёнок; *кан туйлайт* — (кровь бурлит) — высшая степень проявления радости; *төбөсү көккө жетти* (букв.: его макушка достигла неба), т.е. он на верху блаженства.

КП «Высшая степень удовольствия, приподнятого настроения»: ключевое слово — *жыргал* (наслаждение, улада, блаженство). Здесь речь идет об эмоциональном состоянии, передающем приятные переживания, хорошее настроение: *жадырап-жайнап жашай баштады* — он зажил в своё удовольствие; *көңүл көтөр* — поднять настроение, радовать; *көөнү көтөрүлдү* — он повеселел; он воспрянул духом; он в радостном настроении; *көөнүм көтөрүңкү* — я в блаженном состоянии; у меня хорошее настроение; *коргошун болуп баратам* (букв.: я плавлюсь, как свинец), т.е. я в состоянии блаженства; *маашырка* — наслаждаться, получать удовольствие; *шат, шатыра-шатман* — весёлый, радостный; *шатыра-шатман кул* — разразиться весёлым смехом; *көңүл ач* — веселить сердце, приподнимать настроение; *куунак (или көңүлү куунак)* — весёлый, радостный; *кушубак* — весёлый, радостный, довольный; *көңүлү кушубак болду* — он обрадовался, ему приятно. Для выражения смеха как признака радостного состояния в кыргызском языке существуют устойчивые сочетания, главным компонентом которых является лексема «печень»: *боорум катып калды* (букв.: печень моя иссохлась от смеха) или *боорум каткыча күлдүм* (букв.: я смеялся до иссушения печени), т.е. я смеялся до упаду, я

покатывался со смеху. Соматический код «смех—печень» прослеживается и в следующих выражениях: *боору эзилгенче күлүү-* (смеяться, пока печать не размякла) или *ичегиси эзилгенче күлүү-* (смеяться, пока кишки не размякли), т.е. умирать со смеху; *боорум эзип таштады* (букв.: он измесил мою печень), т.е. он уморил меня смехом; *боорун тырмап күлүү-* (смеяться, царапая печень) — покатываться со смеху.

КП «Чувство полного удовлетворения»: *күпүлүм толду* — я вполне удовлетворён, я достиг предела своих желаний; *агарып көгөр* — процветать, благоденствовать; идиома *майга батып турат* (он весь погружен в масло) или *башынан май агып турат* (букв.: с его головы льется масло), т.е. он как сыр в масле катается; *майга бармагы малынды* (его пальцы погрузились в жир), т.е. ты материально обеспечен; *май бол* (быть в масле) — быть в изобилии; например, *коон бышып, жай болду, жердин баары май болду* — когда настало лето и поспели дыни, когда вся земля полна изобилия; *кашыгы да, чөмүчү да май болуп калды* (букв.: у него и ложка и половник жиром покрылись), т.е. у него дом — полная чаша. Эмоция полного удовлетворения у кыргыза раскрывается через пищевой код, т.е. образ масла является у кыргызов мерилем изобилия, материального достатка. Символ масла используется и в этикетных формулах пожелания, которые произносятся при достижении человеком определенного статуса, получении диплома, какого-то звания, должности, новой работы: *Майлуу-сүттүү болсун!* (букв.: пусть будет в масле и молоке), что означает состояние материального благополучия.

Перцептивный образ физиологического насыщения обнаруживается в фразеологизме *моокум кана түштү* (букв.: моя жажда утолена) — моё желание вполне удовлетворено. Другой вариант этой идиомы *мээри канды* (здесь: душа довольна) означает «он получил удовольствие, он получил удовлетворение». В загадке *сууруп алсам, суусу чыгат, ичип алсам, мээрим канат* (когда вытащу (закупорку), жидкость выходит, попою — удовольствие получу) говорится о бурдюке с кумысом.

Идиома *телегейи тегиз* (букв.: у него всё ровно), т.е. у него никаких забот, ему сопутствует удача. Лингвокультурная интерпретация следующих фразеологизмов выводит на этнокультурные сте-

реотипы кыргызского сознания. То есть образ шерсти как символ богатства выражается так: *түк күтүп калыптыр* (букв.: покрыться шерстью), т.е. он обзавёлся скотом, материальное положение поправилось. Образ дыма при загорании огня связан с улучшением материального состояния: *түтөп кетти* (букв.: начал дымиться), т.е. он разбогател; *дүнүйөсү түтөгөн* (букв.: его мир в дыме) — богатства у него несметные, от глагола *түтө* — тлеть, загораться, дымиться.

При выражении чувства удовлетворения своим материальным достатком проявляются архетипические образы, выражающиеся в зооморфном, астрологическом, предметном, пищевом кодах. Образ луны. Ср.: *айы оңунан тууган* (букв.: у него луна взошла справа), что означает «ему везёт»; обстоятельства складываются для него удачно, благоприятно. Пищевой код: *сүйрүсүнө сүт толду, ийрисине эт толду* (букв.: продолговатое молоком наполнилось, кривое мясом обросло) — он выправился, оправился (физически, материально и в социальном плане). Предметный код в идиоме *этеги чалкыган* (букв.: расправленный подол) характеризует того, кто живет на широкую ногу, без нужды и стеснений. Зооморфный код в поговорке *Иши оңолордун ити чөп жейт* — У кого дело на лад пойдет, у того собака траву ест.

КП «Состояние душевного спокойствия, чуждого тревог и волнений»: *байсал* — спокойствие, покой; *байсал тап* — найти покой, успокоиться; *көңүлүм жайына келди* (душа пришла на свое место) — я успокоился; *көшү* — быть в состоянии полного покоя, безмятежности, утихать, успокаиваться; *бала магдырап, уйкуга көшүлөт* — ребёнок дремлет и погружается в спокойный сон; *магдыра* — быть в состоянии полного покоя, млет, наслаждаться, испытывать приятную истому; подрёмывать; *көөнүм сергиди* — я успокоился; я чувствую себя хорошо.

КП «Состояние ожидания чего-л. желаемого, благоприятного, соединённое с уверенностью в возможности осуществления» реализуется в двух основных лексемах, выражающих надежду *үмүт* и *кудөр*. Ср. *үмүт кыл-* или *үмүт эт* — надеяться, а также: *кудөр үзбө* — не терять надежду. Идиомы *дем кыл-* или *дем байла-* восходят к слову *дем* (дыхание) и означают «возлагать надежды на кого-что-либо, считать кого-либо своей опорой». Поговорка о на-

дежде *Батар күндүн атар таңы бар*, т.е. у заходящего солнца есть занимающаяся утренняя заря, у кыргызов одна из самых распространенных.

Концепт «Любовь»

Номинативное поле концепта «Любовь»

Лексический пласт	<i>сүйүү, мээр, мээрим, ашык; имерил- жакшы көр; аздекте- айбык-</i>
Фразеологический пласт	<i>бейили түштү; боюн салып сүйбөйт; көңүл жакындыгы; ичимди жылытып тур; оту күйбөй калды</i>
Паремнологический пласт	<i>Жалыны жок жаш болгуча, жашабай коюу түзүк</i>

Любовь у кыргызов — латентное чувство, которое внешне мало проявляется. Это подтверждается и в языке. Степень вербализации этого чувства, как видно из таблицы, невысока. Основной лексемой, выражающей любовь между мужчиной и женщиной, является слово *сүйүү*. Примечательно, что исконным значением данного слова, выявленным этимологическим анализом, является «быть опорой, поддерживать». Ментальное восприятие этого чувства у кыргызов в основе связано прежде всего с взаимной поддержкой. При объяснении в любви используется идиома *жакшы көрөм*, что буквально обозначает «хорошо вижу». Можно предположить, что это эвфемизм, который закрепился в этом значении. Это также подтверждает определенный ментальный стереотип, что о любви не принято было говорить словами. Если обиходно-разговорный дискурс был скуден с точки зрения выражения любви между мужчиной и женщиной, то чувства любви кыргызы ярко и красочно доносили поэтическим языком, который был полон иносказательности, метафорической образности. Особенно часто кыргызское поэтическое сознание ассоциирует любовь со стихией огня. Ср.: *Сүйүү деген — от чачышуу жүрөктөн* (А. Осмонов): любовь — брызги огня из сердца.

Многие слова для выражения любви заимствованы из арабского языка: *махабат* и *ашык*. Слово *ашык* в сочетании с глаголами *болуу* (быть), *калуу* (стать) *ашык болуу, сүйүп калуу* обозначают «влюбиться». В современном дискурсе эти выражения встречаются достаточно часто. В поэтических произведениях можно встретить глагол *аздекте* (боготворить, преклоняться), которое имеет стилистический оттенок книжности.

Сочетание *бейили түштү* — влюбиться (букв.: душа снизошла) — также содержит в своем составе арабское слово *бейил* — *пейил* (душа).

Для выражения состояния любви функционально значимым в кыргызском языке является понятие *көңүл*. Оно очень емкое и обозначает состояние души и встречается в составе многих сочетаний. Симпатия в кыргызском языке передается через слово *көңүл*: *көңүлүн тап-* (букв.: найди ее душу), т.е. найти путь к ее сердцу и вызвать к себе чью-л. симпатию; *көңүлгө тол* (заполнить душу), что значит «понравиться»; *кызга көөнү толуптур* ему (букв.: при виде девушки душа его переполнена), т.е. понравилась девушка.

КП «Влечение, внутреннее расположение, благожелательное отношение к кому-, чему-л.». Ключевым понятием в кыргызском языке, выражающим любовь во всех проявлениях, является идиома *жакшы көрүү*. Значение «любить» не выводится из значений компонентов этого сочетания (хорошо + видеть). Однако высокая употребительность этого выражения в значении «любить» свидетельствует о степени важности для презентации данного концепта в кыргызском языке.

Слово *сүйүү* (любить) в настоящее время получает широкое распространение. Оно встречается в идиомах *сүйгөн жар* (возлюбленная); *сүйдүм-тийдим жолу менен* (букв.: путём «полюбила — вышла») (брак по любви); в свободных сочетаниях: *сүйдүмгө чейин* да ещё до бракосочетания; *сүйдүм алдында* — перед бракосочетанием; *сүйдүмгө сал* — решить полюбовно — предоставить молодой вдове право выбрать: остаться у родных мужа или возвратиться к своим; *сүйдүмгө салалы, келиндин өзү билсин* — решим полюбовно, пусть сноха сама выбирает; *сүйдүмгө чакырт* — вы-

зывать невесту или молодуху, чтобы узнать, не силой ли её выдают или выдали замуж (она должна ответить: *сүйдүм* — полюбила или *сүйбөйм* — не люблю).

Любовь выражается также словом иранского происхождения *мээр*. В семантике данного слова присутствуют такие оттенки, как благосклонность, симпатия; *менде мээриң бар болсо, миң тозокту көтөргүн* — если ты меня любишь, претерпи муки тысячи адов. К чувствам между мужчиной и женщиной применимо выражение *мээри түшүп калды* — он (она) полюбил(а); он почувствовал симпатию к кому-л.; *мээр чөп* (приворотная трава); устойчивое выражение *мээр чөбү бар* или *мээр чөптүү* характеризует мужчину — покорителя сердец.

Чаще всего любовь в репрезентации этого слова относится к проявлению материнской любви; о матери говорят *мээр төгүү* (букв.: изливать чувства любви) — дарить благодать, заботливо ухаживать. Фразеологизм *ак мээр* (букв.: белая ласка) обозначает материнское молоко. Производными от этого слова являются такие единицы, как *мээрим* (ласка) и *мээримдүүлүк* (доброта), которые актуализируют материнскую любовь — *энелик мээрим*; *мээрим чачуу* (букв.: разбрызгивать доброту, любовь), т.е. дарить любовь, добрые чувства.

Суктануу (восхищение). Ср. *суктанып карап отурдум* — я смотрел и восхищался; *тамшануу* — прищёлкивать языком и причмокивать губами от удовольствия, выражает высшую степень восхищения объектом с позиции стороннего наблюдателя.

Фразеологизм *жүрөгүм жибиди* (букв.: сердце размякло) или *ичим жибиди* (внутри размякло) мне пришлось по сердцу, мне стало приятно, я растрогался. Выражение *ичи ысып турат* (букв.: у него внутри стало горячо) — ему очень приятно, ему очень нравится.

Макроконцепт «Негативные эмоции»

Негативные эмоции получают языковую реализацию в таких концептах, как: «Плохое настроение», «Физический дискомфорт», «Злость», «Печаль», «Тревога», «Душевный дискомфорт».

Концепт «Плохое настроение»

Номинативное поле данного концепта состоит из двух пластов: лексических и фразеологических номинаций:

Лексический пласт	<i>басыңкы, басмырт, бушайман, сустай-, сумсайыңкы, муңайыңкы, томсор-, үңкүй-, үтүрөй-, үшкур-</i>
Фразеологический пласт	<i>кабагын буркөдү, зээним кейиди, көөнүм иренжиди, кейипи кеткен, көңүлдүн кири, көңүлүм (көөнүм) чаппайт (или тартпайт), көөнүм караңгы, көөнүм калды или көөнүм кайтты, көңүлү бузулду маанайым бас болду, жүрөгү опколжуй баштады, көөнү пас, маанайы пас, сабыры суз или сабыры сус, сус тарта түштү, көңүлүм салкын тартып калды, кабагы салыңкы, өңү сумсайыңкы, сорпосу сууду, тейи бузук, тумшугу сууду, кабак түй, кабагы түнөрдү, кабагы тушүңкү, көөнү чөккөн, ындыны өчтү или ындыны сууду.</i>

Плохое настроение в кыргызском языковом сознании передается через вербализацию внутренних ощущений и внешних проявлений. Внутренний душевный дискомфорт раскрывается у кыргыза через понятие *көңүл*, которое является как бы вмещителем внутренних переживаний, чувств. Наиболее близким эквивалентом в русском языке является «душа». Однако сфера семантического действия этих двух понятий в языках нетождественна. Об этом можно судить по семантико-синтаксическим связям слов *көңүл* и *душа*. В русском языке душа страдает, мается, плачет, сжимается, на душе кошки скребут, душа не лежит, а в кыргызском языке о *көңүл* говорят, что она потемнела, расстроилась, падает, опустилась, не тянет, нахмурилась. Но и в том и другом языке душа — *көңүл* может болеть. То есть это какая-то объемная живая субстанция, которая, реагируя на внешние факторы, меняет объем, оттенки, динамику. В кыргызском языке есть еще два слова *маа-*

най и ындын, которые выражают внутреннее состояние человека. *Маанайы пас болду*, т.е. упало настроение. *Ындын* — это состояние души, которое может погаснуть или охладеть: *ындыны өчтү* (дух погас) или *ындыны сууду* (дух охладел), т.е. он расстроился.

Внешние проявления в языке фиксируются через восприятие третьего лица, который судит о психологическом состоянии другого человека по фрагментам лица. Прежде всего плохое эмоциональное состояние связывается со лбом (*маанай*) и бровями (*кабак*), точнее — расстояние между бровями, которые могут быть (*түйүлгөн*) насплены, точнее стянуты (*бүркөк*, *түнөргөн*) нахмурены, (*түшүңкү*) опущены и т.д. В основе языковых единиц, выражающих плохое настроение, лежат следующие когнитивные признаки:

КП «Состояние, которое тяготит»: *көңүлү басыңкы*, *басмырт* — подавленный, печальный, унылый; *үңкүйүү* — быть в подавленном настроении.

КП «Эмоциональное состояние, идущее по нисходящей»: *көңүлү түшүңкү* или *көңүлү басыңкы* или *көңүлү пас* — все эти выражения характеризуют подавленное настроение; *көңүлү төмөн чөктү* (букв.: настроение утонуло) — он пал духом; *сабыры суз* (букв.: терпение + мрачный) — он пал духом; *маанайым пас болду* — у меня настроение упало. Устойчивые сочетания с этими же компонентами *көөнү пас*, *кабагы салыңкы*, *көөнү чөккөн* (утонуть) выражают состояние печали, подавленного настроения.

КП «Изменение выражения лица» характеризует следующую лексику: *сумсайыңкы* (о внешнем виде) мрачноватый, слегка недовольный, немного сердитый; *өңү сумсайыңкы* — лицо его мрачновато; *сустайуу* — быть хмурым, молчаливым, надутым; *муңайыңкы* — слегка опечаленный, пригорюнившийся; *жүзү муңайыңкы* — у него печальное лицо; *муңайым тартуу* — печалиться, хмуриться; *тейи бузук* — о мрачном человеке, находящемся в дурном настроении; *кабак түйүү* / *кабагы бүркөө* — хмурить брови; *үтүрөйүү* — насплываться; *түнөрүп капалуу* — он мрачен и печален; *кабагы түнөрдү* — у него брови нахмурены, вид у него мрачный; *томсоруу* — молча нахмуриться, насплываться.

КП «Ощущение физического дискомфорта»: *көөнүм караңгы* (букв.: душа моя в темноте) — я опечален, расстроен; *көөнүм калды* или *көөнүм кайтты* — я разлюбил, охладел, разочаровался;

сорпосу сууду (букв.: его бульон остыл) — он скис; *ындыны өчтү* или *ындыны сууду* — он духом пал, у него настроение поникло; *көңүлүм салкын тартып калды* (букв.: душу охватила прохлада) — меня настигло чувство разочарования; *түмишугу сууду* (букв.: его нос охладел), у него настроение плохое.

Особняком стоят такие выражения, как иранское слово *иренжи* — огорчаться в сочетании *көөнүм иренжиди* — я огорчён, а также сочетание *жүрөк опколжуйт* (букв.: сердце сжимается), что означает «чувствовать угнетённость, быть в подавленном состоянии, испытывать неприятное чувство».

Концепт «Злость»

Номинативное поле концепта «Злость»:

Лексический пласт	<i>ачуу</i> , <i>жсин</i> , <i>кыжыр</i> , <i>кыжырлануу</i> , кек <i>өч</i> , <i>кекенч</i> , <i>зиркилде-</i> <i>кансар-</i> <i>кызанда-</i> <i>туткак оолук-</i> <i>ыргычта-</i>
Фразеологический пласт	<i>кайра жаачу</i> <i>булуттай жсини кармады кыжырым кайнады каны ичине тартып ачуу-</i> <i>ланды кансарып ачуусу келди кыжыры кай-</i> <i>нады или кыжыры келди өзөккө түшкөн өч</i> <i>тиштээрине таи таппай тутанып өл-</i> <i>туткагы кармап карт жолборстой чамынып ыз-</i> <i>гаар төк-</i> <i>каны (или кан-сөлү) ичине тарткан табасы канды жсин тийгендей элирин</i>
Паремиологический пласт	<i>Ачууну акыл жеңет; Иттин ачуусу куйругу-</i> <i>нан билинет, аттын ачуусу кулагынан били-</i> <i>нет оң колуңдуи ачуусун сол колуң меяен кар-</i> <i>ма кекти сууга салыңыз — забудьте обиду;</i> <i>Оозунан көк түтүн чыгат или оозунан көк</i> <i>тү-түн бурк дей түшөт или оозунан көк</i> <i>түтүнү буркурайт</i>

Концепт «Злость» в кыргызском языковом сознании имеет насыщенное вербальное выражение. Об этом свидетельствует номи-

нативная плотность ядра, куда вошло 6 субстантивов, обозначающих различные проявления злости, и 6 номинаций, выражающих процесс пребывания в этом отрицательном состоянии. Ср.: *ачуу* — гнев, злоба; *ачуусу келди* (букв.: его злость пришла), т.е. он обозлился; *ачуусу жаман* (букв.: его гнев суров), т.е. в гневе он страшен. Ближким по значению является понятие *жин* — ярость. Выражение *жини кармады* (букв.: его охватила ярость), т.е. он взбеленился. Производным от *жин* является возвратный глагол *жинден*, что означает буйствовать, бесноваться, злобно набрасываться.

Крайнее возмущение, злость и раздражение составляют семантику слова *кыжыр*. Это проявление внутренней нарастающей злобы. Ср.: *кыжыры кайнады* (букв.: злость вскипела), т.е. это состояние, когда человек в раздражении выходит из себя.

Состояние злобы, смешанное с чувством мести, передается через слово *кек* — *кекти сууга салыңыз* — забудьте обиду (букв.: опустите мечь в воду). Значение затаенной злобы с оттенком обиды характерно для понятия *кекенч*. Лексема *туткак* выражает значение припадка гнева, т.е. выражение «в припадке гнева» звучит как *туткагы кармап* (букв.: пребывая в гневе). *Ызгаар* в прямом значении обозначает пронизывающий холод, стужу в ясную погоду, в переносном значении выражает злобу, желчь; выражение *ызгаар төк* (букв.: выливать желчь) означает «злобствовать». Лексема *өч* обозначает мечь; выражение *өзөккө түшкөн өч* означает озлобление, запавшее глубоко в душу; глагол *элир* — в прямом значении «бредить, кричать во сне» — в переносном значении означает «возбуждаться, бесноваться; иметь сильную одержимость».

Глаголы *буурканда* — разъяриться, свирепеть, *зиркилде* — (дрожать) в переносном значении «неистовствовать, проявлять неистовую злобу», *кызаңда* — горячиться, злиться, обижаться; *кансар* — рассвирепеть, разъяриться; *туталан* — злиться; *тутан* — загораться, зажигаться, в переносном значении злиться, злобствовать; *тутанып өл* — быть в крайнем озлоблении, злобно бесноваться; *оолук* — бесноваться, быть в сильном возбуждении; *кыжырлан* — раздражаться, возмущаться; *ыргычта* — горячиться в переносном значении входить в раж, бесноваться с визгом, с криком проявлять свое несогласие.

Для выражения эмоционального состояния злобы существуют и устойчивые выражения и паремиологические единицы. Человека с грозным видом характеризует фразеологизм *кайра жаачу булуттай* (букв.: подобно туче, которая заново готова пролиться). Выражение *каны ичине тартып ачууланды* (букв.: злится, словно кровь заполняется изнутри) обозначает «он пришёл в неистовство». Выражение *тиштээрине таи таппай* (букв.: не находит камня, чтобы прокусить), т.е. он в сильной ярости. Фразеологизм *оозунан көк түтүн чыгат* (букв.: изо рта выходит сизый дым) характеризует состояние неистовства, крайней обозленности. Выражение *карт жолборстой чамынып* (букв.: взрывая землю, как старый тигр) имеет значение «придя в неопишную ярость».

Поговорки о злобном состоянии души *Ачууну акыл жеңет* (Злобу ум побеждает); *Иттин ачуусу куйругунан билинет, аттын ачуусу кулагынан билинет* — У собаки злость в хвосте, а у лошади — в ушах. Поговорка *Оң колуңдун ачуусун сол колуң менен карма* представляет собой совет, как нужно обуздывать свой гнев: злость правой руки придерживай левой рукой.

КП «Чувство сильнейшей неприязни испытываемое к кому-то»: *жсек көрүү* — ненависть; *жадоо* — надоест, ср.: *мен сенден жададым* — ты мне надоел, осточертел; *тажсоо* — надоест до отвращения; *айтып отуруп, тажадым* — мне надоело говорить; выражения *жүрөккө майдай тийди* или *жүрөккө чийки майдай тийди* (букв.: надоел как сырой жир для сердца) характеризуют состояние крайнего пресыщения от какого-то назойливого отношения. Фразеологизм *көкөйүмө тийди* обозначает «мне надоело, меня допекло». Следующие выражения имеют отношение к состоянию физического неприятия: *итиркейим келип турат* — мне противно, я испытываю отвращение; *боюм тартыла түштү* — меня передёрнуло от отвращения.

Концепт «Физический дискомфорт»

Номинативное поле данного концепта:

Лексический пласт	<i>убара, чарчоо сыркоо кансыра- акакта- өзөөрү- алсыра-, алдыра- союл- шылкый</i>
-------------------	--

Фразеологический пласт	<i>каным катып турат</i> или <i>каным катып суусадым дарманым кетип турат</i> <i>жаным жер тартып баратат</i> <i>тамак жүрөгүмө барбайт</i> или <i>тамак жүрөгүмө баспайт жүрөгүм айланып турат өзөгүм карарды</i> или <i>өзөгүм карайды суй жыгыл</i> <i>сыным туташып турат кубаттан тайыды мээм ачып кетти шайманы бошоду</i> или <i>шайманы</i> <i>кетти эс ооду убара болуу</i>
Паремиологический пласт	<i>Жаным көзүмө көрүнүп, араң жүрөм;</i> <i>Окуй берип, көзүмдүн майы (или көз майым) түгөндү башы көңдөй челек болуп калды</i>

Представленные языковые единицы с точки зрения когнитивной интерпретации выражают следующие когнитивные признаки.

КП «Утомиться от продолжительной, трудной работы, умственной или физической нагрузки»: *убара* (слово иранского происхождения) — мучительные хлопоты; *убара болуу*, *убара тартуу* — мучиться, пребывать в мытарствах; *чарчоо* — устать, *дарманым кетип турат* — чувствую слабость, у меня нет сил; *жаным жер тартып баратат* (букв.: меня тянет к земле), т.е. мне дурно, я слабею; *акактоо* — выбиваться из сил, изнемогать; *суй жыгулуу* — сильно утомиться, выбиться из сил; *суй жыгуу* — довести до изнеможения, издёргать; *союлуу* (букв.: быть изрезанной), т.е. измучиться, измотаться; *союлуп калдым* — я измотан, я вконец измучен; *шайманы бошоду* или *шайманы кетти* — он обессилел; *качууга шайманы келген жок* — ему не удалось убежать; *эс ооду* — выбиться из сил, устать; *шылкый* — быть в очень расслабленном состоянии; *шылкыйып жат* — лежать, обессилев и распластавшись; *жаным көзүмө көрүнүп, араң жүрөм* — я совершенно измотан, едва хожу; *алдыра* — обессилеть, ослабеть; *бүткөн боюм алдырап турат* — я совершенно ослабел; *окуй берип, көзүмдүн майы (или көз майым) түгөндү (көзүмдүн майы түгөндү* — букв.: иссякла смазка моих глаз), т.е. от чтения глаза устали; *башы көңдөй челек*

болуп калды — у него голова совсем перестала работать (букв.: стала пустой кадушкой).

КП «Испытывать физический дискомфорт от недостатка чего-либо»: *каным катып турат* или *каным катып суусадым* — меня томит жажда, меня мучит жажда; *кансыра* — истекать кровью и терять сознание, истощаться; *кансырап жатып калды* — он лежал, истекая кровью; *тамак жүрөгүмө барбайт* или *тамак жүрөгүмө баспайт* (букв.: сердце не лежит к еде), т.е. мне кусок в горло не лезет; *жүрөгүм айланып турат* (букв.: сердце ворочается), т.е. меня тошнит; *өзөгүм карарды* или *өзөгүм карайды* (букв.: у меня пищевод почернел), т.е. я очень голоден; *өзөөрүү* — чувствовать сильный голод, изголодаться; *мээм ачып кетти* (букв.: у меня мозги прокисли), т.е. у меня голова распухла (от шума, гама).

КП «Испытывать, ощущать боль»: *сыркоо* — болезнь, хворь; *сыным туташып турат* — я чувствую тяжесть во всём теле, я спины не могу разогнуть; *кубаттан тайыды* (от слова *тайуу* — скользить), т.е. он лишился сил, изнемог; *алсыра* — изнемогать, терять силы;

КП «Понижение социального статуса»: *басынып калыптыр* (букв.: стал раздавленным), т.е. он потерял свой авторитет, он потерял своё бывшее положение и стал теперь нерешительным; *итке минип калды* (букв.: сел верхом на собаку) — дойти до крайней степени бедности; *жели чыкты* (букв.: спустил воздух), т.е. спесь сошла, что означает «лишившись прежнего общественного и имущественного положения, он стал простым смертным»; *сөзгө сынуу* (букв.: быть сломанным словом), т.е. быть побеждённым или посрамлённым в словопрениях; *кара жер менен тең бол* (букв.: сравняться с черной землей), т.е. опозориться.

Концепт «Печаль»

Номинативное поле концепта «Печаль»:

Лексический пласт	<i>аза</i>, <i>муң</i>, <i>муңайым</i>, <i>кайгы</i>, <i>капа</i>, <i>ый кейи-</i>, <i>ыйла-</i>, <i>боздо-</i>, <i>какиша-</i> <i>муңай-</i> <i>мүнкүрө-куура-</i> <i>күй-</i> <i>тунжура-</i>, <i>сыздат-</i>
-------------------	--

Фразеологический пласт	<i>аза күт- кан жут- кан какша- сай-сөөгүм сыздады, маңдай сөөгү кайкы, көңүлү жаман сөгүлдү</i>
Паремиологический пласт	<i>Көздө жаш, көкүрөктө дарт; Каңырыгы түтөп кетти; Муң ичте жүрсө, жүрөк жарылат ; Алты катын азага барса, ар кимиси өз муңун айтат</i>

Выделены следующие когнитивные признаки:

КП «Глубокая печаль, скорбь, глубокое душевное страдание»: *аза* (арабское слово) — траур, оплакивание (умершего); *кан жутуу* (букв.: глотать кровь) — быть в сильном горе, так говорят, когда теряют самого близкого человека; *каңырыгы түтөп кетти* (букв. у него в носу пересохло), т.е. он в сильном горе, очень опечален; *муң* — печаль, тоска; *муң ичте жүрсө, жүрөк жарылат* — если печаль внутри останется, сердце разорвётся; *муңкур* — лишившийся рук и ног; *мүнкүрө* — быть в очень тяжёлом, безвыходном положении, проявлять беспомощность; *баласынан ажырап, муңкурөп калды* — он лишился сына и оказался в тяжёлом положении; *какша* — рыдать, горько плакать; *кан какша-* (букв.: плакать кровью), т.е. сильно горевать, пребывать в большой печали.

КП «Состояние душевной пустоты и психологического напряжения»: *кейүү* — переживать, *муңайуу* — печалиться, тосковать; *басмырт* — подавленный, печальный, унылый; *басмырт капалуу* — подавленный и печальный; *тунжура* — быть безмолвным, подавленным, печальным; *муңайым* — печаль, тоска; *муңайым тартуу* — печалиться, хмуриться; *көңүлү жаман сөгүлдү* (букв.: у него сердце разрывается), т.е. он в большом горе; *маңдай сөөгү кайкы* (букв.: лобная кость впала), т.е. он глубоко несчастен; *бушайман* — тоска, стресс; *бушайман чек*, или *бушайман бол*, или *бушайман же* — испытывать психологическую неопределенность; *зээним кейиди* — у меня душа болит, я испытываю жалость; *зээнди кейит* — вызывать жалость; *зээни бузулду* — у него настроение испортилось от жалости.

КП «Душевное состояние, вызванное какими-л. сильными ощущениями, впечатлениями»: *сай-сөөгүм сыздады* (букв.: у

меня все кости мозжат), т.е. я очень огорчён; *сыздатуу* — вызывать мозжащую, сильную боль, причинять страдания; *далайды сыздатып, далайды боздотуп келди* — многим причинял страдания, многих он заставлял горько плакать.

Глагол *куура-* (букв.: засыхать, иссякать) используется для характеристики состояния крайнего морального истощения, изнеможения: *бала-чакаң жаш калды, баркыңды санап, куурадым* — дети твои остались малыми, в думах о тебе я высохла.

КП «Душевное состояние, сопровождаемое слезами»: *ыйла* — плакать, *боздо* — горько плакать; *өксө* — громко плакать, рыдать; *өксөп ийди* или *өксөп жиберди* — она вдруг громко зарыдала; *өксөп ыйла* — плакать горько, навзрыд; *мууну калчылдап ыйлады* (букв.: заплакал до содрогания суставов). По кыргызскому обычаю, приближаясь к дому, к юрте, где лежит покойник, мужчины громко причитают, покачиваясь корпусом с боку на бок. Ср.: *өкүрүп-бакырып ыйлады* — он ревел громко в голос; от глагола *өкүр* — реветь. Устойчивое выражение *өпкөсү өпкөсүнө батпай ыйлады* (букв.: плакал так, что легкие не помещались в груди) — он плакал с захлёбом. Устойчивое сочетание *көздө жаш, көкүрөктө дарт* (на глазах слёзы, в груди боль) выражает состояние печали.

Глагол *күйүү* (букв.: гореть) часто используется для обозначения сильных переживаний от горя, несчастья. Производное существительное *күйүт* обозначает горе, глубокую печаль; жестокую обиду; *күйүт тарт* — горевать, болеть душой. Ср.: *энем шордуу менин күйүтүмдү көтөрө албай жүрөт* — моя бедная мать страдает, печалюсь обо мне; *өз энеси Каныбектин күйүтүнөн каза болду* — не выдержав тоски по Каныбеку, умерла его мать.

Концепт «Тревога»

Номинативное поле концепта «Тревога»:

Лексический пласт	<i>Санаа / сарсанаа, убайым, сабырка-, санаарка-, чебелен-, алдаста-, безилде-, кыпылда-, бук, куса, сагыныч, чер, жалгызсыра-, зарык-, зерик -, кусалан-, сагын</i>
-------------------	--

Фразеологический пласт	<i>санаа бас- сарсанаа бол-, жүрөк өйү- көңүлү уйгу-туйгу убайым же- убайым чек- или убайым тарт</i>
Паремиологический пласт	<i>Санаасы жок сары сууга семирет; санаасы санга бөлүндү; Жүрөгүнө түпөйүл болуп жүрөт; Уйгу-туйгу болуп турат, көздөн уч-</i>

КП «Предчувствие опасности, тревожные раздумья, беспокойство в ожидании какой-л. беды, неприятности»: *санаа* — тревожные мысль, думы, *санаарка* — думать, задумываться, печалиться; ср.: *сабыркайм, жолду тиктеп эртели-кеч* — я мучаюсь, пристально глядя на дорогу с утра до вечера. Устойчивое сочетание *жүрөк өйү-* выражает значение «испытывать тревогу, беспокойство, тяжёлое чувство»; ср. *күмөн кишилердин жүрөгүн өйүйт* — сомнение тревожит сердца людей; выражение *жүрөгүнө түпөйүл болуп жүрөт* (букв.: у него на сердце торчит шишом, пучком), т.е. его всё время беспокоит, не даёт ему покоя.

КП «Сильное душевное волнение, беспокойство, вызываемое какими-либо опасениями, страхом, неизвестностью»: *сары санаа* (или *сарсанаа*) сильное беспокойство, тревога; *сарсанаа болуу* — тревожиться, беспокоиться; *санаасы санга бөлүндү* (букв.: его мысли поделились на части), т.е. его охватила тревога. Выражение *уйгу-туйгу болуп турат* — он испытывает большое волнение, сильное беспокойство *көңүлү уйгу-туйгу* — его охватила тревога. На базе арабского слова *убайым* (беспокойство, переживание) существует несколько сочетаний: *убайым же-* или *убайым чек-* или *убайым тарт-*, которые выражают значение «беспокоиться, переживать, страдать».

КП «Беспокойная мысль о ком-то, сосредоточенность мыслей на заботе о ком-либо»: *чебелен* — суетиться, проявлять сильное беспокойство, болеть душой; *алдаста* — быть в сильном беспокойстве, быть обеспокоенным, озабоченным чем-либо; *безилде* — проявлять сильное беспокойство, беспокойно метаться; *буудай кууругандай безилдейт* (букв.: мечется, как пшеница, когда её жарят), т.е. мечется как угорелый; *жүрөк алдастап турат* — сердце беспокойно бьётся; *кытылда* — беспокоиться, выражать нетерпение, беспокоясь за результат; ср.: «*билип коёт экен*» деп, *жаман*

кыпылдап турам — боюсь, что догадаются; *санаасы жок сары сууга семирет* — беспечный от простой воды жирнеет.

КП «Чувство, которое вызывает боязнь, тревогу, физиологические реакции»: *коркуу* — страх, *жүрөгү түштү* (букв.: сердце упало вниз) — он сильно испугался; *жүрөгү оозуна тыгылды* (букв.: сердце застряло во рту), т.е. у него (от страха) дыхание спёрло; *муундары калчылдайт* — у него поджилки трясутся; *суру качты* или *суру кетти* (от *сүр* — дух, душа) — он испугался; у него душа в пятки ушла; *төбө чачтары тик туруп, жан кулактын учуна барды* (букв.: волосы встали дыбом, душа достигла края уха), т.е. сильно перепугался.

КП «Тяжёлое гнетущее чувство»: тоска, угнетённое состояние; *анын бугу чыгып, кабагы ачыла түштү* — его печаль прошла, и он вдруг повеселел; *бук кылат* — (меня что-то) гнетёт; *жалгызсыра* — чувствовать одиночество, скучать в одиночестве; *ичинде чери бар* (*чер* — твёрдая злокачественная опухоль) — у него на душе тоска; *чер жаз-* или *чер та-рат* — разогнать тоску.

КП «Потребность, сильное желание видеть близкого человека, тоска по нему, граничащая почти с болезненным состоянием»: *куса* — тоска, печаль; *кусалан* — тосковать, печалиться; *зарык* — томиться, изнывать; *баласын күтө берип, зарыкты* — он истомился, ожидая сына; *сагыныч* — тоска по кому- чему-л.; *сагыныч жаз* — развеять, разогнать тоску; *көздөн уч* — быть предметом большого желания; *жакын туугандан көзү учуп, жалгызсырап жүрөт* — он чувствует себя одиноким, тоскуя по близким родственникам.

Концепт «Душевный дискомфорт»

Номинативное поле концепта «Душевный дискомфорт» очень обширное:

Лексический пласт	<i>ыза, таарыныч, күйүт, ызакор арман мурчуй- таарын- терик- ызалан-чүнчү-, зерик-, ардан-, сүрдө-, апкаары- абдыра- ; кайсала- делдеңде-, чоочурка- өкүн- түңүл- наалы-, азап тозок, азап-тозок жабырка- чайнал-</i>
-------------------	---

Фразеологический пласт	<i>шору каткан, басынып-корунуп, жер таппай калды, алапайын таппай калды; мусаапыр бол-, муйузу сынган; жер кара-; мыш бол-селдее түштү; шаптысы кетти аргасы кетти или аргасы түгөндү</i> <i>маң бол- нез бол- жарма таарынчы ичи ачышып, көңүлгө албагын, капа этпеңиз жанынан түңүлдү — нааразы бол- бармак тиште- кабыргама батып турат; кабыргам кайышып турат; кабыргасы сөгүлгөн; күйүтүн тартып; эт жүрөктү элжиретип; азап көр- или азап тарт- убара тарт- маша-кат тарт- или машакат чек-</i>
Паремиологический пласт	<i>Тагдыры бир ууч болду; Башыма түйшүк түшүптүр; Ага убал болду; Канатымды чалдырдым; Эки бутумду бир кончума тыкты; Көйнөктүн кири жууса кетет, көңүлдүн кири айтса кетет; Армандары ар тамырда сызылган жүрөгүм туз куйгандай ачышат; Оозу ашка тийгенде, тумшугу ташка тийди;</i> <i>Тумшугуна суу жетти; Акылы аздын азабы көп болот</i>

Выделяются следующие когнитивные признаки:

КП «Лишённый силы, воли, морально подавленный»: *чүнчү* — морально устать, чувствовать себя неуверенным; *эки бутумду бир кончума тыкты* (букв.: две мои ноги воткнул в одно голенище), т.е. он меня поставил в крайне тяжёлое положение. Выражение *канатымды чалдырдым* (букв.: у меня перебито крыло) обозначает ситуацию, когда человек лишается надёжной опоры, поддержки. Идиома *муйузу сынган* (букв.: у него рога сломаны) — он сломлен, он обессилен. Выражение *мусаапыр бол* (от арабского слова *мусаапыр* — бесприютный странник) имеет отношение к состоянию одиночества, беспомощности. Психологическое состояние нерешительности, запуганности, неуверенности передает сочетание *басынып-корунуп* (букв.: задавленный-затюканный).

КП «Испытывать трудности, пребывать в тяжелой жизненной ситуации»: *тагдыры бир ууч болду* (букв.: вся его судьба стала размером с горсть) — он оказался в безвыходном положении, на краю гибели; *башыма түйшүк түшүптүр* — свалилась напасть на мою голову; *ага убал болду* — ему пришлось трудно (от арабского слова *убал* — ущерб, урон); *шору каткан* (букв.: затвердевший солончак) — несчастный; *жер таппай калды* (букв.: он не нашел места для себя) — трудно ему пришлось. Если речь идет об ухудшении материальных дел, то говорят *казаны оттон* (или *тулгадан*) *түшүп калды* (букв.: у него котёл с огня или с тагана спустился).

КП «Чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения»: *ардан* — стыдиться, совеститься; досадовать, злиться, обижаться; *өлөйүн десем, жан таттуу, кирейин десем, жер катуу* — (так тяжело), что умереть бы мне, да жизнь сладка, сквозь землю уйти бы, да земля тверда; *жер кара-* (букв.: смотреть вниз; опустить голову, понурить голову) — быть пристыженным, посрамлённым; *сакалым өрттөндү* (моя борода сгорела) — опозорился я, пережил срам; *мыш бол* — осрамиться, оскандалиться, потерять авторитет; *сүрдө* — стесняться, смущаться, теряться.

КП «Прийти в сильное замешательство от неожиданности»: *апкаары* — растеряться, опешить; *апкаарып сөз айталбай калды* — он растерялся и не мог слова выговорить; *алапайын таппай калды* — он растерялся, он опешил; *абдыра* — растеряться, опешить; *ал абдырап, эмне кыларын билбей калды* — растерялся, не знал, что делать; *кайсала* — растеряться, опешить; *селдее түштү* — он (от неожиданности) растерялся; *ал селдейип катып калды* — он остолбенел; *шаптысы кетти* — он растерялся, засуетился; *эси ооду* (букв.: он лишился рассудка) — он опешил, потерял дар речи.

КП «Чувство недоверия, опасения» выражается заимствованными словами иранским *күмөн* и арабским *шек* — сомнение; подозрение; от них образуются и другие выражения: *күмөн сана* — или *күмөн келтир* — подозревать; *аларга күмөн келтир* — подозревать их; *шек жок* — нет сомнения, без сомнения, несомненно; *шек келтир-* или: *шек ал-, шек ур-, шек кыл* — сомневаться, подозревать; *шектен* — сомневаться, иметь подозрение; *шектенүү* — сомнение, подозрение; *шекши* — подозревать, относиться с подозрением, с

опаской; *кайдан алдың деп, шекишибей койбойт* — обязательно заподозрят.

КП «Беспомощный, не знающий, как поступить от сильного потрясения, от безвыходности ситуации»: *аргам кетти* или *аргам түгөндү* или *аргам куруду* (*арга* — сила) я обессилен, я в безвыходном положении; *амалым жаман түгөндү* — я в крайне затруднительном, безвыходном положении; *алапайын таппай калды* — он растерялся, он опешил; *алапайын таба албай, алек болду жесир баш* — растерялась я, сокрушалась моя вдовья голова; *маң бол* — растеряться; расстроиться (от иранского слова *маң* — гашиш); *башым маң болду* — я опешил, я растерялся; *нез бол* — растеряться, оторопеть; *делдеңде* — выражать растерянность движениями; *делдеңдеп жүгүрүп жүрөт* — он растерянно мечется (в прямом значении: оттопыриваться, топорщиться).

КП «Чувство неудовлетворенности, сожаления, огорчения, вызванное неудачей, по поводу чего-то нереализованного»: *арманда келдим* — мне досадно (от того, что что-то не осуществилось, не сбылось); *дүйнөдөн арманда өткөнү турат* — он, похоже, покинет этот мир с сожалением; *армандары ар тамырда сызылган* (букв.: досада — неудовольствие проходит по каждому нерву), т.е. он был обижен до глубины души. Арабское слово *ыза* обозначает досаду, обиду, уязвленное достоинство; *ыза болуу* — досадовать; *ыза көрүү* — терпеть обиды; *ыза жеп баратат* — обида заедает, обида покоя не даёт; *ызалан* — обижаться, досадовать; *ызакор* — обидчивый, раздражительный, *ызакордук* — обидчивость, раздражительность.

КП «Чувство раскаяния, сознания своей вины, сожаления о чем-то»: *өкүн* — раскаиваться, сожалеть о случившемся; *түңүл* — вконец разочароваться, потеряв веру и надежду; *жанынан түңүлдү* — он жизни не рад, так туго пришлось; иранское слово *наалы*-причитать, жалуясь на судьбу, на своё положение. Заимствованное из арабского языка *нааразы* (недовольный), употребляется в сочетании *нааразы бол* — остаться недовольным; *күдөр үздү* — он потерял всякую надежду.

Фразеологизм *бармак тиште* (букв.: прикусить большой палец) означает «выразить раскаяние, сожаление». Поговорка *Оозу ашка тийгенде, тумшугу ташка тийди* (букв.: когда рот пищи кос-

нулся, нос на камень наткнулся), что означает эмоциональное состояние, когда неожиданные обстоятельства лишают человека того, что он вот-вот должен получить или уже получил, но воспользоваться не сумел, не успел.

КП «Испытывать чувство горечи, досады из-за какой-либо незаслуженной несправедливости»: *таарыныч* — обида, *таарынуу* — обижаться; *жок сөзгө таарынат* — он обижается по пустякам; *теригүү* — обижаться; *сөзүнө териккеним жок* — на его слова я не обиделся; *камык* — чувствовать обиду; *көңүлгө албагын* — ты не обижайся; *көңүлүңүзгө оор албасаңыз* — если вы не обидитесь, не в обиду вам будет сказано. Поговорка *Көйнөктүн кири жууса кетет, көңүлдүн кири айтса кетет* — грязь на платье сходит от стирки, грязь на сердце — от прощения. Легкая обида по-кыргызски звучит так: *жарма таарынчы* (букв.: обида от похлебки), т.е. обида по пустякам, мелкие ссоры; *эки айыл ортосунда анча-мынча жарма таарынчы болбой койчу беле?* — а разве бывало так, чтобы не было мелких ссор между двумя аулами?

КП «Сочувствие, жалость, вызываемые чьим-л. страданием, несчастьем».

Фразеологические единицы *кабыргам батып турат* (букв.: жалость, которая вонзается в ребра) — мне жаль кого-то, я душой болею за кого-то. Другой фразеологизм *кабыргам кайышып турат* (букв.: ребра сгибаются) — мне жалко; *кабыргасы сөгүлгөн* (ребра разобраны) — он был очень огорчён, опечален; *балдарыңды көргөндө, кабыргам жаман сөгүлдү* — когда увидел я твоих детей, мне стало жалко; *күйүтүн тартып* (букв.: разделяя его боль) — жалея его, болея душой за него; *энем шордуу менин күйүтүмдү көтөрө албай жүрөт* — моя бедная мать переживает за меня; *эт жүрөктү элжиретип* (букв.: измесило мышцы сердца), что означает «вызывая искреннее сочувствие и жалость»; *эт жүрөгүн элжиретип, көзүн жашка жуугузуп кетти* — он ушёл с жалостью в сердце и со слезами на глазах.

КП «Сильные нравственные страдания». Такое негативное состояние, как нравственные и физические мучения, в кыргызском языке передается иранскими словами, как *азап* и *тозок* (букв.: ад, мука). Оба слова, употребляясь как синонимы, составляют сложное понятие *азап-тозок*. Эти слова по отдельности являются осно-

вой для образования и глагольных синтагм: *азап көр-* или *азап тарт* — испытать мучения; *тозок тарт* — испытывать муки, *азабым тарттың* — ты мучился из-за меня, а также других выражений: *азап-шорду көрүп* — испытав муки, испытав лишения; *сенин азабың мага өттү* — ты меня измучил; мука мученическая; *аздын азабы көп болот* — у кого ума мало, у того мучений много. В этом же значении используются следующие глагольные выражения: *машакат тарт-* или *машакат чек* — испытывать затруднения, мучиться от слова *машак* (колос, оставшийся на поле после уборки), *машакат* — трудность, затруднение; мучение; *убара тарт* — мучиться, испытывать мытарства; *убараңды көп тарттым* — я много из-за тебя мучился; *түмишугуна суу жетти* — он в крайнем затруднении.

Кроме того, следует отметить еще два употребительных кыргызских глагола с указанным значением: *чайнал-* (букв.: разжёвываться, пережёвываться) — подвергаться суровым испытаниям жизни и *жабырка* — испытывать мучения, мучиться.

КП «Чувство, вызванное оскорблением, огорчением»: *күйүт* — глубокая обида, досада; *күйүт тартуу* — горевать, болеть душой; *ачышуу* — испытывать едкую, жгучую боль. Идиома *ичи ачышат* — у него всё внутри кипит (например, от обиды). Фразеологизм *жүрөгүм туз куйгандай ачышат* (букв.: сердце болит, словно солью посыпали), т.е. у меня щемит сердце.

КП «Проявление внешних признаков обиды»: *мурчуй* — нахмуриться, скривить рот (выражая обиду); *мурчууп, кабагык түйүп койду* — он скривил рот и нахмурил брови.

Негативные чувства выражались антонимическими выражениями *жаман көрөм, жек көрөм* — не люблю, ненавижу.

Выводы

Культурная обусловленность эмоциональных концептов определяется тем, что они рождаются в конкретной социально-исторической ситуации; этническая обусловленность эмоциональных концептов определяется такими социо-психо-культурологическими характеристиками конкретного сообщества людей, как традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели

поведения и т.п., исторически сложившиеся на всем протяжении развития, становления этноса [Красавский 2001: 74]. Анализ концептосферы «Эмоции кыргыза» показал преобладание языковой вербализации отрицательных эмоций, что подтверждает мысль о том, что отрицательные стороны человеческой натуры обычно воспринимаются ярче и острее, чем положительные, к которым он привыкает быстрее и воспринимает как норму бытия. Макроконцепт «Положительные эмоции» включает такие концепты, как «счастье», «радость», «любовь». Макроконцепт «Отрицательные эмоции» более детализирован и охватывает более широкий спектр эмоций: «Плохое настроение», «Физический дискомфорт», «Злость», «Печаль», «Тревога», «Душевный дискомфорт». Когнитивный анализ эмоциональных концептов выявил, что при вербализации положительных концептов в кыргызском языковом сознании превалируют кинестетические образы устремления вверх, перцептивное ощущение утоления жажды, а также погружения в масло и молоко. Лингвокогнитивная сущность языковых средств кыргызского языка, выражающая отрицательные эмоции, связана с мраком, темнотой, теснотой, холодом, падением вниз и хищными животными.

§ 8. КОНЦЕПТОСФЕРА «СЛОВО»

Одна из особенностей кыргызского человека заключалась в его немногословности; существовало такое понятие «сөзгө сараң» (скупость в словах), которое было мерой лучшей оценки мужского характера. Каждое меткое слово, сказанное кем-то, было на вес золота. Слова в понимании кыргызов должны были доставлять радость, они должны были воодушевлять его, они должны были давать ему веру. Считалось, если нет необходимости говорить, то лучше молчать. Чем говорить, кыргызы предпочитали слушать того, кто владел искусством слова. Это были сказители эпических жанров, это были поэты-импровизаторы, которые занимали особое место в кыргызской культуре. Слово для кыргыза имело огромное значение. Словом дорожили, его оберегали, верили в его силу, ценили его, осуждали тех, кто не умел владеть словом, кто расточительно обращался со словом. В кыргызском языке обнаружен огромный пласт

языковых единиц — лексики, фразеологизмов, паремиологических выражений, которые были изучены с когнитивной точки зрения, раскрывающих особенности кыргызской ментальности.

Макроконцепт «Слово»

Макроконцепт «Слово» состоит из следующих концептов: «Слово-искусство», «Слово-оценка», «Пустое слово», «Сила слова» «Слово-общение».

Концепт «Слово-искусство»

Русский ученый В.В. Радлов, в 1881—1882 гг. издавший в Лейпциге тюркскую «Фонетику», в 1885 г. писал о кара-кыргызах и казак-кыргызах, что они отличаются даже от своих соплеменников тюркского происхождения необыкновенным умением говорить. Носитель этих языков «всегда говорит бегло, не останавливаясь и не запинаясь. Излагая свои мысли точно и ясно, он умеет придать своей речи известную долю изящества и даже в самом обыкновенном разговоре при построении фраз и периодов у него является часто ясно ритмический размер, так что предложения следуют друг за другом в виде стихов и куплетов и производят впечатление стихотворения». Ученый отмечает красноречие и ритмичную речь народной поэзии и смотрит на нее, как на «высшее искусство в мире», поскольку она, по его мнению, достигла высокой ступени развития. Концепт «Слово-искусство» реализуется в следующем номинативном поле:

Лексический пласт	<i>чечен; булбулкөй, каңкуу каңкуула-бүкмөлө-жанытма жөмөлө</i>
Фразеологический пласт	<i>бермет сөзү чачылды; тили буудай куурат, тил безе, кызыл таңдай, алтын шилекей-ин чачыратуу; жорго сүйлө-; канат саба-ношөрлөнгөн жаандай сөз; таңдайынан чаң чыгарып; оозуна шайтан түкүргөн; ширелуу кеп ширин сөз; кыйытып сөз айт- туюк айт-</i>

Паремиологический пласт	<i>Тил — ойдун сандыгы; Сөз билгич адамдын, ар сөзүндө бир тузак; Макал атасы — сөз, мата атасы — бөз; Ийне көзүнөн сынат, чечен сөзүнөн сынат; Чаап айтканча, таап айт; Сөз келгенде сөзгө жараша сөз айтпаса, сөздүн атасы өлөт; Жип кессең-узун кес, кеп салсаң-кыска сал ; тили тилине тийбейт; Жазы жаак, жалпак тил; Узун сөздүн кыскасы, жел сөздүн жеткир устасы; Далай сөздү чыгарат, кызыл тилим жүгүрсө; Аркандын узуну жакишы, сөздүн кыскасы жакишы; Өнөр алды — кызыл тил; Чечендин көркү таңдайда, сөзгө жараша сөз айтпаса, сөздүн атасы өлөт; Ойноп сүйлөсөң да, ойлоп сүйлө</i>
-------------------------	---

Когнитивными признаками, составляющими основную сущность языковых номинаций данного концепта, являются следующие:

КП «Мастерство владения словом». Ключевой лексемой в этой категории являются слова *чечен, сөзмөр*, которые означают «красноречивый». У кыргызов красноречие было неотделимо от мудрости. «В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на физический мир и свой внутренний мир и его объекты антропоморфные, биоморфные и предметные характеристики. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системе культурных кодов...» [Колесов, Пименова 2011]. В концептуализации слова в кыргызском сознании нашел реализацию ряд культурных кодов.

Физиологический (телесный, соматический) код заложен во многих кыргызских метафорах; так выдающегося оратора называли *кызыл таңдай* (красное небо), а также высокая степень владения искусством слова выражена в метафоре *таңдайы айрылган чечен* (букв.: оратор, у которого разорвано небо); *чечендин көркү*

таңдайда, т.е. мастерство красноречивого в нёбе; *алтын шилекей-ин чачыратуу*, что означало «брызгать золотой слюной». Считалось, что способность красиво и убедительно говорить достигается ценой огромных усилий: *тил безе-* (шлифовать язык). У кыргызов сложился метонимический образ внешности, характеризующей незаурядного оратора *жазы жаак* (букв.: широкие скулы), *жалтак тил* (плоский язык). Словом *эктүү* (имеющий мощный подбородок) называют истинного оратора, остролова.

Зооморфный код. Кыргызы, как известно, древние кочевники, скотоводы, охотники, хорошо знавшие повадки животных, птиц. Особое восхищение у кыргызов вызывала конская иноходь (жорго); поэтому гладкую и приятную речь оратора они сравнивали с иноходью: *жорго сүйлө-* (говорит как иноходь коня) или *жорго сөз* — это плавная речь, точнее плавное, напевное скандирование импровизированного повествования в стихах. Ассоциация с пылью из-под копыт коня опять переносится на способность красноречиво и увлекательно говорить: *таңдайынан чаң чыгарып мыкты сөз айтты* (букв.: он говорил так, словно пыль слетала с его нёба). Мастера слова сравнивали с соловьем и называли *булбул* (соловей), *булбулкөй* (речистый соловей). Искусством поэтической импровизации владели особо талантливые люди, которых называли *төкмө-акын* (букв.: изливающийся поэт). *Төкмө-акыны* могли синхронно воспроизводить в стихах все, что видели перед собой, красочно описывать события, людей, восхвалять, клеймить позором и т.д. Умение говорить красиво и складно кыргыз образно сравнивал со взмахами крыльев птицы: *канат саба-* (взмахивать крыльями): *айта берсем, сабайт го ак шумкардай канатым* — когда я говорю, речь моя льётся, как взмахи крыла белого кречета.

Природно-стихийный код. К человеку с хорошо подвешенным языком применимо выражение *кайкы тил*, в котором слово *кайкы* обозначает небольшую впадину между гор. Волнующая, эмоциональная речь ассоциировалась у кыргызов с очищающим ливнем: *нөшөрлөнгөн жаандай сөздү биринин артынан бирин жаадырып*, т.е. он сыпал словами, словно проливным дождем.

КП «Речь, имеющая богатое содержание, с большим внутренним смыслом, значением».

Поговорка *Тил — ойдун сандыгы* означает: язык — хранилище мысли. Содержательная речь выражается метафорой *ширелүү кеп* (букв.: сочная речь). Образное восприятие такой речи часто встречается в поэтических произведениях: *айткан сөзү ширелүү, демдеп койгон күрүчтөй*, т.е. речь его сочна, будто томлённый рис. Вкусовые ощущения при восприятии насыщенной, интересной речи встречаются в выражении *ширин сөз* (сладкая речь). Фольклорные выражения *балдан ширин сөзү бар*, т.е. его слова слаще мёда или *кеби ширин, сөзү бал* — речь его сладка, слова — мёд. О значимости слова для кыргыза говорится в следующем выражении: *Макал атасы — сөз, мата атасы — бөз* — Начало пословицы — слово, начало холста (т.е. всякой ткани) — бязь.

КП «Слово требует к себе уважения».

Культом слова для кыргыза был бесспорным, и поэтому он считал, что если не сказать своевременно нужное слово, то это равносильно смерти слова, о чем говорится в следующей пословице: *Сөз келгенде сөзгө жараша сөз айтпаса, сөздүн атасы өлөт* (букв.: если не вставить уместно нужное слово, то умрет отец слова). О лаконичности при выражении мыслей гласят следующие поговорки: *Аркандын узуну жакшы, сөздүн кыскасы жакшы* (аркан лучше длинный, речь лучше короткая); *Жип кессең-узун кес, кеп салсаң-кыска сал* — Аркан надо резать подлиннее, а речь держать покороче; *Узун сөздүн кыскасы, жел сөздүн жеткир устасы* — Краткость слова длинного, ловкий мастер пустословия. Вольное обращение со словом предавалось осуждению: *ойноп сүйлөсөң да, ойлоп сүйлө* — даже если в шутку говоришь, говори подумав.

КП «Умение говорить иносказательно» получило реализацию в кыргызском языке в ряде выражений: *бүкмөлөп айт* — говорить обиняками от слова *бүкмөлө* — делать складки, свёртывать; *жанытма* — что-либо сказанное намёками; *жөмөлө* — делать тонкий намёк, *каңкуу* — ехидный намёк; *каңкуула* — выспрашивать намеками, прикидываясь незнающим; *кыйытып сөз айт* — говорить намёками, осторожно, незаметно; *туюк гана айтып койду эле, башкалар түшүнбөй калды* — он сказал как-то скрытно, другие не поняли (от слова *туюк* — замкнутый, не имеющий выхода).

Концепт «Слово-оценка»

Номинативное поле концепта «Слово-оценка»:

Лексический пласт	<i>чечен, бабырак, дөөпөрөс ээктүү, безилде, былжыра, кайпакта, балдыра- булдура- булдурукта- кобура- кулдура- күңкүлдө- күңк эт- күңүлдө- бажылда- бапыраңда- бакылда- бакыр- барк эт- барсылдаш; даркыра- каяша кужулда- бажылда- бапыраңда-</i>
Фразеологический пласт	<i>жатык тилдүү или тили жатык или сөзү жатык; тилге жүйрүк или сөзгө жүйрүк жылуу сүйлө; жылдырма сөз; жылма сүйлөшүү; тилинен заар тогүлгөн или оозунан заар төгүлгөн; заардуу тил; кайкы тил; сөздү кишиге бербей ала качат; кесир сүйлө; тили буудай куурат; тилинен чаң чыгат; сөзү сунсак; тилинде тикени бар или тилинен заар төгүлгөн; май төшөп сүйлө; боёмолоп сүйлөйт; тили оозуна жукпайт; жыбыратып сүйлө; майдалап сүйлө; оозуна келгенди сүйлөй берет; тилинде тикени бар; чукугандай кеп тапкан тилдүү азамат; бал тилдүү; бажактап сүйлө-; оозуна келгенди шалпый берет; апыртып сүйлөдү; сөзгө жок; сөздү ооздон жул-; жүдөө кеп; бартылдап сүйлө-беттен ал- ажылдап сүйлө- каяша айт- или каяша бер- купүлдөп сүйлө- бажактап сүйлө-беттен ал-</i>
Паремиологический пласт	<i>Сөзү азын иши аз; Сөздү көп сүйлөсө-тантык, сууну көп кечсе-чалчык; Сөзү экинин—иши да чеки; жылуу-жылуусүйлөсө, жылан ийинден чыгат; ириген ооздон чириген сөз чыгат; Сөз билбеген муштуму менен коркутат; Жигиттин өзүнө караба, сөзүнө кара; Сөздү билген таап айтат, сөздү</i>

	<i>билбеген каап айтат; Жаман каап сүйлөйт, жакшы таап сүйлөйт; көпкөн жигит көп сүйлөйт, чечен жигит эп сүйлөйт; Сөз бербеген жөө чечен учуп жүргөн камгактай; баатырдын көркү — маңдайда, чечендин көркү — таңдайда; Күлүп сүйлөгөн кишиден түңүл, тийип жааган күндөн түңүл</i>
--	--

Когнитивные признаки, выявленные на основе языковых номинаций:

КП «Слово как положительная оценка». Оценка слова может быть связана с перцептивными образами, которые отличаются от мыслимого символа тем, что он связывается с воздействием внешних объектов на органы чувств и отождествляется с ними [Меркулов 2005]. В основе выражения *жылма сүйлөшүү*, обозначающего мягкий, внешне любезный, дипломатичный разговор, лежит перцептивный образ тактильного ощущения чего-то ровного, гладкого. Душевный, приятный разговор у кыргыза вызывает перцептивный образ температурного свойства, т.е. *жылуу сүйлө* (от *жылуу* — теплый), т.е. говорить ласково, приятно. Поговорка *Жылуу-жылуу сүйлөсө, жылан ийинден чыгат* означает: если ласково говорить, то и змея из норы вылезет. Пространственный код лежит в основе выражения *жатык тилдүү* или *тили жатык* или *сөзү жатык* (от *жатык* — наклонный, расположенный наклонно к чему-л.; склонённый), т.е. обладающий даром простой, степенной, импонирующей речи. Кинестетический код, связанный с конкретным физическим действием, прослеживается в выражении *чукугандай кеп тапкан тилдүү* (букв.: сказал, словно выковырнул), т.е. он быстро подыскал удачное слово.

КП «Слово как отрицательная оценка». Болтливость, пустословие, косноязычие — это те черты, которые получали негативную коннотацию в языковой репрезентации кыргызского языка. Болтливое, без меры речистого человека называют *бабырак* (болтун). Природно-физический код прослеживается в выражении: *сөздү көп сүйлөсө-тантык, сууну көп кечсе-чалчык*

(если много говорить — станешь болтуном, если много ходить по воде, будет грязь-жижа). Когда человек несет ахиною, говорит глупости, то используют глаголы *калжыра-* или *былжыра-* (букв.: быть липким; быть хлюпким, как грязь), т.е. городить чушь. В следующем выражении заложен природно-растительный код: болтливую краснобая уподобляют кочующему по степи перекати-полю: *сөз бербеген жөө чечен учуп жүргөн камгактай*. Пищевой код характеризует развязную, неприличную болтовню *калжаң* или *калжак* от слова *калжа*, что обозначает сильно разваренное мясо, которое обычно дают роженицам или больным. Отрицательная характеристика человека дана в следующих выражениях: *ириген ооздон чириген сөз чыгат* (из гнилого слова гнилые слова выходят), *сөз билбеген муштуму менен коркутат* (не умеющий говорить кулаком горазд махать) или же *сөзгө чоркок муштумун көрсөтөт* (не умеющий говорить грозит слову кулаком). О человеке, который не умеет быть сдержанным в выражениях, употребляет бранные слова, говорят *оозуна келгенди шалпый берет* (букв.: шлепает губами что ни попадя), т.е. он мелет всякий вздор. Следующие идиомы характеризуют человека, злого на язык: *тилинде тикени бар* (букв.: у него на языке колючка), или *тилинен заар төгүлгөн* (букв.: у него с языка яд, желчь льется). Следующая поговорка дает оценку человеку, его манере говорить: *Ириген ооздон чириген сөз чыгат* гласит (из гнилого рта гнилые слова выходят). В следующем характеризующем выражении находим зооморфный код: *жаман каап сүйлөйт, жакшы таап сүйлөйт* — дурной говорит, как лает, хороший находит меткое слово.

По умению говорить кыргызы оценивали и интеллектуальные способности человека. Человека, который говорит к месту и не к месту, не думая о последствиях, часто называют *дөөперес*, *дөөпөрөс* (простак, недалекий). Метафора *сөзү супсак* (букв.: его речь безвкусна) содержит пищевой код и характеризует безынтересную, невыразительную речь. О нескладной, бестолковой речи говорят *жүдөө кеп* (букв.: истощенная, бедная речь). О косноязычном человеке говорят *сөзгө чоркок* (неуклюжий на слова), т.е. не умеющий выразить свои мысли.

КП «Манера говорить». Наблюдая за манерой говорения, кыргызы могли определить характер собеседника, давая при этом ему очень точную оценку. О человеке, который очень быстро, бойко говорит, они отмечали, что у него язык не касается рта: *тили оозуна жукпай шыпылдап сүйлөйт*. В следующих выражениях явно проступают культурные коды. Природный код, в соответствии с которым манеру говорить уподобляли ряби на воде, можно обнаружить в выражении *жыбыратып сүйлө* — от слова *жыбыр* (рябь на воде), т.е. когда человек говорит гладко, вкрадчиво, без жестикующей. Кинестетический код раскрывает вкрадчивую неискреннюю речь, которую называли *жылдырма сөз* (от слова *жылуу* — медленно ползти). Про сладкую, льстивую речь говорили *май төшөп сүйлө*, что буквально значило «говорить, подстилая масло» (пищевой код).

КП «Невнятный разговор». Неумение говорить ясно и отчетливо кыргызы вербализовали через звукоподражательные глаголы, в основе которых лежат звуковые коды живой природы: *кобура* — бормотать, *кулдура* — говорить на непонятном языке, по-детски лепетать; *күңкүлдө* — гнусавить, *күңүлдө* — невнятно говорить, выражая недовольство, брюзжать; *күңк эт* — буркнуть тихо, глухо, *балдыра* — говорить неясно, невнятно; *булдура* — произносить неясно, неотчетливо; *булдурукта* — говорить невнятно, бормотать (например, о ребенке). Манера человека говорить громко выражается с помощью звукоподражательных глаголов: *бакылда* — горланить, *бакыр* — орать, реветь, громко кричать, горланить; *барк эт* — гаркнуть, рывкнуть, сказать громко, властно и решительно; *барсылдаш* — оживленно и громко разговаривать; *бартылдап сүйлө* — говорить решительно и басом; *даркыра* — говорить громко и грозно; *ажылдап сүйлө* — говорить, ругаясь; *күжүлда* — галдеть, болтать, оживленно говорить; *күңүлдөп сүйлө* — говорить грозно и властно.

КП «Манера говорить громко» выражается с помощью звукоподражательных глаголов: *бакылда* — горланить, *бакыр* — орать, реветь, громко кричать, горланить; *барк эт* — гаркнуть, рывкнуть, сказать громко, властно и решительно; *барсылдаш* — оживленно и громко разговаривать; *бартылдап сүйлө* — говорить решительно и басом; *даркыра* — говорить громко и грозно; *ажылдап сүйлө* — го-

ворить, ругаясь; *кужулда* — галдеть, болтать, оживлённо говорить; *купулдөп сүйлө* — говорить грозно и властно.

Концепт «Пустое слово»

Номинативное поле концепта «Пустое слово»:

Лексический пласт	<i>дөөдүр; дөөдүрө- дөөрү- бабыра- бадылда- бежире- былжыра- жебире- жөөлү- кечжил- де- келжире- мылжыңда- сандыракта-</i>
Фразеологический пласт	<i>бекердин сөзү; бозодогу сөз или бозонун сөзү; баяны жок сөз; даамсыз сөздөр; жер- жебирин жебирейт; жел сөз; ооздун жели; жөө доклад жосуну жок сүйлө; жөөлүгөн сөз; суу кечпей турган сөз; ойду-тоону айта бер- или соктура бер- или койгулата бер- или оттой бер; кур дурмөт; сөзүнүн маңызы жок; төркүнсүз бирдемелерди айтып, ылжаңдай берди</i>
Паремиологический пласт	<i>Сөзүң менен орок орбо, көзүң менен машак тербе. Сууну көп кечсең — балчык, сөздү көп айтсаң — тантык; Миң чеченди бир дөөдүр жеңиптир; От чаласынан, сөз чаласы жаман</i>

Когнитивные признаки, актуальные для данного концепта.

КП «Длинные, бесполезные речи, бесплодные рассуждения». В кыргызском языке особо выделяется ряд выражений, которые характеризуют пустые разговоры, не несущие никакой пользы: *баяны жок сөз* (слова без содержания). Многие из них раскрываются через культурные коды. Пищевой код: *даамсыз сөздөр* (букв.: слова без вкуса). Природный код: *жел сөз* (букв.: слова из воздуха); *суу кечпей турган сөз* (букв.: слова, которые не могут перейти воду вброд), т.е. бесплодные разговоры; кинестетический код: *жөө баян* (букв.: пеший рассказ), т.е. бессодержательный разговор. Во фразеологизме *кур дурмөт сөз* (букв.: *дурмөт* — холостой

заряд), выражающем шумное пустословие, заложен милитарный код. Пословица *Сөзүң менен орок орбо, көзүң менен машак тербе* учит: «Не словами коси, а серпом, не глазами собирай колосья» (трудовой код).

КП «Говорить назойливо». При реализации данного когнитивного признака в кыргызском языке выделяется группа изобразительных глаголов: *бабыра- бежире-, бадылда-, жебире-*, которые выражают манеру говорения без соблюдения меры.

КП «Говорить глупые, бестолковые вещи». В основе таких выражений, как *соктура бер* (букв.: продолжай колотить) — или *койгулата бер* (букв.: продолжай колотить) или *оттой бер-* (продолжай щипать траву) имеют также значение «нести околесицу, говорить всякую чепуху», лежат активные физические действия, которые кыргызское сознание соотносит с кинестетическим кодом. Фразеологизм *ойду-тоону айта бер-* (букв.: говорить о горах и низинах) раскрывается через природный код. В выражении *төркүнсүз бирдемелерди айтуу* (нести околесицу, говорить бессмысленные вещи) ключевое слово *төркүнсүз* (*төркүн* — родня жены), которое адресует нас к этнографическому коду. Для кыргызской женщины, вышедшей замуж, родня (*төркүн*) олицетворяет дорогое ее сердцу детство и девичество в родительском доме. В поговорке *От чаласынан, сөз чаласы жаман* (больше вреда не от слабого огня, сколько от слабого слова) заложен природно-стихийный код.

Концепт «Сила слова»

Номинативное поле концепта «Сила слова»:

Лексический пласт	<i>бурмала- кажа- какша- какшыкта- кекетти; жалбар-, жалын- такы-</i>
Фразеологический пласт	<i>жүлүнгө жетер кеп, куйкумдуу сөз или куйкумдуу кеп; кепке көндүр- кулактын куужурун ал- такы- айтып жүрүп тилим тешилди; сөзгө сындыруу</i>

Паремиологический пласт	<i>Сүйлөгөнү — аткан ок, барааны жандан башкача; Бура сүйлөгөн сөз күлөргө жакшы; Сөз айтпагын болбоско, суу куйбагын толбоско; Кулактан кирген сөз жүрөккө барып муз болот; Сиңер жерге суу жай, угар кишиге сөз айт; Жакишынын сөзү таши эритет, жамандын сөзү баш чиритет; Сөз айтпагын болбоско, суу куйбагын толбоско; Сөз-сөөктөн өтөт, таяк-эттен өтөт; Кулактан кирген сөз жүрөккө барып муз болот; Сиңер жерге суу жай, угар кишиге сөз айт; Жара айыкса так калат, жаман сөздөн кек калат; Жара айыкса так калат, жаман сөздөн кек калат; Оор иштен коркпо, оор сөздөн корк; Сөз-сөөктөн өтөт, чучукка жетет; Чөп ишреси мал семиртет, кеп ишреси жан сергитет; Жакишы сөз — жан эритет, жаман сөз — жан кейитет; Көздүн курчу болот, сөздүн мурчу болот; жакишыны сөз өлтүрөт, жаманды таяк өлтүрөт сөзгө жараша сөз айтпаса, сөздүн атасы өлөт кылыч жарасы бүтөт, тил жарасы бүтпөйт ок жарасынан сөз жарасы жаман чапкан сайын көз чыкпайт, айткан сайын кеп өтпөйт кулактан кирген сасык жакишы сөз таши эритет, жаман сөз баш чиритет тоону, таишы суу бузат, адамзатты сөз бузат; Жакишыны сөз өлтүрөт, жаманды таяк өлтүрөт; Жакишы сөз-суу, жаман сөз-уу; Жылуу-жылуу сүйлөсө, жылан ийинден чыгат (имиш); Көз жетпеген жерге сөз жетет; Сөз доодон да куткарат, жоодон да куткарат; Сөз баштаган, эл баштайт; Тилден бал да тамат, уу да тамат; Туура сөз кылычтан өткүр; Уй мүйүзүнөн сынат, адам сөзүнөн сынат.</i>
-------------------------	--

Когнитивные признаки, раскрывающие основные идеи языковых номинаций данного концепта:

КП «Оказывать словом отрицательное воздействие».

Поговорка *Какишык сөз кадырлашты да бузат* означает: «слово, сказанное с издевкой, уважение на нет сведет». В устойчивом выражении *куйкумдуу сөз* или *куйкумдуу кеп* (букв.: паленая речь, слово), которое характеризует язвительное слово, насмешливое замечание, заложен физический код. Соматический код характерен для выражения *жүлүнгө жетер кеп* (букв.: слово, достающее до спинного мозга), т.е. злое, едкое слово.

КП «Результат от воздействия словом» реализуется в паремиологических выражениях. *Жакишынын сөзү таши эритет, жамандын сөзү баш чиритет* — слова хорошего человека камень растопят, слова никчемного голову заморочат (*чиритүү* — превратить в гной) — химический код. Кинестетически-соматический код: *Сөз-сөөктөн өтөт, таяк-эттен өтөт* — слово ранит, проходя сквозь кость, дубинка ранит тело. *Сөз сөөктөн өтөт, чучукка жетет* — слово проходит сквозь кость и ранит до самого нутра, точнее до спинного мозга. Природно-физический код: *Кулактан кирген сөз жүрөккө барып муз болот* — слово, войдя через ухо, превращается в сердце в кусочек льда. *Кулактан кирген сасык сөз, жүрөккө барып муз болот* — вошедшее через ухо паршивое слово, дойдя до сердца, превращается в лёд, т.е. ведёт к охлаждению отношений. Растительный код: *Чөп ишреси мал семиртет, кеп ишреси жан сергитет* — от сочной травы скотина жир нагуляет, от хороших слов душа наслаждается.

КП «Действие слова бывает разным». Пространственно-ориентационный код, реализующийся в виде вместилища (сосуда): *Сөз айтпагын болбоско, суу куйбагын толбоско* (не говори бестолковому говорить, не наливай в дырявый сосуд), а также в виде почвы: *Сиңер жерге суу жай, угар кишиге сөз айт* — поливай там, где вода впитывается, говори тому, кто умеет слушать. Физико-химический код, реализующийся в процессах таяния и гниения: *Жакишы сөз таши эритет, жаман сөз баш чиритет* — доброе слово душу смягчает, дурное слово голову гноит. Физический код: *Жакишыны сөз өлтүрөт, жаманды таяк өлтүрөт* — хорошего человека слово может убить, никчемного дубинка убьёт. Пищевой

код: *Тилден бал да тамат, уу да тамат* — с языка и мед может капать, и яд может капать.

КП «Сила воздействия словом». О том, что слово имеет огромную силу воздействия, свидетельствуют следующие выражения, пословицы и поговорки. Физический код: *сөзгө сындыруу* (букв.: сломать словом) — убедить словом; медицинский код: *Кылыч жарасы бүтөт, тил жарасы бүтпөйт* — рана, нанесённая мечом, заживает, рана, нанесённая словом, не заживает; *Ок жарасынан сөз жарасы жаман* — рана от слова хуже раны от пули. Природно-физический код: *Тоону, ташты суу бузат, адамзатты сөз бузат* — горы и камни вода разрушает, а людей — слово (ложь, клевета). Милитарный код: *Туура сөз кылычтан өткүр* — праведное слово острее меча.

Концепт «Слово-общение»

Номинативное поле концепта «Слово-общение»:

Лексический пласт	<i>маек баян баарлаш- сүйлөшүү, маектеш- божура- жүйөлөш- сырдашуу</i>
Фразеологический пласт	<i>аңгеме сал- жүйөлүү сөз или жүйөлүү кеп</i>
Паремиологический пласт	<i>Ийри отуруп, түз кеңешели; Сөз — жип, кандай созсо кете берет; Бийик дөбөгө чыксаң, көзүң ачылат; Жакишы менен сүйлөшсөң, көңүлүң ачылат</i>

Когнитивные признаки, лежащие в основе номинативного поля концепта:

КП «Обсудить, обменяться мнениями». Нейтральной единицей, содержащей данный КП, является слово *сүйлөшүү* (разговор). Лексема *баарлашуу* имеет значение «разговор по душам»; *маек* — это беседа, непринуждённый разговор; арабское слово *баян* обозначает рассказ, повествование от имени одного лица; выражение *кобур-кобур сүйлөшүп* имеет разговорный оттенок и обозначает

размеренную беседу между женщинами, в непринужденной обстановке; глагол *божура* означает «мирно, спокойно беседовать о чем-либо»; *маектеш* — беседовать, непринуждённо разговаривать; *сырдашуу* — разговор по душам, беседа-откровение.

КП «Мирный разговор, обмен мнениями»: *аңгеме сал* — беседовать, вести беседу; *дидарлашуу* — беседовать на сокровенные, душевные темы; *жүйөлөш* — приводить друг другу доводы, стараться мирно убедить друг друга, мирно, спокойно обсудить.

Жүйөлүү сөз или жүйөлүү кеп — убедительная речь, дельное слово. Поговорка *Ийри отуруп, түз кеңешели* (букв.: сядем криво, но поговорим прямо) — сядем-ка да посоветуемся; сядем-ка рядом, да поговорим ладком. Предметный код: *Сөз — жип, кандай созсо кете берет* (слово — нитка, куда потянешь, туда и пойдет). Природный код: выражение *бийик дөбөгө чыксаң, көзүң ачылат; жакишы менен сүйлөшсөң, көңүлүң ачылат* — взойдёшь на высокий холм, глаза радуются, с хорошим поговоришь, сердце радуется.

Когнитивный анализ концептосферы «Слово» в кыргызском языке позволил установить, что данный концепт занимает важное место в языковой картине кыргызского миропознания. Концепт «Слово» содержит в себе элементы, связанные с национальной стороной восприятия мира, нравственностью, физической природой, образом жизни и, следовательно, является универсальным, что позволяет назвать его ценнейшей константой кыргызской культуры.

Макроконцепт «Мышление»

Макроконцепт «Мышление» состоит из таких концептов, как «Мысль», «Ментальные действия», «Интеллект», «Разум».

Концепт «Мысль»

Номинативное поле концепта «Мысль»:

Лексический пласт	<i>ой, ойлом, мээ, далил, ажыт, жүйө, жоромол, маани, мазмун, маныз, санаа, эс, эс-тутум, дымак, кыял; пикир, билим</i>
-------------------	---

Фразеологический пласт	куру кыял
Паремиологический пласт	Санаа куюндан да күлүк, жакшы санаа (ой) — жарым ырыс; Тамак болбой, дымак болбойт; Жүгү уйда болсо да, дымагы төөдө; Кыялы асмандап кетти кыялданган тилекти кыстаган турмуш бийлейт

Когнитивные признаки, актуализирующие данное номинативное поле:

КП «Единицы мыслительной деятельности человека».

Данный КП представлен несколькими существительными как исконно кыргызскими, так и заимствованными из арабского языка: *ойлом* — мышление; *ой* — мысль; *мээ* — мозг; *акыл* — разум, ум, рассудок; *пикир* — мысль, мнение; *дээр* — сознание; *акыл-эс* — сознание; *аң-сезим* — сознание; *эс-тутум* — память; *билим* — знание, наука. Данные лексические номинации выражают разные формы и проявления мыслительной деятельности человека.

Следующие поговорки раскрывают видение кыргызов по отношению к названным единицам: *адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт* — человек мыслью не насыщается, всё время думает, волк овцами не насыщается; *ой-сөздүн сандыгы* — мысль — сокровищница (букв.: сундук) слов, ум, помыслы; *аиш — ээси менен, баш — мээси менен* — угощение от хозяина, голова от мозга; *менин акылым сенде эмес, сенин акылың менде эмес* — мой ум не у тебя, твой ум не у меня, т.е. всяк живёт своим умом; *билим — элге, суу — жерге* — знание — народу, воду — земле.

КП «Содержание мысли» представлен следующими словами преимущественно арабского происхождения: *ажыт* — суть, сущность, например, *ажытын айырып бер* — разбери-ка, в чём тут суть; *маани* — смысл, значение; *маныз, мазмун* — смысл, значение; содержание, сущность, суть. Идиома *куру кыял* обозначает пустые размышления, фантазии.

КП «Результат мыслительной деятельности человека» содержится в арабском слове *далил* — доказательство, довод, аргумент; *далил келтир*- или *далил көрсөт* — привести доказательства,

аргументировать; *жоромол* — предположение, гипотеза; *жүйө* — разумный довод, суть дела, основание для чего-либо; ср: *акылы даана адамдын сөзүндө болот* жүйөсү — слова человека с ясным умом бывают дельны, толковы.

КП «Процесс создания в воображении каких-либо планов, намерений» реализуется в арабском слове *кыял* (мечта, фантазия), в слове иранского происхождения *дымак* (желание, помыслы), в исконно кыргызском слове *санаа-ой* (мысль, дума, намерение). Указанные лексемы получают интерпретацию в следующих выражениях и поговорках: *дымагы чоң* — о человеке с большими претензиями; *Санаа куюндан да күлүк* — мысль быстрее вихря; *Жакшы санаа — жарым ырыс* — благожелательная мысль — половина удачи (если, например, я высказал уверенность, что клевета на меня будет опровергнута, — это уже половина удачи); *Тамак болбой, дымак болбойт* — без пищи и стремления нет; *Жүгү уйда болсо да, дымагы төөдө* — выюк на корове, а мысли его о верблюде.

Концепт «Ментальные действия»

Лексический пласт	<i>ойлонуу, аңдоо</i> - осмысление; <i>толгонуу</i> - кыялдан- сана- айны-, <i>баала</i> - божомолдо- болжо- бушүркө- боолго- баиштан- жоро- жору- изилде- иликте- тунукта- тыянакта амалда- айны; <i>жамакта</i> - амалда- баам баамда аңда-; <i>түшүн</i> - алаксы-
Фразеологический пласт	<i>пикир алышуу далил келтир</i> - или <i>далил көрсөт</i> -; <i>ажытын айырып бер</i> ; <i>ойго батуу</i> — <i>ой жүгүртүү</i> или <i>ой жүргүзүү</i> ; <i>ою бөлүндү</i> , <i>акылга сал</i> - , <i>кыял жүгүрт</i> ; <i>ой толгоо</i> ; ; <i>акыл тап</i> - <i>ой жорут</i> -, <i>жөн бер</i> -, <i>кыял сүр</i> - <i>задуматься</i> <i>одуматься</i> , <i>ойго жеңдир</i> - <i>задуматься</i> , <i>алчы-таасын аңтарды</i> ; <i>аныкта</i> - <i>ойлоп чыгар</i> - или <i>ойлоп тап</i> - <i>беш кыл</i> — <i>хитрить</i> ; <i>эске түшүрүү</i> ; <i>эске тутуу</i> ; <i>көңүлгө түй</i> - или <i>акылга түй</i> - или <i>көкүрөккө түй</i> - <i>эске түш</i> - <i>алагды кыл</i> -

Паремиологический пласт	<i>Кабыргам менен (или кабыргам) кеңешип көрөйүн</i>
-------------------------	--

Когнитивные признаки, характерные для данного номинативного поля:

КП «Проводить логические и аналитические операции»: давать оценку *баала-*, выяснять суть, давать определение *аныкта*, выявлять *айгинеле-*, приводить доводы, доказывать *далилде-*, раскрывать суть, выяснять *тунукта-* (букв.: делать прозрачным), заключать, делать вывод *тыянакта-*; анализировать, рассматривать — *иликтөө-*; исследовать *изилдөө-*; толковать — *жоруу*; импровизировать — *жамакта*; изобрести — *ойлоп чыгар-* или *ойлоп тап-*; *акыл табуу* — найти решение, додуматься; разобраться детально в качестве и особенностях — *алчы-таасын аңтарды он*; представить что-л. в качестве основания, доказательства — *бетке карма* (букв.: держать у лица);

КП «Иметь в мыслях предварительные суждения»: *божомолдо* — предполагать, строить предположения; определять что-л. предположительно; *болжо* — предполагать, предположительно определять, заранее определять; *баштан* — задумать, возыметь намерение; *жоро* — предназначать, определять, предопределять; *бушүркө* — неясно представлять себе, смутно припоминать; *боолго* — неясно представлять себе, смутно припоминать.

КП «Проявлять изобретательность»: *амалда* — изловчиться, ухитриться, извернуться, найти выход из положения; *амалдап ал* — ухитриться получить что-л.; *беш кылып атат* (букв.: он делает хитрость), т.е. он хитрит, увиливает; в основе данного сочетания слово *беш* в значении «увёртка, отговорка, хитрость».

КП «Понять, проникнуть в суть, разобраться в чем-то»: *баамда* — понимать, разуметь от арабского слова *баам* (понимание, разумение); *баамы терең жан* — человек с глубоким пониманием чего-л.; *баамы жетпейт* — у него понимания не хватает; *аңгар* — вникать, стараться понять; *аңда* — понимать, вникать; *акылым жетпейт* — я не постигаю, я не могу понять; *көзү жетти* (букв.: глаз достиг) — он убедился, удостоверился; *түшүнүү* — понимать, вникать; *капарымда жок* (букв.: не было

в поле зрения) — мне невдомёк, мне и в голову не приходило; *түк капар кылбайт* — он ни о чём не думает, не заботится; *мээси жетпейт, акылы жетпейт* (букв.: мозгов или разума не хватает) — не может понять. Поговорка *Кабыргам менен (или кабыргам) кеңешип көрөйүн* (букв.: я посоветуюсь со своим ребром) обозначает «я хорошенько обдумаю».

КП «Способность сохранять и воспроизводить в сознании мысли, факты»: *эске түшүрүү* — напоминание; *эске тут* — запомнить, держать в памяти; *көңүлгө туй-* (букв.: завязать узелок в душе) или *акылга туй-* (букв.: завязать узелок в голове) или *көкүроккө туй-* (букв.: завязать узелок в груди), т.е. крепко запомнить; *мээңе түйүп алуу* (букв.: завязать узелок в мозгу) — строго-настрого запомнить; все эти сочетания образованы с глаголом *түй-* (завязать узелок). Сочетание *эске түш-* обозначает «вспомниться, прийти на память».

КП «Сосредоточенность мыслей, направленность мысли на что-либо»: *алаксы* — отвлекать внимание, усыплять бдительность; *алагды кыл* — отвлекать от дела, отвлекать внимание.

КП «Мыслительная деятельность» реализуется в ряде кыргызских глаголов: *ойло* — думать, мыслить, *ойлонуу* — размышлять, *ойго батуу* (букв.: погрузиться в раздумья), т.е. задуматься, *сана* — заранее думать о будущем, *кыялдануу* — размышлять, задуматься, *толгонуу* — усиленно думать (от *толго* — вращаться, переворачиваться; изгибаться). Следующие устойчивые сочетания организованы вокруг ключевого слова *ой* (мысль): *ой жүгүртүү* или *ой жүргүзүү* (букв.: привести мысль в движение, заставить ее бегать), т.е. размышлять; *ою бөлүндү* (букв.: его мысли раздвоились), т.е. он впал в раздумья; *ой толгоо* (букв.: закручивать мысли), т.е. впасть в глубокие раздумья; *ойго жеңдир* (дай победить мыслям), т.е. задуматься, быть в задумчивости; *ой жорут-* (букв.: мысль толковать), т.е. мысленно представлять себе. Для третьей группы сочетаний стержневым словом является слово *кыял* (мечтание, раздумья); *кыял сүр* (букв.: двигай вперед мысли) — задуматься, впасть в раздумье, мечтать; *кыялы асмандап кетти* — он унёсся мыслями за облака; *кыял жүгүрт-* (букв. пустить размышления в движение), т.е. предаваться размышлениям. Поговорка *Кыялданган тилекти кы-*

стаган турмуш бийлейт обозначает «желанием, рождённым в мечтах, управляет суровая жизнь».

КП «Мыслительная деятельность» обнаруживается также в словах и сочетаниях, выражающих сомнения, колебания, внутреннее размышления. Значение нерешительности выражено в сочетаниях *деңдароо болуу* или *көңүлүм эки анжы болуп турат* (букв.: моя душа раздваивается). Выражение *кабыргам менен* (или *кабыргама*) *кеңешип көрөйүн* (букв.: я посоветуюсь со своим ребром) означает «я хорошенько обдумаю». Глагол *айны-* обозначает «отказаться от слова, раздумать»

Концепт «Интеллект»

Лексический пласт	<i>акылдуу, зейрек, зээндуу, идиректүү; даана, жөндөмдүү ан-сезимдүү</i>
Фразеологический пласт	<i>акылым жетпейт, көзү жетти, капарымда жок, мээ жетпейт, акыл жетпейт; идиреги бар; мээси бөксө; дээринде жок; санаасы кыска</i>
Паремиологический пласт	<i>Менин акылым сенде эмес, сенин акылың менде эмес; Аш — ээси менен, баи — мээси менен, адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт; Акылдуу отко карайт, акмак казанга карай; Билимдүүнүн билими жугат, билимсиздин ириңи жугат; Билими толук миңди жыгат, билеги жоон бирди жыгат; Акылдуу менен арбаиша, алдуу менен кармаиша — Адам — акылы менен адам; Билимдүүнүн белгиси, билгенин келет бергиси, акылдуунун белгиси, акылын келет бергиси; Адам — акылы менен адам</i>

КП «Обладающий определенными умственными способностями». Данный когнитивный признак присущ как исконно кыргызским, так и заимствованным словам: *ан-сезимдүү* — сознательный; *акылдуу* — умный, разумный; *жөндөмдүү* — рассудительный, дельный, толковый; *способный; сезимдүү* — понятливый. Слова

иранского происхождения *зейрек / зирек (зейректик / зиректик)* — понятливый, смыслённый, сообразительный, проницательный. Слова арабского происхождения *зээндуу* — способный, толковый; *идиректүү (идирек)* — сообразительный, понятливый; *идиреги бар* — сообразительный, понятливый.

Следующие поговорки и выражения раскрывают различные стороны интеллекта человека: *Адам — акылы менен адам* — человек умом человек. *Акылдуу болуу — бул Кудайдан коркуу* — быть умным — значит бояться Бога. *Билимдүүнүн белгиси, билгенин келет бергиси, акылдуунун белгиси, акылын келет бергиси* — признак образованного — делиться знаниями, признак умного — делиться умом (советами). Поговорка *Акылдуу отко карайт, акмак казанга карайт* гласит — Умный за огнём смотрит (подкладывает топливо и т.п.), а дурак в котёл заглядывает; *Акылдуу менен арбаиша, алдуу менен кармаиша* — Не враждуй с умным, не вступай в борьбу с сильным. Выражение *Ар бир ишке даана жигит* — парень, умеющий разобраться в любом деле; *билимдүүнүн билими жугат, билимсиздин ириңи жугат* — от учёного прилипает знание, а от неуча — пакость; *билими толук миңди жыгат, билеги жоон бирди жыгат* — знающий побеждает тысячу, а толсторукий — одного.

КП «отрицательная характеристика умственных способностей»: *мээси бөксө* (букв.: у него недостаток мозгов) — он глуп, недалек; *дээринде жок/ дээри жок* — у него от рождения нет ума; *санаасы кыска* — у него ум короткий; поговорка *Акыл аиша, жин болот* — Если у человека ума слишком много, он становится бесноватым.

Концепт «Разум»

Номинативное поле данного концепта:

Лексический пласт	<i>аң-сезим, акыл, акыл-эс, даанышман</i>
Фразеологический пласт	<i>акыл кылуу, акылга токтолуу, акылга кирүү, акылы көзүндө, акылга жеңдирүү, акылы бүтүн, даанышман сезимдүү</i>

Паремиологический пласт	<i>Акылдуулар сөз алышат, акылсыздар өч алышат</i>
-------------------------	--

Когнитивные признаки, лежащие в основе данных выражений:

КП «Умение полагаться на разум». Эти выражения связаны с ключевым словом *акыл* (разум) *акыл кыл-* (букв.: разум + делать), т.е. думать, быть в раздумье; *акылга сал-* (букв.: на разум положись), т.е. обдумать, обмозговать; *акылга токтол-* (букв.: остановись на разуме), т.е. решить, принять решение; *акылга жеңдир* (букв.: дай победить разуму) — обдумать, поступить благоразумно; *акылга түш-* (букв.: спуститься к разуму), т.е. одуматься; *акыл токтот* (разум остановить) — одуматься, взять себя в руки, прийти в себя; *акылга кир-* (букв.: войди в разум), т.е. образумиться; *акылга киргиз* (букв.: ввести в разум) — образумить;

КП «Органы проявления мудрости». «Локализация» мудрости относится к сознанию, разуму: *аң-сезим* — сознание, *акыл* — разум, *акыл-эс* — разум. *Акылы көзүндө* — у него ум в глазах, о человеке, который понимает только то, что видит.

КП «Обладающий знанием жизни, здоровым умом». Ср.: *даанышман* — мудрец; *акылы бүтүн* — умный, разумный. *Акылдуулар сөз алышат, акылсыздар өч алышат* — умные к слову прибегают, глупые к мести прибегают.

Заключение

Проблема соотношения языка и этноса в данном исследовании была рассмотрена с позиций когнитивной лингвистики, которая позволила раскрыть язык как креативную лабораторию, фиксирующую опыт познания мира этносом. Язык представляет собой ментальный архив этноса. Учитывая, что язык состоит из лексики и грамматики, обе эти системы в разной степени участвуют в формировании языковой картины мира. Промежуточный языковой мир понимается как духовная, умственная структурирующая инстанция, связывающая неупорядоченный реальный мир вещей с соответствующей языковой общностью и направляющая динамический процесс освоения мира через родной язык, через процесс «вербализации мира» (Worten der Welt) путём понятийного развёртывания словаря (Сусов). Перед нами была поставлена задача: составить языковой портрет кыргызского этноса. Для решения этой задачи мы главным образом опирались на словарь, т.е. на лексические ресурсы кыргызского языка, которые вывели нас на ключевые концептосферы, позволившие очертить основные контуры кыргызского этноса.

Концептосфера — это сложная когнитивная структура, которая формируется из ряда концептов и представляет сумму знаний и информации по определенному факту, явлению. Каждый из концептов в рамках той или иной концептосферы был изучен с точки зрения языковой вербализации в кыргызском языке. Как известно, в номинативной репрезентации концепта участвуют все языковые ресурсы, включая письменные и устные тексты. В своем исследовании мы ограничились основным языковым материалом, представленным в лексикографических источниках. Таким образом, номинативное поле концепта в предлагаемом анализе включало лексические номинации, фразеологические единицы и устойчивые сочетания, а также паремиологические выражения (поговорки, пословицы).

Жизненные ценности кыргыза. Философия жизни кыргыза зиждется на определенных ценностях; сама жизнь воспринимается как благодать, восприятие жизни со всеми ее превратностями, испытаниями, граничащая с идеями фатализма. Наряду с этим бытует

оптимистический взгляд на жизнь, уверенность, что основой благополучия является сплоченность семьи, народа. Основные жизненные приоритеты кыргыза связаны с социально-нравственными представлениями народа. В вербальной памяти народа остались запечатленными такие категории, как любовь к родной земле, вера в справедливую власть, в достойного лидера, стремление видеть его демократичным. Нравственные установки отражают каноны надлежащего поведения в рамках этнического сообщества, т.е. быть всегда вместе с народом, умение быть готовым к любым испытаниям, стремиться к заданной цели, не избегать тяжелого труда, почитать старшее поколение. Наряду с положительными правилами этноязыковое сознание кыргызов сохранило четкое разграничение понятий «свое — чужое», которое отделяет родных и неродных, свою территорию и чужую, соратников и врагов и т.д.

Культурные традиции также нашли полноценное отражение в лексико-фразеологическом корпусе кыргызского языка. Кыргызские обычаи и обряды связаны с жизненным циклом человека, с рождением детей, сватовством, свадьбой, похоронно-поминальным циклом, календарем, кочевкой. Сохранение иерархии родственных отношений, почитание родственников до седьмого колена, каноны воспитания детей, ритуал приема гостей, ритуал проводов усопшего — все эти традиции актуальны по сегодняшний день.

Языковое восприятие пространства. Языковая интерпретация пространства в кыргызском сознании подтверждает теорию Льва Гумилева о том, что «Характер культуры складывающейся народности определяется вмещающим ландшафтом» (Л. Гумилев). Тот языковой репертуар, который мы имеем, позволяет нам значительно уточнить наши представления о среде, в которой жил кыргызский этнос, об их хозяйственной деятельности и прочее. Состав ландшафтной лексики в кыргызском языке прежде всего отражает опыт освоения горного пространства. Так, характерной чертой пространственной лексики кыргызского языка является детальная градация именований фрагментов горного ландшафта. Подтверждением тому является тот факт, что в кыргызском языке насчитывается более 100 слов, обозначающих горный ландшафт. Напротив, равнинный ландшафт репрезентирован тремя десятками лексем, и совсем скудно представлена лексическая номинация

лесного ландшафта — менее 10 единиц. В процессе концептуализации горного пространства кыргызское языковое сознание выделяет такие особенности, которые легли в основу вербализации горного ландшафта: *пространственное соположение, степень наклона, характер поверхности, форма, размер, высота, пригодность к использованию, пригодность к прохождению, степень крутизны, отсутствие простора, удобство использования, мера доступности*. Используя эти данные, кочевники определяли пригодные к поселению места.

Концепт «Пространство» неразрывно связан с концептом «Движение». Многовековой опыт жизни в постоянном движении, перекочевки с одного места на другое наложил свой отпечаток на процесс языковой концептуализации. Номинативная плотность концепта «Движение» в кыргызском языке довольно высокая: насчитывается более 20 первичных (непроизводных) глаголов, которые детализируют движение в объемном пространстве: по горизонтали в разные стороны, по вертикали вверх и вниз. Этот список дополняется многочисленной лексикой, выражающей различные аспекты движения по склонам гор, по хребтам, по воде, верхом на лошади.

Языковое восприятие времени. Сквозь призму языковой репрезентации концепта «Время» можно раскрыть суть понимания традиционного и современного мировоззрения кыргызского этноса. Данный концепт является многомерным ментальным образованием. Каждая культура обладает собственным языком времени. Концепт «Время» в кыргызском языке имеет многослойную структуру (измерение времени, фиксация времени, отношение к возрасту и др.).

Использование названий диких животных для наименования месяцев у кыргызов дает основание для лингвистического подтверждения исторической локализации кыргызского этноса в географических ареалах, где в изобилии водились дикие животные. Только длительное наблюдение за этими животными, знание всех особенностей их жизненного цикла, их повадок может свидетельствовать о том, что для жизнедеятельности народа эти животные, их среда обитания, условия и циклы их размножения имели для кыргызов огромный смысл.

В отдаленном прошлом кыргызы имели опыт более точного соотношения времени рождения с определенным месяцем, связанного со своей системой зодиакальных животных. Фиксация временных моментов жизни производилась через каждые 12 лет.

Особенности образа жизни кочевника-скотовода могут создавать особый «облик» рутины, и с позиции стороннего наблюдателя их время представляется менее событийно насыщенным и более предсказуемым. Но для самого человека оно неизбежно рутинизируется и наполнение внутреннего времени остается повседневным «жизненным потоком». В повседневной жизни кыргызов измерение времени осуществлялось через такие рутинные факты жизни, как дойка кобылиц, приготовление пищи и т.д.

Концептуализация времени в кыргызском языковом сознании связана со значимостью прошлого, ценностью настоящего, зыбкостью будущего.

Родственные узы. Языковая концептуализация обозначила аксиологическую значимость таких когнитивно-семантических сфер, как иерархия в семейных отношениях, особая этика отношений между родственниками, уважение к старшему поколению, пожизненная опека детей родителями.

Этноязыковой портрет. При составлении языкового портрета кыргызского человека оказалось, что лексика, обозначающая отрицательные черты характера, значительно превалирует над лексикой, предназначенной для описания положительных качеств. В количественном соотношении языковых единиц, обозначающих добродетель, насчитывается 200, человеческие пороки представлены 332 единицами.

В языковом сознании кыргыза положительный образ складывается из таких качеств, как человек с добрым отзывчивым сердцем, отходчиво-доброжелательный, щедрый, объективно-справедливый, сдержанный, скромный, спокойный, великодушный, решительный, учтивый, человек с добрыми помыслами, человек с чувством собственного достоинства.

Обобщенный образ «плохого» человека для кыргыза складывается из таких черт, как порочность, тяжелый характер, надменность, никчемность, коварство, жестокость, хвастливость,

упрямство, слабоволие, глупость, хитрость, отсутствие стыда, безразличие, недостаток ума.

Следует отметить, что этот портрет условно предполагает образ кыргызского мужчины.

Женщина. Характеристика образа кыргызской женщины является частью этноязыкового портрета кыргыза. Языковая концептуализация образа женщины подтвердила многие выводы кыргызских философов и социологов о свободолюбивом нраве кыргызской женщины, о ее равноправном с мужчиной статусе в традиционном кыргызском обществе. Так, в кыргызском языке актуализируются такие черты характера, как ее мудрость, рассудительность, активность. Отрицательные черты женского характера, получившие насыщенную вербализацию, связаны с ее внутренней распушенностью, бурным проявлением негативных эмоций.

Эмоции. При описании языковой экспликации эмоций кыргыза было интересно выяснить, каков эмоциональный облик кыргыза. Примечательно, что номинативная плотность вербализации негативного эмоционального состояния значительно выше, чем при выражении положительных негативных эмоций.

К сфере позитивного состояния относятся такие эмоции, как радость, счастье, хорошее настроение, душевная удовлетворенность, надежда, любовь.

Негативные эмоции реализованы в следующих эмоциональных концептах: печаль, страх, злость, тоска, тревога, плохое настроение, физический дискомфорт, душевный дискомфорт.

Слово. Слово для кыргыза имело огромное значение. Словом дорожили, его оберегали, верили в его силу, ценили его, осуждали тех, кто не умел владеть словом, кто расточительно обращался со словом. В кыргызском языке обнаружен огромный пласт языковых единиц — лексики, фразеологизмов, паремиологических выражений, которые вербализуют концепт «Слово», актуализируя его с точки зрения слова как искусства, с точки зрения силы его воздействия, с точки зрения манеры говорить и т.д. Слово у кыргызов было индикатором умственных способностей человека. Поэтому концепт «Мысль» неразрывно связан с концептом «Слово». Ум, мудрость олицетворяли старейшины-аксакалы и умудренные жизнью женщины-байбиче. Зеркалом мудрости кыргызы всегда счи-

тали его умение говорить. Кыргызам издавна было известно, что источником этих качеств человека являются знания, и поэтому они стремились с детства дать образование своим детям. Лексико-фразеологические ресурсы кыргызского языка актуализируют различные аспекты ментальной деятельности человека, вербализуют интеллектуальные способности, результаты абстрактной мыслительной деятельности.

Надо заметить, что вербально-языковая интерпретация, основанная на трех языковых пластах (лексический, фразеологический, паремиологический), позволила получить обобщенный языковой портрет кыргызского этноса. Вместе с тем данный факт привел нас к выводу о том, что письменные ресурсы языка, зафиксированные в словарях, отражают этническое сознание в ретроспективе, т.е. миропонимание этноса в аспекте прошлого, что не всегда отражает современную динамику жизни народа. Актуальное настоящее, синхронный срез этнического мировосприятия, языковое осмысление насущной действительности в данный исторический период помогают зафиксировать (также с определенной долей условности) психолингвистические данные, полученные путем свободного ассоциативного эксперимента.

Использованная литература

1. Абрамзон С.М. Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 67—82.
2. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / вступ. ст. С.Т. Табышалиева. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
3. Айтбаев А.А. Менталитет кыргызского народа: теория и практика. Бишкек, 2006.
4. Айтбаев А.А., Апсаматова Э.Д. Менталитет кыргызского народа. Бишкек, 2013.
5. Андреева Н.В. Язык и время. Лексический аспект категории времени // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4—6 октября 2004 г.): тр. и мат-лы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 257—258.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М., 1995.
7. Асеинова С.Э. Менталитет кыргызов в условиях глобализации. Бишкек: КНУ, 2014. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=browse&nadd=holder&browse=13&page=59>
8. Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966. С. 68.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
10. Ахмерова Л.Р. Функциональные особенности слов с общим значением времени в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
11. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
12. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
13. Бабушкин А.П., Жукова М.Г. Перевод реалий в свете проблем когнитивной семантики. Воронеж, 1999.
14. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.
15. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М., 1994.
16. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

17. Бердяев Н. Падение священного русского царства. Публицистика 1914—1922 гг. М.: Астрель, 2007.
18. Бокошев Ж. Кыргыз философиясы. Бишкек, 2013.
19. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
20. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
21. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.
22. Ванников Ю.В. Система временных значений как семантическая универсалия // Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств. М.: АН СССР, 1966. С. 28.
23. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
24. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
25. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
26. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
27. Вильгельм фон Гумбольдт. О различии организмов человеческого языка и влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. СПб., 1859.
28. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
29. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79—95.
30. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «Любовь» и «Счастье» (Русско-английские параллели). Волгоград, 2003.
31. Гачев Г. Национальные образы мира: Общие вопросы Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М.: Сов. писатель, 1988; 2-е изд. М.: Прогресс, 1995.
32. Гвоздева А.А. Языковая концептуализация категории пространства // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета (Казань, 4—6 октября 2004 г.): тр. и мат-лы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 26.
33. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.
34. Демьянков В.З. и др. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
35. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6.
36. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
37. Исмоили Абдулхамид. О философии узбекского языка Проблема времени в философии жизни // Антропология культуры. Вып. 1. М., 2002. С. 161. URL: <http://www.ferghana.ru/zvezda/hamid.html>
38. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
39. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
40. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
41. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
42. Кашкин В.Б. Универсальные грамматические концепты // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
43. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965.
44. Керт Г.М., Вдовицын В.Т. Информационные технологии в исследовании топонимии // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 105; 102—124.
45. Клайд Клакхон. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.
46. Ключевский В.О. Размышления о России и русских. М., 1994.
47. Койчуев Т. Избр. соч.: в 3 т. Т. 3. Экономика Кыргызстана на переломном этапе. Бишкек: ЦЭС при ПКР: Экономисты за реформу, 2007.
48. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. СПб., 2011.
49. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.

50. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке. М., 1990.
51. Кондаков И.В. «Менталитет — глубинная структура культуры». Русская культура: краткий очерк истории и теории. М.: Университет, 2000.
52. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
53. Красавский Н.А. Лингвокультурный концепт «тоска». «Vita in lingua»: к юбилею профессора С.Г. Воркачева: сб. ст. / отв. ред. В.И. Карасик. — Краснодар: Атриум, 2007. С. 122—129.
54. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
55. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
56. Крючкова Н.В. Методы изучения концептов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета (Казань, 4—6 октября 2004 г.): тр. и мат-лы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 271—272.
57. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Избранное. 1988—1995. М., 2003.
58. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Языки славянской культуры. М., 2004.
59. Куланина О.В. Стилистические функции диалектизмов в произведениях Н.С. Лескова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
60. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996.
61. Лабунец Н.В. О проекте словаря народных географических терминов юга Тюменской области. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No17/text03.htm>
62. Лабунец Н.В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2007.
63. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / пер. с англ. Р.И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
64. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Отчизна. 1987. № 11. С. 53—54.
65. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1993. Т. 52. № 1.
66. Лукин В.А. Концепт истины и слово ИСТИНА в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
67. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества» СПб.: Блиц, 1996.
68. Лук А.Н. Мышление и творчество. М., 1976.
69. Львова Э.Л. и др. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988.
70. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. I. Архангельск, 1997.
71. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
72. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. СПб., 2015.
73. Меркулов И.П. Когнитивные способности. М., 2005.
74. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. СПб., 1898.
75. Михальчук И.П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // ИАН СЛЯ. 1997. Т. 56. № 4.
76. Мокеев А. О локализации алтайских кыргызов в IX—XIV веках // Кыргыз. Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1996.
77. Москвин В.П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова СУДЬБА). Лексикографический аспект. Волгоград, 1997.
78. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998.
79. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
80. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
81. Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1988.

82. Пименов Е.А., Пименова М.В. Этногерменевтика: некоторые направления исследования // Живая старина / Ин-т славяноведения РАН. 2002. № 4 (36). С. 56—58.
83. Пименова М.В., Пименов Е.А. Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира // Слово в лингвокультурологическом аспекте: коллективная монография / науч. ред. О.Н. Иванишева. Мурманск: МГПУ, 2005. Вып. 1. С. 5—17.
84. Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово, 2004.
85. Плоских В.М. История кыргызов и Кыргызстана: учебник для вузов. Бишкек, 2003. С. 67—70.
86. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.
87. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток—Запад, 2007.
88. Попова З.Д., Стернин А.И. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
89. Попович М.В. Философские вопросы семантики. Киев, 1975.
90. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110—122.
91. Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. Ростов н/Д., 2005.
92. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
93. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта, 2010.
94. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. 5. Наречие диких каменных киргизов. 1885.
95. Радлов В.В. Фонетика северных тюркских языков. СПб., 1893.
96. Радлов В.В. Кара-киргизы Оригинальный вариант // Из Сибири. Страницы дневника. М.: ГВЛ, 1899. С. 348—354.
97. Рябова М.Ю. Временная референция в английском языке. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993.
98. Савенкова Л.Б. Мы в зеркале пословиц. Ростов н/Д.: Феникс, 2006.
99. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
100. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.
101. Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999.
102. Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск, 1999.
103. Соловьев В.С. Избранные труды. М., 1998.
104. Соломоник А. Язык как знаковая система. М., 1992.
105. Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1982.
106. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
107. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
108. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 34—37.
109. Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Tarasov2006.pdf>
110. Тарасов Е.Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
111. Тишков В.А. «Культурный смысл пространства». Доклад на пленарном заседании V конгресса этнологов и антропологов России. Омск, 9 июня 2003 г.
112. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
113. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 106—141.
114. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997.
115. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1987.
116. Трубников Н.Н. Проблема времени в свете философского мировоззрения // Вопросы философии. 1978. № 2. С. 111—121.
117. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. М.: ГИС, 2006.
118. Уваров М.С. Дискурс антиномий и природа философской рефлексии. СПб., 1995.
119. Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
120. Урманбетова Ж.К. Культура кыргызов в контексте развития цивилизации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Бишкек, 1997.

121. Урысон Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2.
122. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2003.
123. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
124. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm#_ftn1
125. Флиер А.Я. Культурология. XX век: энциклопедия. М., 1996.
126. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М., 1987.
127. Фрумкина Р.М. Когнитивная лингвистика или «психолингвистика наоборот»? // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999. С. 80—93.
128. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
129. Хегер К. Ноэма как *tertium comparationis* при сравнении языков // Вопросы языкознания. 1990. № 1.
130. Хомский Н. Синтаксические структуры = Syntactic Structures // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 412—527.
131. Худяков Ю.С. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. 2001. № 5.
132. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М.: Прогресс, 1983.
133. Чернявская Ю.В. Этническое время в хронотопе народа // Человек. 2006. №1. С. 78—88.
134. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2009.
135. Шейко В.М. и др. Культурология. Киев, 2012.
136. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002.
137. Щербак А.И. Названия домашних и диких животных // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Наука, 1961.
138. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 82 т. и 4 доп. т. М.: Терра, 2001.
139. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.
140. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3.
141. Wierzbicka A. The Case for Surface Case. Ann Arbor. 1980.
142. Croft W. Syntactic categories and grammatical relations. Chicago; London: U. of Chicago, 1991.
143. Chafe W. Cognitive constraints on information flow // Coherence and grounding in discourse / ed. R. Tomlin. Amsterdam: Benjamins, 1987. P. 21—52.
144. Wierzbicka A. The case for surface case. *Linguistica Extranea, Studia* 9. Ann Arbor: Karoma. xix, 182. Langacker 1987 // Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites / ed. W. Ronald. 1980.
145. Langacker. Stanford, California: Stanford University Press, 1987.
146. Taylor John R. Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. 2nd edition. Oxford: Clarendon Press, 1995.

Интернет-ресурсы

1. <http://www.eurasica.ru/> — Евразийский исторический сервер.
2. <http://www.kyrgyz.ru/> — Центральноазиатский исторический сервер.
3. <http://www.ethnonet.ru> — Камолиддин Ш.С. К вопросу об этнической ситуации в Средней Азии при саманидах.
4. <http://www.kyrgyzel.kg> — Орозобекова Ж.К. «Манас эпосундагы тулпарлардын көркөм образдары».
5. <http://kyrgyzinfo.ru/> — макал-ылакаптар.
6. <http://www.fergananews.com/zvezda/hamid.html>
7. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/kultura-i-yazyk.html>

Словари и литературные источники

1. Киргизско-русский словарь / К.К. Юдахина. М., 1965.
2. Кыргыз макал-ылакап, учкул сөздөрү / жыйнаган М. Ибрагимов. Карабалта, 2005.
3. Кыргыз тилинин сөздүгү. Бишкек, 2010.
4. Юдахин К.К. Кыргызча-орусча сөздүк, М., 1965.
5. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү / Ж. Осмонова, К. Конкобаев, Ш. Жапаров. Бишкек, 2001.
6. Акматалиев А.С. Каада-салт, үрп-адат, адамдык оң-терс сапат. Бишкек, 2002.
7. Иманалиев К. Каганат. Бишкек, 2009.

Научное издание

Дербишева Замира Касымбековна

ЯЗЫК И ЭТНОС

Монография

Подписано в печать 17.01.2017. Формат 60×88/16.

Усл.-печ. л. 15,68. Уч.-изд. л. 12,39.

Тираж 100 экз. Изд. № 3721. Заказ

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: 334-82-65; тел. 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 90

Отпечатано: Публичное акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии».

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5